

ШЕДЕВРЫ ФАНТЕЗИИ

КОРОЛИ РАЯ

18+

РИЧАРД НЕЛЛ

Ричард Нелл

Короли рая

Серия «Шедевры фэнтези»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70061476

Короли рая / Ричард Нелл ; перевод с английского: Алина Забияка: АСТ;

Москва; 2023

ISBN 978-5-17-152542-2

Аннотация

Року, обезображенного, уродливого, прозвали демоном еще при рождении. Младенцев вроде него в заснеженных землях Аскома убивают, как только они появляются на свет, но Року спасла любовь матери. Гонимый, презираемый, он может полагаться только на свой выдающийся интеллект. Им движет одна цель: отомстить сородичам, которые превратили его существование в ад. Только для этого надо еще и выжить, а это очень непросто. Кейл, четвертый и самый младший сын Короля-Чародея, живет в островном государстве Шри Кон. Но белый песок и теплое солнце Кейлу мало помогают. В семье его считают разочарованием. Более того, он – первый принц, которого отдают в моряки, ведь только так Кейл способен доказать отцу, что достоин будущего. В плаваниях он может легко погибнуть, но, судя по всему, семья готова с этим смириться. Только герои еще не знают, что впереди их ждет немало открытий. Их жизни

обречены судьбой на величие или на гибель. И в изменяющемся мире, где вскоре столкнутся Север и Юг, королем может стать только один.

Содержание

Часть первая

7

Конец ознакомительного фрагмента.

238

Ричард Нелл Короли рая

Richard Nell

KINGS OF PARADISE

Originally published in Canada by Richard Nell in 2017

You can find him and his other work at: www.richardnell.com

Перевод с английского:

Алины Забияки

Эта книга – художественное произведение. Имена, пер-

сонажи, места и события либо являются плодом воображения автора, либо используются вымышленным образом. Любое сходство с реальными людьми, живыми или умершими, или реальными событиями является чисто случайным. Наверное.

Copyright © 2017 by Richard Nell

© Алина Забияка, перевод, 2023

© Михаил Емельянов, иллюстрация, 2023

© ООО «Издательство АСТ», 2023

Часть первая

ПЕПЕЛ И ПЕСОК

*Не было еще ни одного великого ума без примеси
безумия.*

Аристотель

1

Холодная, темная местность. 423 год Г. Э. (Гальдрийской Эры)

Рока посмотрел на тело убитого им мальчика, и в животе заурчало. Несмотря на риск, он развел небольшой костер, отсек своим самым острым ножом плоть с конечностей и положил ее в железный котелок с тимьяном. Добавил целиком сердце, посолив воду из бурдюка, и срезал щеки, чтобы приготовить их на палочках. Закрыв глаза и принялся жевать, чувствуя, как тепло и соки успокаивают желудок.

Не по плану, подумал Рока, но мясо есть мясо.

Продвигаясь все дальше и дальше на Север через страну пепла, он ожидал больше хлеба для кражи, больше зверей для охоты. Он думал, что северная теплая погода будет благоприятна для многочисленных стад и богатых путников на проселочных дорогах. Но обнаружил лишь хорошо охраняе-

мые караваны и пахотные угодья – или изгоев без еды и матерей. Это всегда были мальчишки, подростки или младше, уродливые или нежеланные, без серебра и припасов. Мальчишки точь-в-точь как он.

Трава вокруг его больных огрубевших ступней в изношенных ботинках стала желто-коричневой, когда лето сменила осень. Рока пережил еще один сезон в добром здравии, но знал, что должен двигаться дальше на Север, иначе замерзнет. Близилась зима. Он помешал варево и поежился, когда холодный ветерок пробрался сквозь покрытую слоем грязи одежду. Он смотрел на заснеженные холмы, что простирались впереди и позади, немые и спокойные, если не считать шума ветра. Его взгляд скользнул к телу мальчика.

Интересно, где он родился и кто была его мать?

Роке никогда не удавалось прогнать возникшие мысли.

Любила ли этого мальчика мать? А может, она умерла при родах? Или опухший уродливый лоскут кожи на лбу новорожденного превратил ее радость в страх и отвращение? Может, ей просто нужно было кормить слишком много ртов. *Думала ли она, что у него будет больше шансов выжить одному, в степи? Или проще было не видеть, как он умрет?*

Холодность подобных мыслей больше не смущала Року, хотя он знал, что в младенчестве грезил только о молоке, тепле и любви своей матери. Он знал, поскольку помнил.

Каким-то образом он все еще мог закрыть глаза и ощутить багровую теплую пещерку материнской утробы. Почувство-

вать, как его тянут мозолистые ладони повитухи, и увидеть ее широко раскрытые, бегающие глаза – и как дернулась родинка на ее щеке, когда она вытащила его, мокрого и тихого уродца, смотрящего в упор.

– Он жив? Что случилось?

– Да, госпожа... он просто... не плачет.

Женщина, которую он скоро назовет матерью, обмякла на меховой постели, и Рока по-прежнему мог видеть ее вспотевшее лицо.

– Значит, мальчик. Приведи мою родню. Он получит имя своего деда.

В то время слова были для Роки бессмысленными звуками, но позже он вспомнит и поймет. Его мать, Бэйла, прижала его к себе и убрала с его лба мягкие окровавленные волосы, и, хотя младенец решил, что мир холодный, яркий и громкий, он все-таки чувствовал себя в безопасности.

– Мой сын, – сказала она улыбаясь, и никогда, ни разу, не взглянула на него как на чудовище.

Затем он услышал крики. Таращились, затем исчезали сердитые лица, и вскоре он глядел вверх на бесконечные ночи и голубые небеса, лежа в сильных руках своей матери, чувствовал тепло молока из ее груди и задышался от жара, когда она окуривала его дымом.

Восход за восходом Бэйла шла с сыном, завернутым в грубую ткань, которая натирала его кожу до красных пятен. Он мало что видел и ощущал только голод и холод, все время хо-

лод, пока они не остановились и не остались в какой-то ветхой лачуге у огромных, широких деревьев, которые, узнал он позже, назывались елями.

Жизнь стала бесконечным циклом смены пеленок и кормлений, только со звуками леса, тлеющими кострами и голосом матери. Ее голос был единственным, что казалось реальным в этом мире. Малютка улыбался и агукал, а она обнимала его и болтала за них обоих, пока он постепенно учил слова.

– Мама, что за звук?

Речь он уже понимал, но не мог произносить звуки, затем ждал, пока не обрел уверенность.

Бэйла вздрогнула и уронила шитье, буравя сына взглядом, словно тот стал незнакомцем, которого ей предстояло оценить. Она сглотнула и подняла руку в воздух – позже мальчик узнал в этом жесте знак Брэй.

– Волк. Это... волчий вой, дитя. Бояться нечего.

Малютка улыбнулся, и вскоре плечи матери расслабились, она улыбнулась в ответ, и он снова стал ее сыном. Впоследствии каждый день стал разговорами с тысячью вопросов, которые Рока прежде держал в себе, не умея их задать, и иногда еще до захода солнца мать приказывала ему замолчать и «просто лечь спать».

Прошли месяцы. Рока достаточно окреп, чтобы ползать, а вскоре и ходить, и мать хлопала в ладоши и отпускала Року бродить по лачуге, хотя иногда от этого болели его ладо-

ни и колени. Мать научила его, что у слов есть и символы, используя старый сборник историй. Однажды она показала символ и захлопнула книгу, затем нарисовала такой же на земле и спросила сына, что тот означает.

«Пепел? – Он воспроизвел открытую книгу в уме, и мать с плачем подхватила Року и закружила. – Я ошибся?» Встреченно – хотя ему нравилось кружиться – он коснулся ее щек, и она сказала: «Нет, дитя, это слезы радости. Ты не ошибся. Не ошибся».

Когда он достаточно подрос, то помогал ей собирать коренья и хворост, если было не слишком холодно, и она учила его магии растений.

– Как они живут зимой, мама?

Закрыв глаза, он до сих пор мог видеть ее полнозубую, с характерным прищуром, улыбку – предназначенную, как он узнал, только ему.

– Они спят под землей. А когда приходит весна и высоко на Востоке встает яркое солнце, а в почву струится тепло, они пробуждаются вновь.

Малыш Рока обдумал это и нахмурился.

– Почему так не делаем мы?

Она усмехнулась, что всегда заставляло смеяться и его.

– Мне бы хотелось этого. А теперь идем, пока мы не замерзли. Принеси ведра.

Когда Рока подрос достаточно, чтобы путешествовать, они покинули жалкую лачугу и клочок леса, вновь двинулись

на Юг и, наконец, поселились рядом с промерзлым городком под названием Хальброн, у леса, который люди боялись пересекать.

– Там злые духи, – объяснила мать, хотя мальчику не доводилось их ни видеть, ни даже слышать. Их с мамой новое – и последнее – жилище стояло вдали от озера или реки, далеко от дороги или места собраний: старый, щелястый фермерский дом со стенами, слишком тонкими даже для амбара. Но в сравнении с лачугой, где Рока провел младенчество, это жилье казалось роскошью.

М

ы идем к реке. Ты запачкался.

Рока пережил свою седьмую зиму и, назло стуже, прыгал во все весенние озерца и лужи, какие только мог найти, радуясь каждому всплеску и хлюпанью. Мать сперва рассердилась, но засмеялась, когда он соорудил гримасу и попытался выжать штаны.

В теплом свете послеполуденного солнца мир казался безопасным, а Рока никогда не был в реке, поэтому по пути обегал мать кругами, задавая вопросы – уже раздетый, за исключением ботинок и набедренной повязки:

- Вода будет теплой?
- Нет, Рока.
- Можно мне зайти полностью?
- Только до колен.

– А другие дети будут?

Бэйла нахмурилась в ответ, и после долгой ходьбы они добрались до раскисших, оттаивающих берегов реки Флит – как сказала Бэйла, это южное слово и означало всего-навсего реку.

– Так ее зовут «река Река»? Это глупо. – Мать улыбнулась, он пожал плечами и бросился вниз по берегу, как Эгиль Кровавый Кулак в одном из рассказов, намеренный убить кого-нибудь монстра, прежде чем помыться.

– Будь осторожен.

Рока подбежал к самой кромке, увидел плывущие в быстром течении куски льда – и уже в семь лет знал, что здесь надо остерегаться. Он снял ботинки и ощутил прохладу травы, окуная пальцы ног, пока мать стирала одежду и наполняла мехи, постоянно поглядывая в сторону сына.

Река и впрямь была такой холодной, что обжигала. Он мог отчасти видеть сквозь толщу воды и восхитился миром внизу: плоские гладкие камни, с виду отполированные не хуже стола в его доме; каплевидные стаи крошечных рыбок или, возможно, лягушек. Дрожа, он попробовал быстренько вымыться, брызгая водой на грудь и оттирая грязь, чтобы не погружать ноги еще глубже. Наполовину чистый, он хмуро оглянулся на мать, надеясь, что этим она и удовольствуется.

Но она смотрела в сторону, плотно сжав челюсти и неподвижно сцепив руки в холодной воде, словно забыв, что делала. Рока проследил за ее взглядом.

– Здравия, сестра.

Из тумана появилась женщина; она произносила звуки рублено и невнятно, так что вышло больше похоже на «‘дравья, ‘стра». Роке почти не доводилось видеть женщин, и он затруднялся определить ее возраст, хотя выглядела она не старше Бэйлы. Ее лицо покраснелось, а голова подрагивала от усилий, с какими она тащила корзины, доверху полные одежды.

Четверо почти одинаково одетых женщин шли позади, болтая и смеясь. Подобно Бэйле, они носили платья поверх длинных сорочек – и с дружелюбным видом улыбались.

– Славный день для стирки, – сказала одна из них, на что Бэйла ответила лишь сдержанным кивком.

– Что угодно, чтоб отдохнуть от стрижки шерсти, – сказала другая, и женщины рассмеялись.

У реки они принялись за свою работу, напевая и болтая без особого любопытства, а мальчик стоял неподвижно и глазел.

За свою жизнь он видел лишь горстку людей. Он вспомнил, как подумал тогда, что эти женщины так похожи на его мать – и все же, невесть почему, совершенно иные.

Их одежда более свободно висела на тощих телах, ноги и шеи казались короткими, приземистыми, а бледная кожа блестела, как снег на солнце. Они чистили свои шмотки камнями, отскребая запекшуюся грязь и копоть. У них не было ни мыла, ни тупого железного ножа, которым скоблила Бэй-

ла.

Принявшись за работу всерьез, они начали переговариваться и осматриваться. Их взгляды, хоть и робко, подкрались к Бэйле, задержавшись на ее лице, волосах и одежде, прежде чем обратиться на реку. Их голоса разом смолкли. Одна из женщин ахнула.

Рока ощутил их взгляды на себе и не знал, что делать. Он опять умыл лицо, но не отвел глаза. Женщины глазели на него в ответ. Они изобразили в воздухе те же символы, что и его мать, когда он впервые заговорил. *Знак Брэй – богини жизни*. Он так и не знал почему.

– Демон оттепели, – пробормотала женщина, которая первой поздоровалась с Бэйлой, жестом веля ей отступить, словно пытаясь защитить.

Рока шархнулся, подняв волну, и чуть не споткнулся, озираясь в поисках демона.

Лицо матери порозовело:

– Это мой сын.

Взгляды неподвижных женщин перескакивали с Роки на Бэйлу, с Бэйлы на Року, туда-сюда.

– Подойди и поприветствуй этих матушек должным образом, как тебе показывали. – Тон Бэйлы казался спокойным, так что Рока приблизился без страха. Он шагал по илистому берегу, с опущенной головой обходя камни, вся радость от встречи с рекой испарилась: ему не нравилось быть в центре внимания.

Он опустил глаза, склонил голову и сказал, как был научен, впервые:

– Храни вас Гальдра.

Женщины не ответили.

– А теперь можно мне поиграть у воды, мама?

– Да, Рока, иди поиграй.

Он без энтузиазма принялся стучать камушками друг о друга и промывать их в холодной воде.

– Зря ты *оставила* такое дитё.

Рока сидел у илистой отмели и притворялся, что не слушает.

– Этого требует закон. – Голос матери стал более глубоким; это случалось, лишь когда она говорила со взрослыми.

– *Северный* закон. – Женщина сплюнула, затем указала на Року: – Щенки Носса становятся волками.

Носса, из книги, подумал Рока. Носса, Бога Горы. Бога ужасной смерти, хаоса и страданий, который забирал злых людей и вечно сжигал их в своей огненной тюрьме.

– Тогда убей его. – Мать Роки вытащила клинок, который затачивала ежедневно и хранила в кожаном чехле у бедра, и протянула рукояткой вперед. Мальчик невольно вспомнил это же самое лезвие, испачканное кровью, и услышал звук, с которым оно разделявало кроликов.

Мамаша-южанка смутилась и поглядела на своих сестер:

– Сама убей. – Она сунула в реку что-то похожее на пленки, затем отвернулась так, будто разговор окончен.

Бэйла встала.

– Покажи мне свою храбрость. – Ее глаза вспыхнули, когда она протянула нож еще дальше. – Или держи свой невежественный язык за зубами.

Рока вздрогнул от прохлады ветерка, со свистом пронесшегося меж ними. Где-то вверху закричали галки.

– С радостью. – Женщина фыркнула. – Я приведу моего мужчину.

Смех Бэйлы прозвучал резко и недружелюбно.

– Приведешь *мужчину*? А я-то думала, южанки не столь бесхребетные. Перережь ему глотку сама, если тебе угодно. Но должна тебя предупредить: он сильный мальчик. Он будет кричать, извиваться и бороться с тобой. Это будет не так просто, как с младенцем. – Бэйла бросила нож с костяной ручкой, и тот застрял в земле.

– Ты не в своем уме.

Другие хальбронские мамы либо замерли в момент перепалки, либо, опустив глаза, продолжали стирать.

– Нет, я ворожея. И предупреждаю вас: пришлете за моим сыном ваших мужчин, и я прокляну утробы ваших дочек, а ваши семьи будут вечно рожать монстров. – Она посмотрела на мальчика и протянула руку: – Идем, дитя.

Он, хоть и медленно, повиновался, подняв камень и думая, что, если придется, разmozжит этой тетке голову с такой же легкостью, как давил букашек. Бэйла вытащила из грязи свой нож и вытерла о платье, в последний раз поглядев на

женщин — и хотя они повторно изобразили знак Брэй, теперь это действие, похоже, испугало их.

— Не бери в голову то, что я сказала, — позже велела она сыну по дороге домой. — Все это была взрослая чушь.

Он улыбнулся маме и ничего не сказал, хотя помнил каждое слово. Он знал: она грубо разговаривала с этими женщинами по тем же самым причинам, что заставили ее поселиться у «заколдованного» леса. Но пока еще не ведал почему.

* * *

Когда речные женщины скрылись из виду, мальчик заменил камень палкой и в подражание Хаки Смелому сражался с налетчиками, крича своему отряду следовать за ним и бесстрашно встретить смерть.

На самом деле «отряд» состоял из воображаемых братьев Роки. Он играл с ними в лесу, подобно героям древности, воюя с воздухом или деревьями, игнорируя призывы матери не заблудиться, ибо знал каждое дерево и узоры на его коре не хуже, чем кожу собственных рук. А со своими вымышленными сестрами он толковал об огне, букашках и растениях и о том, как однажды в одиночку слопают оленя целиком при первой же возможности. Но мама учила его ловить только кроликов, и когда он спросил: «А почему бы нам не съесть оленя?», она лишь парировала: «А ты *сможешь* поймать его?» Рока уставился в землю, и этим ограничились.

Рока любил оставаться один, давая волю своему воображению, но иногда ему хотелось поиграть с кем-то реальным. Спустя пару месяцев после реки-Реки – еще один день, забывшийся ему в подробностях, – он спросил у матери, можно ли ему поиграть возле Хальбронского зала собраний с другими детьми.

– Ты не похож на них, сын мой. – Он принял ее слова за отказ, но позже она почистила и зашила его штаны и рубашку, бормоча: «Что ты сделал с рукавами», пока выколачивала одежду о стену дома и на солнце искрились пылинки. Затем она расчесала и вымыла свои длинные светлые волосы водой из колодца, и Рока в сотый раз пожалел, что не может похвастаться такими же вместо сальной чернильно-черной шевелюры, как у его отца и большинства остальных. – Мы пойдем вместе. – Она улыбнулась, надела шерстяные чулки и бриджи, а волосы перевязала платком.

Они шли, взявшись за руки, как в раннем детстве Роки, но вблизи города мать перестала улыбаться и стиснула его ладонь до боли.

– Говори только с мальчиками. Если их слова жестоки, не принимай в расчет, а если это не удастся... – Ее губы сжались в линию, и она отвела взгляд. – Вспомни книгу.

Она подразумевала сборник рассказов, который вообще-то назывался Книгой Гальдры, – слова пророчицы и все легенды древности. Рока догадался, что на самом деле она хотела сказать «не бойся».

– Да, мама.

Она нахмурилась.

– Принесу кое-какие припасы. Я скоро вернусь.

Возле Хальброна снежные кучи громоздились реже и вода скапливалась в ямах, канавах и на мокром грунте под ногами. Рока помчался исследовать лужи, но знал, что лучше не плескаться на глазах у матери. Он наткнулся на полузамерзший труп суслика и остановился на него посмотреть – но заметил, как другой суслик тащит мертвого зверька, словно чтобы возвратить домой.

– Мама, смотри, он пытается помочь! – Он указал рукой.

Бэйла проследила за взглядом сына – и отвела глаза.

– Нет, дитя. Зима тянулась слишком долго. Он поедает сородичей, дабы выжить.

Рока взглянул еще раз и почувствовал, как счастливая гордость ускользает. Затем попытался выбросить это новое знание из головы или принять его как нечто естественное, а не ужасающее – но и в том, и в другом потерпел неудачу.

Когда перевалили через гребень, отмечавший природную границу Хальброна, мальчик старался не пялиться грубо на лица всех этих горожан – и вновь облажался. Он увидел молодежь и стариков, мужчин и женщин, бледнокожих и темноволосых, и все они были грязными. Их носы, брови и лбы, скошенные или выпирающие, были самых разных форм и размеров, но никто из них не походил на Року.

У загонов со стриженными овцами дрались собаки, и он

хотел получше рассмотреть их, но мать покачала головой, что означало: «Нет, и больше не проси». Он заметил, что две дороги города пересекаются, а дома расположены кольцами, расходящимися от зала собраний в центре – и позже узнал, что люди пепла почти всё строили по кругу, так как думали, что мир создал таким образом звездный бог Тэгрин.

Полуденное солнце грело кожу мальчика, хотя, как обычно, дул сильный и прохладный ветер. Тем не менее Хальброн вонял. Под открытым небом работал мясник, и кровь, сочившаяся из трухлявой дыры, смешивалась с отходами внешней городской канавы; люди сушили и выделывали меха либо изделия из кожи у себя во дворах, а рядом, чаще с наветренной стороны, играли или плакали дети. Даже кузнец ковал прутья под навесом из дерна, пристроенным к тонкой стене своей хижины – слишком бедный, чтоб соорудить нормальную кузню. Зимой, сообщила Бэйла, почти все здесь закроется.

– Жизнь на Юге – это гонка, – сказала она, – чтобы запасть едой, топливом и теплом до холодов.

На протяжении полугода, пояснила она, здешние семьи ютились внутри и молились о том, чтобы пережить стужу, а весной худые, серые мужчины выбирались наружу, обыскивали соседские дома в поисках умерших от голода и холода людей и сжигали трупы без церемоний. А затем все начиналось сызнова.

– Скоро увидимся, – сказала она, не глядя на сына, и оставила его у ограждающих зал собраний заостренных кольев –

предназначенных, объяснила ему позже мать, для защиты от всадников-мародеров из степей.

Он вошел через открытые ворота и зашагал по желтой траве, глаза на огромные яблони, посаженные в качестве укрытия от солнца. Дети лакомились яблоками, сидя рядышком в тени, но Рока не знал, подпустят ли его и с кем ему вообще следует быть, поэтому нашел клочок почти сухой земли, чтобы посидеть и понаблюдать. Он понятия не имел, как себя вести. Он достал из кармана обрезки ясеня – пепельного дерева – и нож и попытался вырезать фигурки увиденных овчарок. Но в основном наблюдал за игрой детворы.

Играли мальчики и девочки отдельно. Возрастом они были от малышей до подростков, и старшие мальчишки ссорились и дрались, как те псы, а старшие девчонки сидели или стояли кругами. Дети возраста Роки или младше слонялись как потерянные, и, наблюдая за ними всеми, он чувствовал себя иначе. Он улыбался, когда улыбались они, и смеялся вместе с другими, когда одна пигалица взвизгнула и убежала от кузнечика, и на мгновение он забыл, что жизнь – всего лишь борьба против зимы в домишке у леса, без братьев или сестер, и что он не похож на других.

– Прекрати смотреть на нас.

На расстоянии человеческого роста от Роки стояли трое мальчиков постарше. Он их не заметил, потому что за деревьями легко было прятаться, а он слишком увлекся слежкой и резьбой. У заговорившего была гладкая кожа и круглая го-

лова с тусклыми, нормальными глазами, и все трое выглядели как братья. Рока помнил, как его осенило: *Тройняшки. Все до сих пор живые. Благословленные богами.*

– Я не смотрел, – возразил он, чувствуя себя отвергнутым, затем продолжил вырезать и понадеялся, что они оставят его в покое.

– Оно с ножом.

Это прозвучало как обвинение, и от Роки не укрылось, что мальчуган сказал «оно», а не «он».

Но Рока пропустил это мимо ушей и показал готовый деревянный силуэт передних лап и морды пса.

– Хочешь?

Он испытал безумную надежду: а вдруг, если он поиграет вместе с этими тремя, то сможет с ними породниться?

Близнец встретился с ним взглядом. Он посмотрел на своих братьев, затем оглянулся на кольцо наблюдающих девочек.

– Ага.

Рока протянул ее. Пацан замахнулся и со всей силы шлепнул игрушку.

Раздался звук удара, и ладонь Роки обожгло болью. Он выронил резную фигурку и смотрел, как она отскакивает слишком далеко, чтобы он мог ее вернуть, и ему захотелось заплакать или убежать. Взамен он достал из кармана другую деревяшку – так, будто не придавал этому значения, и стараясь не показывать, как ему обидно. В уме он вновь и вновь про-

кручивал шлепок, замечая теперь, как другие смотрели на происходящее и улыбались. Он сторал от стыда при мысли, что готов был играть вместе с ними.

Следующий удар пришелся ему в ухо.

– Проваливай!

Рока почувствовал то, что принял за удар в спину, за пощечину. Он ощущал вкус крови, в которой словно утонуло тепло солнца, и приятную гладкость деревяшки в своей руке. Он встал и, не раздумывая, попятился к воротам, желая лишь обезопасить себя. Теперь он слышал возгласы одобрения от мальчиков помладше.

Рока всего лишь попытался бежать. Он хотел было сказать «прекратите», но не ощутил ничего, кроме стеснения в груди, душившего слова, и он сплюнул кровь и прикрыл голову руками. Ворота были закрыты, улюлюканья не стихали, и он не знал, куда ему идти. Однако нож оставался у него в руке.

«Вспомни книгу», – сказала его мать, и он мысленно увидел, как напряглась ее спина, когда представил, что она повторяет это снова и снова.

Герои в книге не убегали. Герои в книге воевали с монстрами и вырезали весь известный мир из льда, пепла и тьмы, и они никогда, никогда не плакали и не трусили.

Рока развернулся на пятках и прицелился. Он нанес удар, как делал это против воображаемых мародеров, чудищ и степняков, и вонзил острие ножа в щеку ближайшего мальчика.

«Мне жаль, – подумал он, – но вы сами начали».

Плоть под ножом тотчас разошлась. Она ощущалась намного мягче дерева, и Рока вспомнил, как интересовался, что легче рубить: лес или людей.

Смех и улюлюканья сменились криками. Дети бросились врассыпную, а Рока увидел кровь на своей руке и застыл. *Мгновение назад, подумал он, я был просто мальчиком во дворе зала, улыбался и вырезал деревянных собачек, без желания кому-либо вредить.*

Некоторые из девочек вернулись с краснолицыми женщинами, которые воззрились на него как те мамы у реки. Он попятился и норовил добежать до ворот, перелезть через них или найти засов, но опрометью врезался в бородатых мужчин, от которых несло потом и дымом костра.

– Я хочу его руку! – Молодая женщина прищурилась и вцепилась в мальчугана, которого ранил Рока. Другие женщины забормотали похвалы. – Возьму обе!

Рока взглянул и увидел красивое лицо, застывшее от ярости. Позже он часто вспоминал его в кошмарах.

Самый высокий из мужчин уставился на Року водянистыми глазами из-под опущенных век. Его борода не могла скрыть оспины и шрамы на щеках, а его шуба – поджарое, но сильное тело.

– Мальцы дерутся, – сказал он, – эт’ нормально.

Женщина указала пальцем:

– По-твоему, этот демон *нормальный*?

Мужчина – которого, как позже узнал Рока, звали Каро – оглядел его с ног до головы. Одной рукой он схватил Року за волосы, другой – за предплечье, протащил его беспомощное тело, а затем швырнул на траву. Затем посмотрел на женщин и вновь заговорил своим густым голосом:

– Твой демон слабый, как мальчишка. Я наказываю мужчин. – Он взмахнул рукой, и его бойцы рассеялись, оставив Року за кольями ограды вместе с женщинами и злобным молчанием. Нарушалось оно лишь рыданиями раненого мальчишка.

– Я это сделаю, – сказала женщина, прижимавшая того к себе. – Он моего сына тронул.

Остальные цокнули языками или кивнули, а говоривший обнажил сакс, и впервые до Роки дошло: все эти женщины носили клинки.

Он все еще держал свой нож, но это были женщины, матери семейств. В книге только Имлер-Предатель делал больно женщине, и за это ужасное преступление он до сих пор горел в огне и будет гореть до скончания мира.

Отвернувшись, Рока встал на цыпочки, затем подпрыгнул и попробовал уцепиться за деревянные столбы, чтобы дотянуться до засова, но не сумел. Он бессильно оглядывал сплошное кольцо из тяжелых кольев, плача и упираясь в столбы, думая, что получить рану будет жутко больно, а с единственной рукой он не сможет помогать маме в сотне дел. *С одной рукой, подумал он, я никогда не поймаю оленя*

и стану еще большей обузой.

— Мне жаль. — Он повернулся к женщинам и подумал, что они, возможно, поймут. — Мальчишки обидели меня, их было так много, и я просто хотел уйти.

— Хватайте его руки, — сказала одна из матрон, и остальные двинулись к нему.

Он вопил, отбивался и размахивал ножом — и видел, как даже старшие дети съежились от ужаса. Женщины, впрочем, легко схватили его за руки и удерживали, подбадривая друг дружку криками, после чего задрали его рукав и плашмя прижали Року к траве. Он помнил, как взглянул наверх и увидел желтые яблоки и ветки деревьев, качавшиеся на ветру, и как почувствовал, что, если ему отрежут кисть руки, небо так и останется голубым и по нему все так же будут катиться облака.

— *Довольно.*

Женщины замерли. Рока посмотрел и в перевернутом виде узрел у ворот свою мать; она запыхалась и держала свой нож. Каро и его бойцы стояли чуть поодаль.

— Мы тебя *оповещали*, ведьма. Зря ты его не убила.

Бэйла выпрямилась и оглядела сборище перед собой. Ее взгляд блуждал по их грязным шалям и платьям, по их немывшим волосам и покрытым пятнами лицам. Она зачехлила свой нож и сняла платок, рассыпав по плечам собственные волосы — необычные и чистые. Сердце Роки колотилось: она стояла одна лицом к лицу с такой толпой, а он вовсе не хо-

тел, чтобы его мама тоже влипла в неприятности.

Затем она рассмеялась, и он вздрогнул. Он не видел ничего забавного.

– Целая стая южных волчиц на одного мальчонку? – Ее слова повисли в воздухе, когда она помолчала, затем шагнула вперед. – *Смотрите* на меня. – Она показала зубы, но для Роки это была не улыбка. – Я *Вишан*. Я *богорожденная*.

Рока уставился на странную женщину, которая выглядела совсем как его мать, и задался вопросом, следует ли изобразить знак Брэй.

– Я была бы здесь Первой Матерью, если бы пожелала. Все вы это знаете. Я не являюсь ею *лишь* потому, что сама так решила. – Она оглянулась на вождя и его подчиненных, которые наверняка могли слышать ее. – Тронете моего сына, и я возьму Каро.

Она подразумевала «возьму его в сожители», но Рока не знал, что она может это сделать. Он помнил, как задумался, была ли матрона Каро одной из державших его женщин.

– Тронете моего сына, *дремучие шавки*, – Бэйла снова шагнула вперед, – и я заберу больше. Намного больше. Я Изберу полдюжины сожителей и велю им прогнать ваших мужей и детей из этого города или закопать их в землю. – Она выпятила подбородок, будто нож. – А когда вы останетесь беспомощными в полном одиночестве, я лично сожгу ваши угодья и дома. – Ее улыбка, которую Рока всегда считал красивой и совершенной, казалась безобразной. – Скажите мне,

сестры, без этих *Северных* законов, которые вы так ненавидите, кто остановит меня? – Она умолкла, и когда никто не шелохнулся и не заговорил, подошла к ним вплотную. – *Кто остановит меня?*

Женщины отскочили от Роки, будто от змеи, и он побежал к материнским юбкам.

– Ты в порядке? – Бэйла не взглянула на него.

Он прильнул к ней и отчаянно попытался не опозорить ее новыми слезами.

Бэйла положила руку ему на спину и увела прочь от деревьев, травы и крови. Проходя мимо Каро – который на самом деле был *вождем* Каро – она коснулась его плеча и наклонилась, чтобы прошептать ему на ухо. После она робко поглядела на него, и Рока не знал почему, но догадался, что это еще один обман. Здоровяк кивнул и опустил глаза, и у Роки создалось впечатление, что грудь Каро стала шире, а мужчины вокруг него уменьшились.

– Только долг, – сказал он. – Заглядывай почаще, Бэйла. Лесная глушь – не место для Вишан.

Она улыбнулась и скользнула своей ладонью по его руке.

– Возможно, так и сделаю, – она взглянула на его бойцов, – теперь, когда увидела, что это за мужчины.

Их пальцы тотчас потянулись к рукоятям топоров или кинжалов, как будто они готовы были убивать, прямо здесь. Рока сообразил, что их спины распрямились, а подбородки приподнялись.

Бэйла покинула их, почти волоча сына за руку, и она не оглянулась и не спросила, что случилось.

– Мы больше не придем, – сказала она позже, вытирая его уродливое лицо у очага в их жилище. А он подумал только: *Спасибо тебе, мама. Еще один усвоенный урок.*

2

После визита в Хальброн месяцы, а затем и годы прошли в относительном покое и одиночестве. Бэйла, однако, принимала гостей – как из города, так и с близлежащих ферм – и они приносили шерсть и кожу, металлические орудия и соль. У двери останавливались мужчины, страдавшие кашлем, сыпью или покраснением лица. Они почтительно склоняли головы и произносили слова приветствия всегда шепотом.

«Промой раны вот этим», – говорила мать, или «разведи это в кипятке», или «давай это своей дочери с молоком», затем вручала им растения, собранные с помощью Роки в лесу. Ее благодарили, отводили глаза и уходили, даже зимой, без трапезы.

– Что это такое? – спросила она теплым летним днем снаружи дома. Ей нравилось «испытывать» Року, хотя он всегда отвечал правильно, и она приятно удивлялась и шумно хвалила сына, как делала, когда он был малышом, – хотя, в сущности, ничего не поменялось.

– Дурман-трава.

Он даже не взглянул, но узнал запах – сладкий, но приторный, как гнилые помидоры; это растение, живущее и умирающее в один сезон, привлекало пчел, мотыльков и бабочек понежиться на его пурпурных листьях, которые шире всего раскрывались ночью. Оно умело навевать видения – или перекрыть человеку горло, пока тот не задохнется.

– Отлично. А какое семьсот четырнадцатое слово в Книге Гальдры?

Они заранее договорились, что считать за первое слово, поэтому он мысленно представил книгу и сосчитал в уме.

– «Благочестивый», – ответил он, сдерживая вздох, потому что мать явно выбрала это слово с намерением, а не по воле случая.

– И что значит «благочестивый»?

Как всегда, Рока сказал то, что она хотела услышать, но сам так и не понял. Позже она заставила его перемолоть семена дурмана с желтой горечавкой и цветками бузины и отмерить воду и соки глиняными чашечками.

Они продавали зелья за припасы: например, это – седому бывшему вождю, который выжил в дуэли, отнявшей его титул. Он пил чай со снадобьем и, по его словам, «шел пировать с богами», но, возвращаясь, каждый раз выглядел старше и бледнее, на негнущихся ногах и все более длиннорылым – и, казалось, ничуть не мудрее. Роке он, впрочем, нравился. Уходя, он подмигивал и называл его мать «госпожой» и улыбался, обнажая редкие, кривые зубы; видя его уродливость,

Рока не чувствовал себя столь одиноким.

Кроме мужчин с припасами и отца Роки, иногда украдкой навещавшего Бэйлу ночами, она не принимала гостей. Свободное время давало мальчику возможность думать и воображать, одолевая все более и более крупных чудовищ тупыми деревянными копьями, а также читать и записывать руны из книги, даже не подозревая, что та была особенной.

Ночью, у очага, Бэйла говорила о будущем.

– Однажды ты можешь стать Рунным Шаманом, как единственные сыновья в старину. Ты мог бы служить великому вождю или путешествовать по Аскому, благословляя усадьбы. Ты все равно будешь иным, а Богов опасно дразнить знанием, но тебя станут уважать.

Рока любил истории, но ненавидел речи о его будущем. Бэйла верила каждому слову божественных сказок. Она верила в древесных и речных духов, и демонов моря, и пылающих богов из горных геенн. Она верила, что великие деяния – единственный способ для мужчины присоединиться к женщинам в раю и что если Рока не потрудится достаточно усердно, то не будет вместе с ней в посмертии. Но сам он никогда не лицезрел богов или духов своей матери – и не видел ценности в словах.

– Да, мама.

– Не говори мне «да, мама». Ты *должен* научиться удерживать умы мужчин и вдохновлять их веру своей приверженностью, Рока.

Он содрал немного коры с ветки, которую собирался заточить, и посмотрел на пол. Мать взяла его за руки.

– Ты здесь неслучайно, дитя. Ты не такой, как другие мальчишки. Я *знаю*, тебе это известно. Ни один великий человек не последует за тобой, но ты будешь говорить от имени Богов и исполнять их волю, и однажды Матриархи запишут твои деяния в Книге Гальдры. Я обещаю тебе.

Он знал, что она только боялась за него и что она его любила, но ему так наскучили слова, которые никогда не наполняли его желудок, не разжигали огонь и вообще ничего не меняли.

– Если я такой особенный, почему мой отец не хочет видеть меня?

Ее руки сжались, и она отвернулась, пряча глаза.

– Потому что... он не может. Ему не следует. Ему и меня видеть не следует, Рока. Но любовь... любовь – это слабое место мужчин.

Он увидел ее боль и не мог вынести, поэтому солгал:

– Я понимаю.

Она погладила кисть его руки большим пальцем.

– Просто помни, твой отец хороший человек – человек веры. Он слаб, но он пытается делать то, что правильно.

Из глаз Бэйлы потекли слезы, и Рока обнял ее.

– Я больше не буду о нем спрашивать. – Когда ее слезы усилились, он прошептал: – Я тоже люблю тебя, если это позволено.

Отчаянно плача, она прижималась к нему, и Рока впервые помыслил о ней как об испуганной и одинокой – не просто его матери, а отдельной личности с надеждами, мечтами и слабостью. Он часто вспоминал эти мирные годы и этот момент, потому что Бэйла нуждалась в любви и нежности, а он, будучи мальчишкой, мог их дать.

* * *

Во время двенадцатой зимы Роки первая жрица явилась в Хальброн.

– Твой отец мертв, – пробормотала Бэйла после ухода вестницы, затем, шатаясь, добрела до своей постели из грязных мехов – и с пеной у рта задергалась, затряслась, и Рока закричал ей, чтобы она прекратила.

Ночью Рока лежал с ней и гладил ее по волосам, но когда наступило утро, она не встала. Он накормил ее похлебкой и умыл водой, которую растопил из снега и подогрел у камина. Бэйла невидяще поглядела на него, как на незнакомца.

– Рока? – Ее губы двигались так странно, что «Р» прозвучало как «Ш». Он переместился в ее поле зрения и взял ее за руки.

– Я здесь, мама.

Она снова опустила голову и заснула, и Рока не плакал, потому что мужчинам не положено плакать, а он был почти мужчиной.

Медленно прошло три дня. Холод просачивался сквозь тонкие стены и никогда не исчезал, и Рока делал все возможное, чтобы поддерживать огонь в очаге, колоть и экономить дрова, ловить, разделывать и готовить белок и кроликов и не замерзнуть. В минувшие годы они с Бэйлой покрыли деревянные стены жилища соломой, но влага все-таки просачивалась сквозь нее и дерновую крышу и гнилые деревянные опоры, которые, расширяясь, трескались как хлебная корка.

Это был не первый случай, когда мать болела. Иногда у нее дрожала рука или слабели ноги, а она прогоняла беспокойство сына улыбкой и говорила, что ей просто нужна минутка отдыха. Но Рока наблюдал за ней и запоминал. Он отслеживал каждый симптом и его частоту – и знал, что за последние несколько лет дрожь усилилась, приступы головокружения удлинились, судороги стало труднее скрывать.

Книга Гальдры и сами горожане утверждали, что такие мальчики, как Рока, были прокляты, тронуты Носсом, и он думал – но никогда не говорил – что, возможно, его проклятие разрушало Бэйлу. Думал, что если он убежит, то ей, возможно, станет лучше, и этот план годами жил в его сердце, но все это время он был слишком напуган. Ему не хотелось оставлять то единственное в этом мире, что он любил, и столкнуться с народом, который его ненавидел.

Я был эгоистичен, подумал он, наблюдая за мамой, а теперь, наверное, слишком поздно.

Но она всегда выздоравливала раньше, и он понадеялся,

ей удастся это вновь. Он не держал никаких амулетов и не совершал никаких ритуалов, не рисовал рун и не вырезал символов. Рока не молился.

На этот раз, пообещал он себе, когда она достаточно окрепнет, чтобы охотиться и собирать топливо, я возьму свою одежду и флягу с водой и немного сушеного мяса – и исчезну.

Он вырежет рунами послание, чтобы она знала почему и не волновалась, и, даже если он умрет на морозе и его истребует Носс и будет вечно сжигать в недрах горы, он все равно будет всегда знать, что спас ее.

Прошло еще два дня. Бэйла неподвижно лежала в постели, пока бесновалась идущая на убыль зима. Снежными бурями намело сугробы и заносы, а ледяная влага облепила и почти задушила их дом, хотя округлость его форм подразумевала защиту от обледенения.

Бэйла лежала, пачкая себя и свои меха, и Рока со всем тщанием ее мыл, смущенный и напуганный, хотя и знал: на протяжении лет она делала то же самое для него. Она лежала, когда он попрощался и вышел на холод, чтобы заняться работой, которая сохраняла им обоим жизнь. Лежала, пока он готовил, пока он читал ей, пока обтирал ее талой водой и прижимался к ней ночью. Лежала, когда однажды в метель Рока слышал вой собак.

Последовали щелчки хлыстом и голоса, напоминая бесвязную речь духов, которых никогда не видел Рока; затем

раздался стук, едва не поваливший единственную дверь.

– Бэйла!

Незнакомый Роке хриплый голос прошипел сквозь ветер. Порывшись в грязной одежде, мальчик нашел свой самый острый нож и зажал в руке, сунув еще один за пояс на спине. Затем он посмотрел на мать, которая не пошевелилась, и заставил свои ноги подойти ко входу. В доме не было окон, чтоб выглянуть наружу.

– Что вам нужно? – Он чувствовал себя по-детски неприкосновенным, не видя опасность в лицо, хотя и знал, что дверь была слабой защитой.

– Чё нам нужно? Серебро. Уплатите хальбронский налог, или мы заберем ваш дом. А теперь открывай, здесь дубак.

Говор у мужчины был не совсем южный, но и не такой, как у Бэйлы. Рока вспомнил, как подумал: *Они угрожают нам – и затем просят погреться у нашего камина?*

Пальцы его руки сжались, и он почувствовал, как в них отдается биение сердца. Он уперся в дверь ногой и всем телом, смутно сознавая, что налоги – это взятка, которую платят сельчане, дабы их не убивали городские. Насколько он знал, мать платила всегда – или, по крайности, как-то успокаивала Хальброн, и раньше их никогда не беспокоили.

– Вы служите вождю Каро?

Он не встречал Каро с того дня у зала, но знал, что тот оставался вождем, а Бэйла говорила, он хороший человек.

Голос засмеялся.

– Я служу закону. Открывай гребаную дверь, пацан! – Он снова ударил чем-то, прозвучавшим как деревянная дубинка или древко копья.

Рока знал, что открывать нельзя. Его мать предостерегала никогда не доверять «мужчинам без вождей», даже если они служат Гальдрийскому Ордену – что, видимо, и подразумевал незванный гость под «законом». И говорил этот мужчина как-то не так – будто пастух или, может, всадник из степей, в каком-то случае он был еще опаснее.

Хрустел снег под полудюжиной сапог, и столько же собак скулили и рычали. За дверью – воины или, по крайней мере, взрослые мужчины, вооруженные копьями и топорами, а Рока – всего лишь уродливый мальчик с ножом. *Ну ладно*, уточнил он, *с двумя*.

Однако в такую выюгу пришельцам не удастся легко развести огонь и, следовательно, поджечь дом. Вне всякого сомнения, им было холодно и не терпелось уйти. Прорубаться сквозь дверь или стены, стоя в снегу, будет неприятно и трудно, в особенности если Рока даст отпор, – и, вероятно, порча имущества обойдется им дорого.

То, что их прислали с таким пустяковым заданием вопреки метели, навело Року на мысль, что хозяин их бессердечен и наверняка не пользуется особенной любовью, а эти молодчики вряд ли будут верны ему пред лицом трудностей. Знал он и то, что красота Бэйлы всегда оказывала воздействие на мужчин. Им не доставит удовольствия выгнать ее вон, даже

больную и безмолвную. Они знают, что ее тайный муж мертв – и, даже будь это безумием, наверняка возжелают ее благосклонности. Единственным риском была гордость главаря перед его бойцами: он не мог уйти, потерпев поражение от двери – и мальчишки с несломленным голосом.

– Бэйла больна. У нее жар и бред, потому она не отвечает. – Рока надеялся, они поймут намек: «Если вы войдете к нам, сами рискуете захворать». Когда последовала тишина, Рока расслабился. *Он хочет признать это и уйти, но ему нужна помощь.* Мальчик продолжил самым подобострастным, запуганным голосом, на какой был способен: – Скажи своей жрице, мы заплатим. Заплатим, как только Бэйла выздоровеет. Я клянусь в этом.

Не имевший вождя главарь хмыкнул.

– Если я вернусь, пацан, то выволоку тебя, орущего, наружу и псам скормлю. Слышь?

– Да, – ответил Рока так униженно, как только мог. – Я слышу.

Снаружи захрустел снег, мужчины свистнули, и ездовые псы залаяли, когда погонщики уселись в сани. Рока ждал у двери, сжимая нож, пока огонь в очаге не начал гаснуть, и какое-то время было слышно лишь ветер.

Он снова попробовал разбудить маму, заставить ее объяснить или сделать *что-нибудь*, но она только смотрела в никуда и беззвучно произносила слова, и ее сын проклинал себя за то, что незнаком с реальным миром.

Каким-то образом Рока всегда знал: они бежали на Юг, спасаясь от некоей угрозы, которой, как он теперь считал, был Гальдрийский Орден. Хальброн лежал вдали от орденских владений – почти последнее цивилизованное поселение перед бесконечной степью, полной диких лошадей и еще более диких людей и почти не тающей тундрой. Говорили, что люди жили еще дальше на Юге, в холоднейших местах на земле, в домах, высеченных изо льда. В книге рассказывалось о великанах с голубой кожей, которые спали в замерзших озерах, и древних зверях старого мира, которые бродили по ночам в поисках людской плоти. По мнению Роки, большинство этих рассказов было чепухой, но все же глубокий Юг – не место для одинокой женщины с ребенком.

Если эти мужчины теперь служили какой-то жрице в Хальброне, они должны искать защиты у вождя – или бежать. По крайней мере это было ясно.

С дрожью прислушиваясь к резким ветрам снаружи, он снова посмотрел на неподвижную фигуру матери, лежащей на мехах. Он знал: выбора у него нет.

* * *

Рока собрал свои дорожные шкуры, маску из оленьей кожи и перчатки; пристегнул к обуви широкие каплевидные дощечки, чтобы идти по снегам. Подбросил в очаг самые толстые поленья, какие у него имелись, оставил у постели Бэй-

лы воду и поцеловал мать на прощание. Но у двери он задержался.

Он не видел никакой причины бегства матери годы назад, кроме защиты ее ребенка, которого коснулся Носс, от богини закона – и если он покинет мать, эта угроза непременно исчезнет. Он вернулся и убрал бледные сальные волосы у нее со лба, запечатлевая в своем разуме каждую черточку ее лица, чтобы удержать навсегда. Затем встал, дернул на себя разбухшую дверь, вышел наружу и оставил безопасность позади.

Их дом постоянно терзало холодом, но оказаться на ветру – совсем другое дело. «Не бывает плохой погоды, – слышал он от матери, – только плохая одежда». Он стиснул зубы, ибо каждый шквал, казалось, врывается под слои шкур и тряс мальчика за хребет, сбивая с шага и ослепляя Року, наполняя воздух снежной крупой. Он вспомнил, как сильно ненавидел словеса.

Вначале он пытался следовать путем незваных гостей. Снегоступы не давали Роке утонуть, и он никогда в жизни не терялся, но теперь едва мог видеть. Дорожку замело, и все следы людей и псов исчезли, проглоченные девственной рябью белизны.

В его памяти хранилось расположение деревьев. Он шел от одной рощицы к другой и надеялся, что они не были вырублены или не разрослись гуще, чем он помнил – зная, что даже малая погрешность может означать его смерть. Каждый

дойм незакрытой кожи онемел. Дыхание слоями замерзло вокруг отверстий маски, слезы на лице заледенели.

Вскоре его воображаемые братья шагали рядом с ним, ободряюще крича. «Ради Бэйлы», – сказали они, и он стиснул зубы и вытер глаза, смаргивая иней и считая шаги, дабы отвлечься от холода. Она отдала ему свою молодость, свое здоровье и свою любовь, и он не подведет ее. Ни сейчас, ни когда-либо.

Хальброн вообще-то был недалеко – во всяком случае, если двигаться по прямой. Но странствие между участками леса, куда мальчик не осмеливался войти из-за страха заплутать, и напряжение каждого шага казались вечностью. *Я слишком много времени провожу взаперти*, решил он, *и недостаточно хожу пешком, бегаю и пробираясь по сугробам.*

Нельзя было позволять матери столько нянчиться с ним, он понимал это много лет. Он слишком полагался на капканы и знакомую местность, на красоту Бэйлы и торговлю с местными мужчинами. Скоро он всего этого лишится – рядом никого не окажется, когда он будет сам по себе, когда познает суровую реальность голода и жажды. Ему придется научиться выживать в одиночку. *Возможно, все будет проще на Севере*, подумал он, *где лето длится долго, а зимы укрывает море.* Он мог бы научиться строить дом и, возможно, найти землю где-нибудь в уединении – где-нибудь рядом с такими темными и густыми лесами, что мог бы раствориться и забыть страну пепла.

Каким-то образом эти раздумья о будущем ускорили время, и шагать стало легче. Буря покрыла льдом его лоб и ресницы, вызвала онемение бедер, ступней и кистей, но вскоре он с облегчением увидел зал Хальброна. В снегу появились дома с яркими крышами и дверьми, выкрашенными в красный и оранжевый, и он не заметил никого снаружи.

Он направился прямо в зал собраний, который никогда не видел изнутри, схватился рукой в перчатке за металлические кольца и распахнул дверь. Сотня дрожащих поселян сидели, сбившись в кружок вокруг очага, уставившись из сумрака.

Его глаза, как всегда, приспособились быстро, но мальчик понятия не имел, что сказать или сделать – правил зала Рока не знал. Его мысли словно расплывались, пока ум и тело оттаивали, но, когда он закрыл тяжелую дверь и подошел ближе, никто не встал и, казалось, не проявил интереса. Пахло немытыми телами, потом и мочой, но Рока умудрился не сморщить нос. Стены выглядели плотно покрытыми соломой и мехами, как в доме Бэйлы, но полом здесь служили голые деревянные доски, пропускавшие холод и утопавшие в грязных следах. Рока снял маску и снегоступы и обошел группу людей.

Он напрягся, когда понял, что может обнаружить здесь мамаш, обижавших его, – или мальчугана, которого ранил. Остался ли у него четкий, уродливый шрам? Загноилась ли рана? *Я что, убил его?*

Он поискал взглядом женщин, но они кутались в меха и

шкуры, закрывавшие даже их волосы. Лица и очертания тел мелькали в его памяти. Он видел суровые глаза матерей, требующих его руку и кровь, будто с того дня прошли не годы, а лишь мгновения. Его сердце колотилось, будто все еще гнало кровь к его руке с ножом, когда он дико замахнулся в ужасе.

Его по-прежнему никто не замечал. От старца до ребенка – все, похоже, были заняты своими личными битвами за то, чтобы не околеть, а он обездвиженно стоял один. Герои книги были храбрыми хвастунами, убивавшими тех, кто стоял между ними и их целью, – они были сынами Имлера, сынами Предателя, и они брали то, что хотели, применяя силу и не ведая стыда. Единственное, что их приручало, – закон. *Мне поступать точно так же?*

Даже цивилизованные люди пепла были опасны, а эти южане – опаснее всех. «Беззаконные язычники, – назвала их мать, когда он с ней впервые прибыл в Хальброн, – ужокошат и глазом не моргнут». С тех пор ее отношение смягчилось, но ненамного.

Рока нашел одного такого язычника сидящим у внутренней двери; с его шеи гордо свисал старый серебряный амулет полубога в форме меча. Лет двадцати на вид, парень был худощав, бородат и вооружен топором и длинным изогнутым кинжалом, которым обдирали древесину со своего кресла, будто от скуки.

Рока сделал вдох. Направился прямо к стражу двери и встал во весь рост, говоря так спокойно и уверенно, как толь-

ко мог:

– Я пришел к вождю Каро.

Глаза парня усталились Роке в лицо, затем переместились на заточенное лезвие его неспрятанного сакса.

– Оставь это. – Рока повиновался. Затем молодой воин мотнул головой в сторону двери и вновь откинулся на спинку. – Быстрее, а то холода напустишь.

Рока вошел, чувствуя себя самозванцем – как будто демонов типа него сюда вообще-то не пускали, но никто из важных шишек этого не заметил. Его лицо омыло теплом в купе с запахом жарящегося мяса, и он закрыл увлажнившийся рот. Он даже ни разу не видел помещения с двумя очагами. Мужчины и женщины, рассевшись отдельными кругами, ели с деревянных тарелок, пили из глиняных кубков. У всех мужчин были подстриженные бороды, у женщин – длинные подвязанные волосы, и он прошаркал вперед, чувствуя себя грязным.

– Мальчик!

Рока застыл.

Красноносый мужик в ближайшем кресле поманил рукой, затем – когда Рока подчинился – положил ему на плечо ладонь.

– Ешь, согревайся. – Он протянул тарелку свежеприготовленной свинины и подмигнул.

На мгновение Рока замер, уверенный, что это какая-то шутка или хитрость. Но он редко ел мясо за исключением вя-

ленины или крольчатины, так что снял перчатку, дабы орудовать пальцами.

Тут красноносый, похоже, заметил его лицо и вылупил глаза, но тарелку не отодвинул.

Рока жевал, не чувствуя вкуса – слишком взволнованный, чтобы насладиться, – и с полунабитым ртом сказал:

– Мне нужно увидеть вождя.

Мужчина окинул взглядом его бедра и спину – вероятно, ища клинок, – отвел глаза и крикнул через всю комнату:

– Каро! Гость. – Затем подтолкнул мальчика лежащей на плече ладонью, а Каро, не глядя, подозвал его взмахом руки.

Грузный предводитель Хальброна казался почти таким же, каким Рока увидел его в первый раз. Он был стар для вождя – да и, впрочем, для мужчины: лет сорока, с заметной проседью в сальной черной бороде.

Он вгрызался в куриные ребрышки; его лицо и руки были выпачканы маслом, прищуренные глаза по-прежнему смотрели вниз. Он молчал.

Рока постарался вспомнить книгу. *Вот оно*, подумал он, *теперь нет места малодушию*. Он прочистил горло.

– Я сын Бэйлы. Я хочу поговорить.

Каро перестал жевать. Он отложил обглоданные кости.

– Мы думали, ты помер. Сколько зим?

Рока не понял, какое это имело значение.

– Двенадцать.

– Выглядишь на пятнадцать. – Вождь посмотрел оцени-

вающе, как дверной страж и Красноносый, и позволил Роке нарушить молчание.

– Сегодня к нам домой приходили мужчины с ездовыми псами и требовали серебро. Зачем?

Каро обвел взглядом стол, и голос его стал тихим.

– Бэйла в долгу. Каждый владелец очага платит с урожая, и вдобавок за землю.

Рока следил за глазами вождя.

– Тогда мы заплатим. Не надо посылать людей с оружием в метель. Сколько?

Вождь приподнял бровь и поерзал на сиденье.

– Несколько унций. Можете заплатить зерном, или животными, или орудиями, или работой в пользу города, если у вас больше ничё нет.

Рока все еще чувствовал: он что-то упускает.

– Почему мы никогда не платили раньше?

Губы Каро поджались, а глаза сузились, и Роке он напомнил испражняющегося на морозе пса.

– Бэйла... ей... помогали.

Рока мгновенно увидел образ своего отца. Своего мертвого, негласного отца, который, по словам матери, охотился на оленей, дубил шкуры и продавал мясо и кожу фермерам и жителям нескольких городов. Рока потрогал свои замшевые перчатки.

– Что с вещами, которые остались от Бранда, сына Гиды? – Это был первый раз, когда он произнес имя отца.

Каро помолчал и взглянул исподлобья. Он прочистил горло.

– Отошли городу, мальчик, – он выдержал паузу, – не было родни.

Рока почуял здесь опасность, но неважно.

– Я сын Бранда. У него не было дочерей. «Город» означает вас?

Вождь мотнул головой.

– Женщины – сердце и суть Хальброна, а мы, мужчины, – лишь его руки и ноги. – *Цитата из книги.* – Вещи Бранда у жрицы. – Он снова выронил курятину, будто потерял аппетит.

Рока не понимал разницы, да и не особо заморачивался. Он проследил за взглядом Каро.

– Той самой?

– Да, это Кунла, но...

Рока преодолел короткую дистанцию размашистыми шагами. Жрица Кунла говорила с женщинами возле себя невзрачным, тонким ртом на еще более невзрачном, красномощеком лице. Ее короткие темные волосы подпрыгивали, когда она вертела головой по сторонам, а далеко расставленные глаза были широко раскрыты, словно все, что она видела, вызывало удивление или, может, возмущение. Ее высокий голос, казалось, высмеивал всю болтовню в комнате – бесстыдно громкий и нелестный, и Рока почувствовал мгновенное, необъяснимое отвращение.

Он заполнил небольшое пространство между ее креслом и соседним; теперь из-за жары в комнате и собственного страха он потел. *Вспомни книгу*, подумал он. *Бэйла нуждается во мне. Я не могу потерпеть неудачу.*

– Я хочу все, что осталось от Бранда, сына Гиды. Я его сын, Рока. Моя мать – Бэйла.

Он надеялся, что высокомерием потребует уважения к себе.

Увидев его, жрица вздрогнула. Ее глазам некуда было расширяться дальше, и они сощурились, а губы искривились, как если бы она учуяла дурной запах. Она осмотрела Року с головы до пят и, казалось, не получила удовольствия от увиденного.

– У Бранда не было матроны, следовательно, у него не было детей. Если какая-то ведьма раздвинула свои шлюшьи ноги для Носса и из нее выпал ты, это меня не касается.

Она произнесла оскорбления так же громко, как и всё остальное, и шум в комнате умолк.

Южане до сих пор воспринимали буквально, что Богиня слов Эдда слышит всё, когда-либо сказанное – они верили, что хула и клевета, не встретившие возражений, становятся правдой, и что грубые слова всегда следует оспаривать действием. Неспособность противостоять умаляла тебя и придавала чужим словам вес.

Кунла воззрилась на Каро:

– Убери это мерзкое существо с глаз долой. Его здесь во-

обще не должно быть.

Лицо вождя порозовело. Он едва заметно кивнул, и двое мужчин за столом поднялись.

Ведьма – это плохо, подумал Рока, но шлюха – еще хуже. Его не особо заботило, что думают о нем боги или люди – они и так уже думали самое худшее, – но доброе имя его матери было важно. И станет еще важнее, когда он уйдет.

Книга. Вспомни книгу.

Он взял покрытый хрящами нож с тарелки Кунлы, и на мгновение время застыло. Некоторые из мужчин дернулись и пошевелились, но слишком медленные, слишком далекие – и в любом случае слишком удивленные. Рока скользнул позади жрицы, дернул назад ее голову за пригоршню тонких волос и приставил клинок ей к горлу. Он вообразил самую суровую улыбку матери.

– Бэйла, дочь Эгрит, не ведьма и не шлюха. Скажи это.

Глаза Кунлы едва не выскочили из орбит. Двое мужчин, вставших, дабы выпроводить мальчика, подались вперед, намереваясь его схватить, но Каро поднял руку, и они замерли. Больше никто в комнате не двигался, и лишь потрескивающие поленья в двух прекрасных очагах и звуки дыхания из отвисших ртов нарушали тишину.

– Уберите его от меня. Уберите *сейчас же*!

По-прежнему никто не двигался. Не по годам рослому Роке пришлось сгорбиться, чтобы приблизить лицо вплотную к ней. Он прошипел слова так, как сделал бы, по его пред-

ставлению, демон:

– Они не могут, Жрица. Не раньше, чем твоя кровь пропитает это кресло и этот пол.

Ее дыхание воняло тухлятиной. Оно покидало ее легкие рваными вздохами, которые, подумал Рока, были признаком скорее ярости, чем страха.

Прозвучал тихий, спокойный голос вождя:

– Не надо так, малец.

Рока знал: в неподвижности мужчины таилась своего рода жестокость. *Если я отступлю или ослаблю хватку, меня искромсают в клочья.* Не было другого пути, кроме как вперед.

– Нет, *надо.* – Он говорил с уверенностью, которой не чувствовал. – Ты скажешь эти слова, Кунла. – Его разум выкрикнул приказы сквозь хаос, и он тотчас увидел путь. – А Каро даст священную клятву погасить долг Бэйлы, и сейчас же пойдет к ней домой, и позаботится о ней, потому что она больна. А не то я убью тебя.

Рока много читал о божестве законов и о священных клятвах мужчин. Ни один вождь не мог поклясться в чем-либо прилюдно, а позже отказаться, иначе недолго ему оставаться вождем. Рока повернул голову так, чтобы видеть Каро. *Увидь мои кривые, колдовские глаза и подумай, что я чокнутый,* велел он, *увидь, что за нее я с радостью умру здесь омытым кровью, потому что я это сделаю.*

Каро таращился, хотя, что именно он видел, Рока знать не мог. Казалось, взгляд мужчины задержался на обесцвечен-

ных участках его кожи, на шишках, морщинах и прочих изъязнах его лица. *Колдовской сын, дитя хаоса.* Позор его рождения – в кои-то веки дар. Наконец Каро встретился с Рокой взглядом, и тело мужчины расслабилось.

– Делай, как он говорит, Кунла.

Она тянула время. А когда наконец заговорила, то выплюнула слова ему на щеку:

– Твоя мать не *иллюха*. Не *ведьма*.

Рока ждал и улавливал реакцию людей в комнате. Их замешательство. Он дернул жрицу за волосы, одновременно сильнее прижимая лезвие к ее коже.

– Не искушай Носса *дважды*, Жрица. Скажи снова. – Он оглянулся на вождя Каро. – Теперь *клянись*.

– Я клянусь, – мгновенно сказал здоровяк. – Я возьму на себя долг и помогу ей, или предстану пред Нанот.

Кунла промолчала, поэтому Рока скривил свое безобразное лицо в ухмылке. Теперь неважно, как далеко он зайдет, жизнь его уже кончена. *Я никогда не научусь строить дом и не найду лесную чащу, в которой поселюсь, но все равно это была лишь мечта.*

Он провел ножом по ее шее, по груди и скользнул вниз, к ткани между ее ног, качнув лезвием.

– Я сделаю этот нож твоим любовником, – прошептал он, – как Имлер предавался любви с Зисой на вершине горы всего сущего, и наши имена войдут в книгу. – При этих финальных словах он улыбнулся, подумав: *так, как всегда*

хотела мама.

Жрица уставилась в потолок и произнесла, на сей раз безучастно:

– Твоя мать не ведьма. Не шлюха.

Присутствующие, казалось, дружно задышали. Рока отпустил ее и попятился, уронив нож на пол как ни в чем не бывало, и стал ждать смерти.

Слуги вождя схватили Року и держали неподвижно. Как только жрица опомнилась, она схватила нож в порыве убить мятежника, но Каро ее остановил.

– Он еще мальчик, – сказал тот. – Нарушено достаточно законов.

Она обвинила мужчину в том, что он впустил Року и поставил жизни под угрозу. Ее лицо с безумным взглядом покраснелось.

– Я тут главная, Каро, не ты. Я могу забрать у тебя эту деревню и заставить людей присягнуть другому вождю, *стоит мне захотеть.*

Лицо вождя ничего не выражало, словно в мыслях он был где-то далеко.

Она подошла ближе, наклонившись к нему так же, как Рока до того к ней:

– И я могу забрать твою семью, Каро, твою хорошенькую Бету. Она вольна выбрать другого мужа, когда ей угодно. Когда угодно Гальдрийскому Ордену. Когда угодно *мне*. И когда она уйдет, то заберет *своих* детей. Ты станешь никем,

лишишься всего, кроме удовольствия смотреть, как новый вождь укладывает твою жену в свою кровать и растит твоих дочерей.

Казалось, он съежился от ее слов, как когда-то раздулся от слов Бэйлы.

– Я дал клятву, я исполню ее. Мы запрем этого мальчика за его выкрутас. А что потом, решай сама.

Кунла не удостоила его вниманием. Она посмотрела на Року взглядом, который гласил: «Ты мой, и ты будешь страдать», затем вышла из комнаты, по пути завернувшись в несколько слоев звериных шкур.

Все мужчины выдохнули, а некоторые заняли свои места; лица их были бледны, а глаза устремлены куда угодно, только не на вождя. Каро выглядел осунувшимся, опустошенным, словно только что постарел на десять лет. Он избегал смотреть на Року.

– Ты должен был заставить жрицу поклясться, – мягко сказал он.

Рока взглянул на него, и хотя был всего лишь мальчуганом, который к тому же скоро умрет, он почувствовал жалость.

– Нет, Каро. Она бы солгала.

Вождь поднял голову, но только на мгновение.

– Отведите его в колодки. Я проведу его мать.

После нескольких минут в «колодках» Рока сделал вывод, что его отправили сюда замерзнуть до смерти. Наверно, вождь решил, так будет лучше.

Это была маленькая лачуга без окон, из тонкого дерева, заполненная иссиня-черным холодом, который высасывал тепло до самого земляного пола и обволакивал ее. С деревянных брусьев свисали большие металлические кольца, и пропущенные через них веревки были обмотаны вокруг конечностей Роки. Он лежал связанный во мраке, не имея ничего, кроме одежды на теле, воя ветра и своей дрожи.

Дважды он смотрел на веревку и думал, что вполне мог бы ее перегрызть и сбежать. *Рано или поздно.*

Но не был уверен, есть ли в этом смысл. Он верил, что вождь Каро пойдет к его матери и сделает, что сможет, и погасит ее долг. Вдали от сына с его проклятием и бремени его воспитания она обязательно выздоровеет и в конце концов смирится. Какая еще у него есть причина бежать?

Он подумал о том, что сотворил и что наговорил в зале собраний. Почему-то это казалось на него непохоже. Воспоминания ощущались как сон или один из рассказов книги, просто разыгранный им – и хотя он думал, что должен испытывать стыд, или ужас, или боязнь, он чувствовал лишь онемение.

Из слов жрицы он теперь понимал: его мать с отцом сделали что-то не так. Возможно, она выбрала Бранда без благословения своей семьи или Ордена. В том, что Рока все свое детство был одинок, виноват не только он. Впрочем, это не играло никакой роли. Бэйла никому не вредила и всегда помогала городским и фермерам, относясь к ним по-доброму, кроме тех случаев, когда они угрожали ее сыну. Бранд не дрался в поединках и жил мирной жизнью – по крайней мере, насколько знал Рока. *И в любом случае, я по-прежнему отродье. Их бы приняли здесь, не будь меня.*

Дрожь вскоре затуманила все его мысли. Ветер пронизывал жалкие стены, и мальчик растирал или прикрывал руками любой участок своего тела, какой только мог. У него ооченели пальцы ног, затем уши, нос, щеки. Ладони слишком замерзли, чтоб защитить что-то еще. Какое-то время было больно, затем боль ушла, пока ему не стало казаться, что его согревает воображаемый огонь.

Он знал, что сделал все, что мог, но с радостью умер бы в муках, если бы сперва мог сказать матери просто: «Спасибо, что любишь монстра». Он вызвал воспоминания о том, как лежал в ее объятиях, о ее голосе, когда она напевала ему долгими холодными ночами, а после заснул.

Он вздрогнул и очнулся, дергая за веревки, прежде чем вспомнил, где находится. Что-то подняло его, и если он умер и это Носс, пришедший по его душу, то Боги пахли старым

потом и гнилым ячменем.

Это просто мужчина, сообразил Рока, один из вассалов Каро, забрызганный пивом.

Без единого слова мужчина развязал веревку, подхватил мальчика, накрыл его чем-то вроде одеяла и вынес наружу, на ветер.

Он слышал посвист снега и кряхтение и чувствовал покалывающие вспышки боли в конечностях при каждом шаге. Открылась дверь, затем еще одна, и Рока тяжело упал на что-то деревянное и вздохнул от ощущения тепла.

– Отдай его мне.

Голос его матери.

– Ты получишь его, когда будет улажено дело, и не раньше. – Жрица Кунла.

Одеяло сдернули, взметнув пыль, и Рока вновь обнаружил себя в зале вождя. Он сидел в одном из тех же кресел, которые раньше занимали горожане; веревка петлями обхватывала его грудь и предплечья. Мясо исчезло, и теперь лишь двое женщин с испепеляющими взглядами сидели напротив друг друга, а Каро и еще двое мужчин – возле Роки. Бэйла выглядела изнуренной и бледной, но все же гораздо лучше, чем в последний раз, когда он ее видел.

И она может говорить!

– Это необходимо? Он всего лишь мальчик.

– Этот мальчик едва не убил меня. Слышала б ты его. Твой сын – демон, как говорят горожане, и должен быть уничто-

жен, как бешеное животное. Я хочу, чтобы его выпороли и избили. Я хочу его позора, и хочу, чтобы руку, державшую нож, отсекали от его тела.

Его мать покачала головой.

– Он испуганный ребенок, который не причинил вреда. Ты не закон, *Жрица*. – Она посмотрела на сына. – Расскажи мне, что случилось.

– Я *уже* рассказала тебе. То, что он говорит, ничего не значит. Его накажут, или я пойду в Алверель и обвиню его в попытке убийства. У меня будет дюжина свидетелей. А у тебя что? Слово обвиняемого? Проклятого сына падшей шлюхи?

Рока взглянул на пустые лица мужчин и проверил прочность веревок, но мать не выглядела оскорбленной или напуганной.

– Иди. И я тоже пойду. Возможно, я обвиню тебя в убийстве Бранда, сына Гиды, чьими землями теперь владеешь ты. Возможно, я скажу, что ты отравила меня и оставила больной, дабы притязать на остальное.

Кунла выдохнула.

– У тебя нет доказательств. Нет свидетелей.

– Я знаю каждое слово в Книге Гальдры, ты, гнусная, безымянная мошенница. У меня есть моя болезнь, и у меня есть союзники в этом городе и в Ордене, что бы ты ни думала. Давай посмотрим, пренебрегают ли дочерью Вишан, как ты говоришь.

— О да, я знаю твою кровь. — Кунла ехидно усмехнулась. — Я знаю, мужчины этого города тебя вожделеют, как течную суку. Ты умеешь читать и писать. Я знаю. — Она умолкла, повернула голову и подалась вперед. — Тебя, должно быть, бесит, что такая невзрачная, бестолковая женщина, как я, достигла намного большего. Что я — Верховная Жрица, а ты — никто. Ты потеряла своего мужчину. Свое здоровье. А теперь еще и твой омерзительный сын станет калекой. Бедная, бедная Бэйла.

Рока стиснул зубы и натянул путы, и мужчины рядом с ним напряглись. Его мать лишь улыбнулась. Даже на ее исхудалом, бледном лице эта улыбка, словно щит от ненависти, придала Роке чувство безопасности. Мать перевела взгляд на Каро и пристально смотрела, пока вождь не ответил ей тем же.

— Я не согласна с наказанием, предложенным жрицей Кунлой за предполагаемые преступления моего сына. Если она желает предъявить иск, пусть идет в Алверель, согласно закону. А сейчас ты немедленно вернешь сына мне. И если прикоснешься к нему еще раз без моего согласия, я включу тебя в злодеяния Кунлы, когда буду излагать свое дело. — Она оглянулась на жрицу, и обе женщины воззрились друг на друга.

Каро зарделся и пожал плечами:

— Могу отвести тебя в Алверель, жрица.

— Ты и так уже сделал достаточно. Молись, чтобы я не сме-

стила тебя. – Кунла встала, заворачиваясь в шкуры. – Удачи в долине закона, Бэйла. Дорога долгая и трудная, а мы все знаем, как... *хрунко* твое здоровье.

Когда она тяжелой походкой вышла из комнаты, один из подчиненных вождя развязал Року, и лицо его матери поникло. Ее веки опустились, и она сгорбилась, и, как только Рока освободился, он спрыгнул с кресла и направился к ней, заметив, как подскочили мужчины при его движении.

– Давай отведем тебя домой, мама.

Она ответила этой улыбкой, предназначенной только ему, дотрагиваясь до его лица.

– Немного погодя, сынок, мне нужно отдохнуть. Вероятно, мы сможем отправиться утром? – Она поглядела на Каро.

– Можешь остаться на ночь со мной. В моем доме, то бишь. – Краснота залила его шею.

Бэйла застенчиво улыбнулась ему, но Рока ощутил ее обман. Она никогда в жизни не делала что-либо застенчиво.

Слуги Каро вышли вперед, словно чтобы ее отнести, но мальчик подложил руки под ее спину и ноги – и поднял.

– Боги, малец... дай нам. Ты ж замерз.

Он пристально смотрел, пока они не отступили, переглянувшись, а вождь пожал плечами, жестом веля следовать за ним.

Его бойцы отворили им двери и шагали рядом, пока они шли под хруст снега. Предплечья мальчика дрожали, ступни ломило при каждом шаге, но голова Бэйлы лежала на его

плече, уткнувшись в шею. *Мой черед*, подумал он. *Твоя сила уберегла нас, и теперь ты нуждаешься во мне. Мой черед.*

Шагая, Рока запоминал планировку городка, хотя мало что изменилось с того дня, когда он пришел сюда впервые. Он представил себе ножи, оставленные вокруг зала, заметил топоры и копья, прислоненные к домам. *Я мог бы внезапно убить мужчину*, подумал он, *и определенно мог бы убить жрицу.*

Взгляд, которым он смерил Каро, был искренним. Он бы прикончил каждого мужчину в Хальблоне, дабы защитить свою мать. Он не знал, с чем они столкнутся завтра или к каким опасностям готовиться – знал только, что его детство закончилось и, что бы ни случилось, ради Бэйлы он будет вечно пылать в недрах горы, если придется.

3

Жаркий, влажный остров. 1576 год П. П. (После Просвещения)

Солдат засмеялся.

– Думаешь, я бы ударил принца?

Кейл взглянул на небольшую толпу наблюдателей – мальчишек-бойцов, собирающихся на бледном песке. Его радовало присутствие публики.

– Это учебное упражнение, – объявил он. – Иногда солда-

там достаются травмы на учебе. Ты согласен, Тхетма?

Другой паренек неуверенно рассматривал собравшихся, темная кожа его лба и шеи блестела капельками пота на жаре.

– Айда, *парень с фермы*. – Кейл произнес это небрежно, как оскорбление. – Или ты боишься?

Тхетма сделал выпад, и Кейл протянул руку и схватил его запястье не раздумывая. Оба мальчика упали на песок, извиваясь в попытке высвободить кулаки и достаточно размахнуться для удара, забыв несколько дней флотской подготовки, в любом случае бесполезные.

Кейл оказался снизу, со слишком обездвиженными руками, и ощутил панику, теряя контроль.

Мышцы его онемели в предчувствии боли, и он знал, что получит не меньше одного тумака, прежде чем сможет пошевелиться. Мгновение казалось медленным, растянутым, неизбежным. Он отвел взгляд от стиснутых зубов товарища-новобранца, повернул голову и посмотрел на белизну, простиравшуюся вдоль Южного побережья Шри-Кона. Он увидел птиц, летящих к морю, и в тысячный раз подумал, куда же они направляются, – разум его, как бывало всегда, унесся к вещам, неактуальным в данный миг.

Он много раз боролся на подобном пляже с братьями.

«Тейн? – спросил он однажды старшего, когда был маленьким. – Откуда берутся волны?»

Старший брат улыбнулся и театрально развел руками.

«Шаманы говорят, великие духи моря взбивают воду в

глубинах, двигая ее туда-сюда».

«Думаешь, это правда?»

Тейн ухмыльнулся так, словно они были посвящены в какую-то общую тайну.

«Нет».

Кейл нахмурился. Ребенком он, казалось, только и делал, что верил в глупости, узнавал обратное, а после чувствовал себя униженным. По крайней мере, Тейн был добр.

В пять лет он поверил рассказу няньки о том, что его мать превратилась в рыбу и уплыла в море. Из-за этого он боялся плавать, о чем однажды заявил, и братья со смехом дразнили его, и лишь Тейн остался серьезен. Он сказал, что мать Кейла умерла от болезни и что есть люди, которые превращаются в рыб и уплывают, по крайней мере в легендах, и над этим негоже шутить, просто его мать не была одной из них.

«Все еще хочешь поплавать?» – спросил Кейл, глядя вниз на пляж.

«Да, братишка. Но не превращайся в рыбу!» – Тейн удостоил его своим особым, предназначенным для младших братьев подмигиванием и пошлепал в море.

Кейл медленно последовал за ним, наблюдая, как теплая вода плещется о пальцы ног.

«Ты правда думаешь, я мог бы?»

«Авось, но не бойся, рыбешка. – Тейн засмеялся и зашел дальше. – Принцы никогда не должны бояться, особенно принцы Алаку!»

Кейлу не хотелось выглядеть напуганным маленьким мальчиком, поэтому он тоже вошел в воду. Тейн погнался за ним, щекоча и подбрасывая в воздух, — и он вскоре забыл, хотя бы на время, о магии, шаманах и бурлении моря.

В сравнении с кулаком Тхетмы, впечатавшим голову Кейла во влажный песок, это воспоминание казалось неуместным. Но оно пришло само собой, как частенько случалось.

Удар лишил его противника равновесия, как и ожидал Кейл по своему опыту борьбы с братьями. Кейл сменил положение ног и дернулся в сторону, чтобы освободить достаточно места и вытащить руку. Он вскинул ее и схватил Тхетму за шею, чтобы отвлечь, и получил еще один тумак — слишком оцепенев от азарта и страха, чтобы точно рассчитать, куда и с какой силой бить.

Сцепившись, они подкатились ближе к воде, безуспешно стремясь добиться преимущества, затем несколько мгновений ползли на коленях среди крабов и коряг и вновь упали на бок. Кейла подмывало укусить Тхетму, оцарапать, тыкнуть в горло — все что угодно, лишь бы победить. Но он вспомнил, зачем дерется, и просто держался. Он бросил попытки врезать и бил коленями или локтями во всё, достаточно близкое и мягкое, чтобы причинить боль.

Потасовка длилась недолго, но утомила обоих мальчиков. Их кожа отяжелела от липкого песка, оставшегося после отлива; они согнулись, положив руки друг другу на плечи, — скорее не ради атаки, а чтоб не упасть. Кейл замахнулся и

наполовину шлепнул, наполовину стукнул Тхетму по лицу. Тхетма ударил в ответ. Оба тяжело дышали.

– Тебе хватило?

– А тебе, маленький принц?

– *Танай, ка?*

На диалекте Шри-Кона это приблизительно значило: «Разве люди не тонут?», как бы говоря: «Все мы в любом случае умрем, так зачем утруждаться?» «*Ка*» служило вопросом и ответом.

– *Ка, Танай.*

«Да, – согласился он, – люди тонут».

Мальчики откинулись назад и расслабили руки, стараясь хотя бы *выглядеть* готовыми к большему.

Кейл рванулся вперед и, обхватив пацана за плечо, развернул его лицом к глазеющей публике.

– Вы оба полное дерьмо!

Солдаты-мальчишки орали и улюлюкали. Они собрались вокруг и хлопали борцов по спинам, когда те проходили мимо: Кейл – с поднятой рукой, опущенной головой и серьезным видом.

«Тебе нужно куда больше практики, принц», «вы оба деретесь, как мои сестры!», «он испортил свою прелестную мордашку!»

Эти выкрики преследовали Кейла до самых казарм – сквозь высокую траву, которая покалывала их обожженные песком колени, вокруг самодельных укрытий, где сотня

мальчиков ела холодный рис и бобы, а затем на пути к по- мойной яме, которую они теперь звали домом.

Кейл рассудил, что одержал успех. После того как его столько дней откровенно избегали, мерили взглядом или шепотом обсуждали в любое время суток, теперь они хотя бы увидят, что кровь у него красная. Его щека с губой начали распухать, но этими ранами он щеголял с гордостью. Пускай он принц, теперь у него по крайней мере будет шанс стать одним из них – просто еще одним мальчишкой с разбитым лицом и окровавленными костяшками, валявшимся в грязи. И возможно, теперь у него был друг.

* * *

Утренние строевые занятия начались до восхода солнца. *Да отправят их боги в какой-нибудь мерзкий ад.*

Кейлу казалось яснее ясного: человек должен спать, когда темно. Сам он привык просыпаться навстречу ароматам теплого завтрака, надевать удобные шлепанцы и, возможно, «страдать» на уроке языка или истории, которые вели старцы с подслеповатыми глазами.

Здесь же он наслаждался пронзительными воплями офицера-наставника – приземистый и дурно пахнущий, тот костерил Кейла и его товарищей по отделению всеми бранными словами, известными в языках Островов, пока новобранцы не встали с постелей и не собрались в шеренгу на поле

для построений – очевидно, сегодня намечалось нечто «особенное».

Кейл облизывал распухшие губы и потирал отекавшие глаза, когда офицер наступил ему на ногу. Мужик выпрямился и продолжил орать мальчикам «закалитесь или сдохните», а его потные лицо и шея оказались достаточно близко, чтобы Кейл почувствовал тепло и запах рома. Некоторые юные солдаты наблюдали краем глаза, вероятно гадая, знает ли морсержант, что его пятка топчет сына короля Шри-Кона.

Не такой уж и «один из них», как я думал, решил Кейл. Но вообще-то *ему* тоже было любопытно – по крайней мере в промежутках между спазмами боли, пронзающей голень.

– О, извините, господин мой, я отдал пальцы вашему королевскому высочеству?

Верно. И да, подумал он, вполне уверенный, что это неправильный ответ.

– Никак нет, сэр. Вы легкий как перышко.

Морсержант ослабил.

– О, *превосходно*, благородный господин. – Пятка надавила сильнее. – Не хотел бы я причинять вашей королевской особе *неудобства*.

Кейл хотел было сказать: «Все в порядке», но упустил шанс, когда мужик заорал, брызжа слюной:

– И если ты еще хоть *раз* скажешь мне *что угодно*, кроме «да, сэр», или «нет, сэр», или «спасибо, сэр», или «да, морсержант Квал, сэр», я надеру твою мягкую задницу до крови.

Ты меня понял?

Кейл прочистил горло; у него подергивался глаз, боль становилась невыносимой.

– Да, сэр, спасибо, морсержант Квал, сэр.

Расплющивание его ступни прекратилось – после финального тычка, – и мужик долгие секунды сверлил Кейла взглядом, прежде чем зашагать вдоль шеренги.

– Итак, детишки, вот что я думаю о нашем принце – *вообразите, что я нахрен думаю о вас!* – Он метнулся в сторону, заехав локтем прямо в середину груди другого мальчика, который упал на колени, хватая ртом воздух.

– Встать, мелкий сопливый засранец!

Мелкий сопливый засранец подчинился. Кейл посмотрел на горизонт, вглядываясь и не находя никаких признаков того, что солнце и впрямь намерено взойти. Он вздохнул.

* * *

К завтраку половина подразделения исчезла – провалив первое испытание. Кейл пробрался к Тхетме в душной обеденной палатке и плюхнулся на табурет напротив за их замызганный стол. В палатке не имелось пола – лишь грязный песок вперемишку с мухами и гнилыми объедками, – но Кейл был просто счастлив присесть и искренне рад видеть мальчика.

Как минимум полдюжины из них едва не утонули, извле-

ченные из воды наставниками, в то время как сержант обзывал их дураками и лгунами. А началось все очень просто, когда в конце построения он спросил парней, умеют ли они плавать.

Когда большинство ответили: «Да, сэр», он сказал «докажите» и отправил их в море с тяжелыми деревянными веслами над головами. Он заставил своих подопечных ступать по воде, держа эти весла на весу, и велел не тонуть. Те, кто не умел плавать или не смог продержаться хотя бы малое количество времени, были забракованы и отправлены в армию.

Наградой для «победителей» стала еда. Кейл доверху наполнил тарелку рисом, кукурузой, колбасой, чем-то вроде бобовой пасты и, наверное, водорослей – по правде говоря, ему было без разницы, – затем устался на нее и поискал силы, чтоб все это съесть. Теперь, когда он сидел напротив простолюдина, Кейла также осенило, что ему еще не доводилось беседовать с ними наедине, исключая слуг. Он понадеялся, что подслушивал достаточно часто, чтобы справиться.

– Что ж, это было ужасно.

Тхетма промычал, отхлебнув немного воды, и продолжил орудовать ложкой. Прервался он лишь затем, чтобы языком перекатить к щеке непрожеванную еду и пробормотать:

– Мой тебе флотский совет: когда выпадает шанс поесть – ешь.

Кейл, можно сказать, славился своей невосприимчивостью к советам, но этот показался ему здоровым.

Они молча ели вместе, и Тхетма, опустошив свою тарелку, издал нечто среднее между вздохом от удовольствия и недомогания. Он обалдело уставился на Кейла.

– Не догадывался, что принцев учат плавать.

Кейл ответил взглядом.

– Так мы удираем от фермеров. После того как трахнули их дочек.

Глаз Тхетмы дернулся. Он поелозил и прочистил горло.

– Это разумно.

– Согласен. У тебя сестры есть?

Губы мальчика скривились.

– Так зачем ты подрался со мной?

О. Ты умней, чем выглядишь.

Кейл хотел сказать: «Я ненавижу одиночество и должен был что-то сделать, чтобы мне оно не грозило». Он предположил, что мог бы сказать: «Потому что твоя загорелая кожа выдает в тебе фермера, а фермеры во флоте – забияки, так что я знал, это будет легко».

– Я знал, что мне придется драться, и решил выбрать чувака моего роста.

Казалось, Тхетма доволен ответом.

– Как вышло, что ты здесь?

– Я четвертый сын. Меня не жалко.

И снова Тхетма выглядел довольным.

– Что ж. Ты отлично вступишься.

Кейл засмеялся, игнорируя боль в плечах и мышцах жи-

вота. Дрожащей рукой он поднял в тосте свою грязную деревянную кружку для воды, чувствуя симпатию.

— За то, что нас не жалко.

Тхетма чокнулся с ним.

* * *

Той ночью он лежал в постели в казарме — состоящей, по сути, лишь из коек и глиняных горшков с мочой, — и его мысли метались, несмотря на утомление и неудобную позу. Это было все равно что лежать на полу, только чуть менее грязном. Ноги болели даже в тех местах, которые, по мнению Кейла, болеть не могли, — а еще он до сих пор не привык к вони пота и нечистот, заполнявшей тонкие деревянные стены. Шел тихий дождь, по крыше отдавалось эхо, и Кейл мог поклясться, что наверху бродит гигантская крыса, возможно, застряв там или лакая из лужиц.

Вопрос Тхетмы крутился в его голове: *почему ты здесь?* Его ответ был не хуже любого другого. «Потому что я все более разочаровывающий сын, и мой отец решил, это должно помочь» казался довольно правдивым — а может, просто «потому что так сказал король величайшего города-государства во всем Пью».

Не то чтобы ему когда-либо прямо говорили, что он не оправдывает ожиданий. Но поскольку он мог по пальцам рук пересчитать количество бесед с отцом, и поскольку братья

превосходили его... ну, *во всем*, это было вполне вероятно. У большинства мужчин на месте его отца имелось бы намного больше детей, чем всего четыре сына. Говорили, у короля Нонг-Минг-Тонга десять жен и наложниц, а детей вдвое больше. Но у отца Кейла осталось лишь две жены и ни одной наложницы – во всяком случае, ни одной с тех пор, как умерла мать Кейла.

Он вспомнил, как верил, что его мать превратилась в рыбу или что солнце каждую ночь купается в море, и злился, что до сих пор чувствует стыд. *Так странно: сегодня что-то может быть правдой, а завтра – нелепостью.*

Мысль о братьях заставила его улыбнуться. Он скучал по ним, в общем и целом, если не принимать в расчет постоянное соперничество и сравнение. Он скучал по своей тете, по ее смеху и вниманию. Сильней всего он тосковал по Лани, хотя они больше и не разговаривали толком. Он предположил, что ему просто не хватает ее рядом. Он скучал по тому, как она пахнет и выглядит за трапезой, как она ест, хихикает или беседует сама с собой во время чтения... *Блин.*

Он глубоко вздохнул и попытался прогнать воспоминания о ней. Взамен, как часто случалось, его мысли обратились к тому самому моменту, когда их отношения изменились – еще одно воспоминание, заставившее вспыхнуть его лицо.

Ему было одиннадцать, и Лани жила с его семьей уже годы – с тех пор, как ее отец заключил торговый договор с династией Алаку. Король Капуле официально прислал ее в каче-

стве «подопечной» – под «защиту» отца Кейла. Но, в сущности, она служила почетной заложницей, присланной в знак доверия – или демонстрации власти. Она была лишь на пару месяцев старше Кейла, и поэтому в детстве они играли вместе, даже брали вместе уроки у одних и тех же наставников.

Не в пример ей, он был ученик ленивый. Кейл ненавидел проводить время в одиночестве, просто читая и зазубривая вещи, которые не особо заботили его, пока весь мир вращался вокруг него. Но в компании с другим это казалось легче. Каким-то образом он мог сосредоточиться, когда был кто-то еще – не собеседник и даже не слушатель, а просто человек рядом, так что Кейл не ощущал себя изолированным и не в своей тарелке. Он приносил свои книги и плюхался на кровать Лани, пока она занималась работой, или делала ожерелья, или играла с его волосами, а их телохранители бросали кости в прихожей.

Это продолжалось годами безо всякого надзора тети Кикай, горничных или наставников, и посему не было странным, что однажды он как ни в чем не бывало вошел к Лани мимо ее безразличных слуг и увидел, как она возится со своими темными длинными локонами перед маленьким зеркалом. Но было *странно* обнаружить ее оголенной, прикрытой лишь отрезом ткани, лежавшим на коленях.

Она не запаниковала и не завопила. Она лишь положила на грудь одну руку и, нахмурившись, махнула другой, чтобы его прогнать. А он стоял и смотрел.

Солнце лилось из окна, освещая половину ее смуглой фигуры, и она сияла на свету. Никогда раньше Кейл не замечал ее маленькие груди, легкие изгибы ее тела, едва заметные, но теперь отчетливые. Он помнил, как подумал тогда: *Она больше не маленькая девочка — и она не моя сестра.* Она на поминала модель художника, неподвижно позируя в меркнувшем свете дня, и Кейл не сводил с нее глаз.

Она нахмурилась и замахала настойчивее, затем он увидел, как ее лицо краснеет, но все же не двигался. Она произнесла его имя — он бы отдал всё, чтобы точно вспомнить, как она произнесла его имя. Затем она робко подтянула слишком узкую ткань кверху, чтобы прикрыть где-то около половины груди и четверти бедер, вскочила и побежала в маленькую умывальную, выставив перед ним напоказ себя сзади.

Она вернулась одетая, как будто ничего и не случилось. Он уже устроился поудобнее, чтобы попытаться читать, но то и дело поглядывал украдкой, лежа неподвижно как бревно, снова и снова перечитывая одну и ту же страницу и ничего не понимая. Через некоторое время она спросила, что он делает, и он смог выдать лишь «ничего» обидным тоном, поэтому она ушла. Больше он никогда не читал в ее комнате.

Теперь, вспоминая об этом, он понимал, что Лани пыталась избавить их от неловкости. Она отпустила какую-то шутку о родимом пятне у себя на бедре, спросив Кейла, что он думает о ее волосах и считает ли он, что ей нужно похудеть. Но при каждой ее попытке он краснел или становил-

ся косноязычным. Его робость усугубила ее собственную, и вскоре Лани оставила эту затею.

Рассерженный, он вернул себя обратно в реальность. *Ты столько раз наказывал себя.*

Правда была в том, что он скучал по Лани, и не только последние несколько дней, но и последние пару лет. Прямо сейчас он скучал и по своим слугам, и своей постели, своим наставникам и дворцу. Но также чувствовал себя у них в ловушке. Он чувствовал себя усталым и измотанным – как телом, так и разумом – и одиноким. Он не знал, какого черта делает здесь или делает вообще, и хотел лишь одного – уйти прочь. Уйти от ответственности и соперничества, ожиданий и неудач.

Он хотел бы, чтобы его мать и правда стала рыбой, ибо в этом случае, возможно, удалось бы и ему. Он вздохнул и возненавидел себя за эту мысль. *Такие вещи для детей, а я почти мужчина.*

Ему захотелось убежать, погрузиться в волны и утонуть. Он встал во мраке, тихо посмотрел на остальных, проверяя, не шевельнется ли кто, затем выскользнул в ночь.

4

Заявляю официально: я стар.

Амит из Нарана вцепился в бамбуковый леер торгового катамарана, бормоча себе под нос на родном языке. Он про-

вел весь день на воде, и его не мутило – но теперь, когда настала ночь и он лишился даже облаков, что успокаивали его нутро и глаза, ощутил, как эта стойкость рушится.

– Как далеко? – перекрикнул он шум волн, как надеялся, на сносном тонгском, не рискуя повернуть голову назад, чтобы взглянуть на медноносого капитана.

Тот не ответил. *Он, черт возьми, никогда не отвечает, но неважно, и будь он проклят почему зря.*

Амит устал от путешествий и путешественников. Ему хотелось теплую, мягкую постель под крышей дома. Хотелось услышать, увидеть или ощутить женщину, или понаблюдать за играющим ребенком. Хотелось спокойно сидеть и пить вино за растянувшимся на всю ночь ужином из трех блюд. *Я усталый, больной старик, и я за тысячу миль от дома.*

– Я сказал, прыгни за борт.

Слух Амита был уже не тот, что раньше, но эту фразу он слышал достаточно ясно, вопреки ветру. Мужчины перешли на отвратный моряцкий говор, и одному Богу ведомо, зачем или когда Амит овладел этим языком. *Я помню его, но не помню зачем; как странно ведет себя ум.*

Сделав глубокий, ровный вдох, он повернулся к членам команды и увидел, что некоторые сгрудились на носу, всячески избегая его взгляда.

– Чудненько. – Амит наполовину оторгнул это слово и сглотнул что-то еще, кроме слюны. Даже он понимал: они еще не прибыли в главную гавань Шри-Кона, куда эти люди

согласились доставить его за щедрую плату. Он представился им слугой и посланником Империи Наран и сказал, что его направили говорить с королем Шри-Кона – и то и другое было в целом правдой.

Несмотря на елеинный, южанский вид, капитан показался достойным доверия – хотя бы в той же мере, что и любой моряк, – и в любом случае только такого мог позволить себе Амит со своими беспечными расходами. Но теперь надвигалась непогода, стемнело, и мужик, по-видимому, решил, что лучше просто убить своего пассажира и забрать его королевский «подарок», чем рисковать высадкой.

Амит обдумал несколько вариантов лжи или угроз, чтобы спасти себя. Проще всего было бы сказать: мол, я сообщил ваши имена доверенному человеку на Большой земле, и если я не прибуду, вас объявят пиратами. *Хорошая идея. Жаль, что я не подумал о ней раньше и что это неправда.*

Впрочем, эти мореходы отчасти поклонялись богам Пью – а значит, отказались от своих имен в надежде проскользнуть по волнам незамеченными Роа, богом моря. Такие люди даже воздерживались давать имя собственным кораблям – суеверие, по мнению большинства других моряков, ужасающе глупое. Амит же просто считал его подозрительно удобным для пиратства.

Капитан поднял руку к своим людям, будто успокаивая их. Изобразив улыбку, он склонил голову в сторону Амита в знак «уважения». Казалось, его гнусавый голос отдается

эхом в фальшивом носу.

– Нам обязательно плыть до самой гавани, Аба? Плоского пляжа достаточно, да?

Тонги всегда называли своих старших «Аба», но, исходя от дубленого морского пса вроде этого капитана, обращение лишь напомнило Амиту, какой он старый хрыч.

– Король-Чародей ждет меня вечером, – сказал он и понадеялся, это сошло за их язык, – если позже, то боюсь... начнут искать, понимаешь? Король шибко расстроится.

Пират почтительно кивнул, вроде бы понимая, но его елеяная улыбка не коснулась глаз. Он сложил вместе ладони и отвесил поклон от плеч, как монах.

– Почти на месте, Аба.

Амит невесело улыбнулся в ответ и устроился на своем жестком деревянном сиденье, переложив обернутый кожей подарок рядом с собой. Его «сопровождающие» не знали, что это за подарок, но наверняка догадывались, что всё, предназначенное для короля, имеет ценность. И это впрямь было ценностью – по крайней мере, для ученых и государственных деятелей: в кожаной сумке лежала веленевая карта известного мира по наранским расчетам, которую бережно хранила и над которой препиралась элита академии. На карте были изображены все известные расы и короли людей от Северной пустыни до Южного побережья, и даже будучи всего лишь копией, она, вероятно, являлась лучшей в своем роде за всю эпоху. Император предложил ее как подарок,

да, но также и как послание. Любому королю, ее держащему, она гласила: «Это мир людей, и границы Нарана охватывают его треть».

– Мне насрать на островного короля.

Последовал диспут на моряцком жаргоне. Похоже, капитан хотел взять Амита в рабство, рассудив, что старый переводчик может оказаться ценным для подходящего торговца, но команда предпочла бы тупо сбросить его в море и плыть домой.

Ни тот ни другой расклад не прельщал Амита. Он подумывал сообщить, кем был на самом деле, но эти молодчики ему вряд ли поверят. А если даже *вдруг* и поверят, то либо испугаются так, что утопят его вместе с подарком просто чтоб скрыть свою вину, либо окажутся достаточно глупы, чтобы его похитить. *Очередная проигрышная стратегия.*

Тут он бы с радостью предложил им больше денег – имея у него хоть сколько-то, но долгое путешествие в одиночку из Нарана вытянуло все до последней монеты. *Я старый, упрямый болван, и какого черта ввязываюсь во все это?*

Он не мог сдержать улыбку, когда трепет опасности пощекотал его по искривленной спине. Он отлично знал причину. Та же самая, по которой он мальчиком пинал улы пчел и затевал драки с теми, кто крупней его. *Потому что другие думают, будто я не могу или не должен.*

И у него по-прежнему был в запасе трюк. Он с трудом опустил больными коленями на угловатую жесткую палу-

бу, изо всех сил умиряя свое нутро, когда волны раскачивали плавсредство. Сунув руку в один из многочисленных внутренних карманов халата, он достал тонгский амулет перевоплощения – по сути, петлю из бечевки с деревянными крючками и кольцами, вырезанными ножом. Опустив голову, он держал амулет, распевая бессмыслицу на дюжине языков, добавляя имена богов Пью и Тонга и подобный суеверный вздор, театрально жестикулируя и включая команду и корабль в слова божественной заповеди.

С закрытыми глазами он не мог видеть моряков, но ощущал их молчание. Он вообразил, как они таращатся, разинувшие рты и потрясенные, страхась убить святого мужа на много сильнее, чем пристать к берегу в бурном море. Он поцеловал амулет и сделал жест, возможно из местного наранского обряда плодородия, но не суть важно, затем поднял взгляд и воздержался от улыбки, стремясь узреть духовный испуг, который внушил – и уже не в первый раз – непросвещенным людям.

Его сердце зыграло, когда он увидел почти детский стыд в глазах и позах моряков, опустивших лица долу, словно матери поймали их на краже. *Вот и правильно, клятые дурни, вы переродитесь в навозных жуков или вроде того, если убьете «жреца».*

Затем лодку сильно качнуло, и, хотя Амит удержался, его тут же стошнило.

Ему хватило выдержки лишь на то, чтоб отвратить уста

от своих одежд, а затем смотреть, как содержимое желудка раскрашивает полсиденья. Он поднялся и застонал, вытирая рот запястьем, затем оглянулся на команду, чувствуя лишь легкую вину за то, что сбил в их лодчонке.

Что ж, вы замыслили убить меня, подумал он, затем увидел, что они продолжают пялиться на него. *И взгляд у вас какой-то нехороший...*

Он проследил за их глазами – и обнаружил кусок древесины, предназначенный для ремонта корабля, в пугающей близости от своей головы. Брус опустился, и Амит успел только выдавить: «Ох». Он увидел, как дернулся медный нос капитана, а следом весь мир погрузился во тьму.

* * *

К

ейл нашел на пляже труп. Во всяком случае, нечто похожее, но яркая луна спряталась за черными ночными облаками. Ощущая какую-то пустоту внутри себя, он хотел просто побыть один, никем не замеченным. Мир, заколдованный шумом волн и ветра, казался бескрайним, стихийным, и Кейл на мгновение замер, не уверенный, что хочет лишиться этого чувства и вляпаться в неприятности.

Затем «труп» застонал. При ближайшем рассмотрении это оказался старик, вероятно иноземец. Одежда на нем была плотной – совсем не похожей на шелк или тонкую ткань,

которые носят островитяне, – а его бледная кожа словно отражала тусклый лунный свет. Он выглядел малость грязным и промокшим, но волосы и борода его были подстрижены, а на теле не было ран. *Наверняка просто пьяный купец.*

– Лоа, – церемонно поздоровался Кейл. Он сдержал вздох и остался на месте, поскольку его всю жизнь учили не доверять, особенно когда чувствуешь себя в относительной безопасности.

Старик поднял голову и моргнул. Он лежал плашмя на животе, и когда Кейл увидел прилипший к его щеке песок и страдальческое выражение на лице, утомление сменилась тревогой.

– Вы в порядке? – Он опустился на колени, чтобы помочь мужчине сесть.

Иноземец пробормотал непонятные Кейлу слова. Он приложил свою ладонь к макушке, и Кейл увидел кровь. Они вместе обследовали рану: старик пальцами, юноша глазами.

– Я в порядке, – сказал незнакомец, теперь на языке Пью с акцентом, совсем не похожим на выговор дипломатов и торговцев, которых доводилось слышать Кейлу. *Он не с Островов и не с побережья материка – во всяком случае, ниоткуда поблизости.* Затем он криво ухмыльнулся, и его глаза сверкнули. – Все еще жив.

Кейл моргнул, затем ослабил в ответ.

– Все еще жив. – Он помог мужчине встать, и они покачнулись, но устояли на ногах. Кейл промолчал и дал старше-

му по возрасту сориентироваться, отпустив его предплечье, лишь когда тот вроде бы обрел устойчивость.

Оглядывая пляж, купец внезапно дернулся. Он закрыл глаза и пробормотал короткое, резкое ругательство, затем выпрямился.

– Я именуюсь Амит. – Он диковинно поклонился в пояс.

Кейл попытался ответить тем же, хотя его земляки, в отличие от иноземца, скорее «горбились», чем кланялись, и ему стало слегка неловко. Он представился как просто Кейл, опустив свой титул принца.

– Очень рад с тобой познакомиться, – сказал Амит. – Ты первый, э-э, островитянин, которого мне очень посчастливилось увидеть.

– О? – Кейл улыбнулся, впечатленный ясной и правильной речью мужчины – тем более такого, который только что выглядел не особо живым.

– У меня возникла небольшая... проблема. Люди, с которыми я плыл, они... бросили меня на этом пляже и забрали все мои... вещи.

Кейл кивнул, не удивившись. Ограбление иноземцев и купцов расценивалось на Островах как ремесло – во всяком случае, так было раньше. Теперь король Фарахи называл таких пиратами и преступниками и отлавливал их, как собак, но многих это не останавливало за неимением лучшего выбора.

– Думаю, я разведу костер и... переночую здесь. – Старик

жестом указал на пляж. – Вместо того чтобы... бродить в темноте, будоража людей. И, ах, я не уверен, где я.

Для того, кто был избит, ограблен и брошен на берегу, подумал Кейл, этот морщинистый иноземец вежлив и спокоен.

– Вы неподалеку от Шри-Кона – в часе ходьбы от городских стен, в военном округе. Но боюсь, если вы разведете здесь костер и ляжете спать, то скоро вас унесет в море. – Он в подражание Тейну показал руками нарастающий прилив, лишь слегка обеспокоенный, что его слова и произношение выдадут в нем принца.

Амит посмотрел в сторону воды.

– Итак, я идиот. – Кейл подавил смех. – Ну, если тебе известны... места для ночлега. Понимаешь? Я был бы признателен. Однако, – старик похлопал свои карманы и скривился, – у меня нет денег.

– У вас здесь есть друзья? Вы торговец?

Амит с прищуром отвел взгляд.

– Нет, я... нет. Э-э, я... ученый. Философ.

О, ни хрена себе, подумал Кейл.

– Вы священник?

Старик вздрогнул, как будто его ударили.

– Нет, ни в коем случае.

Кейл поднял брови, не особо придавая этому значения. Однако он получил свою долю религиозного обучения, и священники всегда надоедали ему до зевоты. А иноземные

священники были хуже всех.

– Если ты спросишь у священника: «Что такое солнце?» – сказал Амит с интонацией и ритмом почти как у актера в пьесах-себу, – он может ответить: «Это Бог, сияющий в небесах». Но если ты спросишь у *философа*, он скорее всего ответит: «Я понятия не имею».

Кейл выслушал это и снова улыбнулся. *Какой странный, любопытный человек*, подумал он.

– Очень хорошо, *философ* Амит. Что вас привело сюда? «Ученый» воззрился на него, затем пожал слабыми, округлыми плечами, как бы говоря «а что такого?»

Он сделал долгий вдох и объяснил, что был прислан императором Нарана говорить или на худой конец слушать от его имени – что он прибыл как посланник мира, или дипломат, или какой-то другой придворный чиновник.

Кейл внял этому и ничего не сказал, проклиная свою удачу, но уверенный, следует ли теперь объявить, кто он такой, да и важно ли это вообще. Амит рассеянно прочистил горло, как делают старики.

– Я полагаю, ты мог бы подсказать мне, где находится дворец?

Кейл сохранял нейтральное выражение лица, но издал мысленный стон, чувствуя, что битва с вежливостью уже проиграна.

– Да, конечно – я могу вас отвести.
Амит едва не рухнул от облегчения.

– О, спасибо, мальчик мой, поистине я тебе должен... то бишь, я у тебя *в долгу*. – Он закрыл глаза и поднес руку к голове. – Уж больно длинный был денек.

Кейл кивнул и повел его с пляжа, отряхивая песок с долгополой, толстой и непрактичной ткани, закрывавшей старика от шеи до лодыжек, и сочтя за благо, что прибыл тот не под палящим солнцем. Втайне он проклинал хорошие манеры и все жесты милосердия и надеялся, что никто во дворце не увидит его.

* * *

Пока они шли, стало ясно, что Амит ничего не видит. Кейл взял его под руку после того, как тот споткнулся о первое углубление на дорожке из плоских камней.

– Спасибо, да, спасибо. Боюсь, мои глаза не столь зорки в темноте, как раньше.

– Мне нетрудно, – сказал Кейл, и они продолжили путь в неловкой тишине. Казалось, Амиту неудобно принимать помощь. – Почему бы вам не рассказать мне о Наране? Я знаю только, что он далеко, и больше ничего.

Старик оживился, и Кейл подумал, что сделал правильный выбор.

– Ах, любознательный ум. Это хорошо! Ну, что мне тебе сказать? Мой дом – на равнине. Ты знаешь это слово? Огромные поля во всех направлениях. И никакой воды на

много дней пути, представь себе, не считая нескольких жалких колодцев и ручьев.

Кейл улыбнулся, не особенно заинтересовавшись, но чувствуя растущую непринужденность Амита.

– Мой народ в основном фермеры. Хотя есть и обширные шахты, где работают тысячи людей.

Это знак для меня.

– Какие культуры выращиваете?

– О, рис и пшеницу. Много вещей, много злаков. Тебя интересует земледелие?

Кейл улыбнулся и пожал плечами.

– Ха, я так и думал, что нет. Девочки и воинская служба, да?

Вопреки себе – и к своему великому раздражению – Кейл вспыхнул.

Он понадеялся, старик это не видит.

– Ну, в Наране много красивых женщин. Любого цвета, облика и, ах, темперамента. – Он подмигнул, еще больше усугубив смущение Кейла.

Давайте сменим тему.

– И солдат?

– Ах да, много солдат. Чем крупней империя, тем крупней ее армия.

– И насколько Наран большой?

– О, нынче весьма, весьма большой. Расширялся с тех пор, как я был ребенком.

– В сторону моря?

Кейл приподнял бровь, и у Амита появился намек на улыбку.

– Почти во всех направлениях.

Кейл подумал, что притворная тревога была бы забавной, но его на самом деле не волновал ни Наран, ни кто-либо еще. Пью обладало самым крупным и боеспособным флотом в мире, и попытаться атаковать его можно было лишь вдоль побережья, которое контролировали многочисленные союзники отца Кейла, через море, названное в честь его предков, наперекор народу, который знал свои острова и погоду лучше всех и намеренно не составлял карт.

Некоторое время они шли молча, но Кейл все еще улавливал недовольство старика оттого, что ему нужна помощь, и, возможно, его досаду из-за сумрака.

– Этот ваш император – какой он?

– О, впечатляющий человек. Сильный и мудрый.

Что это был за взгляд? – полюбопытствовал Кейл. Он выдержал многозначительную паузу.

– Правда?

Амит громко рассмеялся, и, вопреки следовавшему за этим кашлю, звук был искренним и приятным.

– Да, *правда!* О, пожалуй, слишком уж любит свой собственный миф. Воображает себя сыном бога, видишь ли.

Боги, чьи дети – люди? Вздор.

– Повезло ему.

– Ха. Ну да. Его отца нету в живых, чтоб возразить. Ну да ладно. На твоих островах нет почитателей Ру?

Кейл, не совсем уверенный, покачал головой, заметив, что Амит говорит более быстро и плавно с каждой новой фразой. Они продолжали идти, и пожилой мужчина все так же спотыкался на дороге, хотя она была хорошо вымощенной и в основном ровной. Вскоре они услышали рев потока.

– Это Куби, – сказал Кейл, чувствуя заинтересованность. – Главная река, протекающая через большую часть острова.

– Что это за шум? Водопад?

– Ну, это... вы увидите. Мы будем пересекать мост.

Они двинулись вперед, и в свете факелов показалось ступенчатое каменное сооружение, называемое водосливом, встроенное в реку.

– Выглядит как плотина, только через нее течет вода!

– Да, оно... управляет водой, полагаю. – Наморщив лоб, Кейл порылся в своей памяти. *Чертовски скучные гувернеры и их чертовски скучные уроки.* – Вроде как измеряет ее силу. И тем самым, э-э, помогает предотвратить наводнения и сохраняет воду на засушливый сезон. По-моему.

Амит выглядел явно восторженным, всматриваясь во тьму.

– Люди называют их «ступени утопающих». Дети погибли здесь, когда купались. Эта штука засасывает вниз, понимаешь?

Нараниец обшаривал глазами реку, по большей части

тщетно, его лицо посерьезнело.

– Как ужасно.

Кейл пожал плечами.

– Боги, да? – Иноземец моргнул, выглядя сконфуженным.

Кейл осмотрелся по сторонам, полагая, что его точка зрения очевидна. – Они губители. Детоубийцы.

Он сказал это беззлобно, зная, как и любой островитянин, что большинство небесных и водных богов – злые, ленивые человеконенавистники и что это просто в порядке вещей.

Амит, однако, казался удивленным, прочистив горло и не сумев подавить веселую ухмылку.

Что за необыкновенный старик.

* * *

Он окружает весь город?

В поле зрения появились внешний ров и городские стены Шри-Кона, и Амит присвистнул, выпучив глаза.

– Да, в основном.

– Я... считал, что Пью не вело никаких войн... уже очень долгое время.

Кейл пожал плечами, полагая, что так и есть. Он никогда не видел войну и не встречал никого, кто знал бы ее, кроме иноземцев.

– Может, это потому, что мы строим большие стены.

Амит улыбнулся.

– Итак, я рассказал тебе про Наран. Что можешь поведать мне ты о своем короле?

Теперь осторожнее, подумал Кейл, *я всего лишь парек-островитянин, мало в чем сведущий.*

– Ну, а что вы уже знаете?

Старик перевел дух.

– Я знаю, что родители и большая часть его семьи умерли от болезни и он правит с тех пор, как был ребенком. Я знаю, что у него две жены, одна сестра и четверо сыновей и что он подавил как минимум одно небольшое восстание. Я знаю, что он выступает за торговлю, мир и порядок.

Вы пропустили фразу «чародей, истребляющий родню», подумал Кейл.

– Вы много чего знаете. Какие у него дела с Нараном?

Старик пожал плечами, но Кейл почувствовал обман.

– Нам можно многое приобрести друг у друга. Нарану есть что ему предложить.

– Ммм. – Разум Кейла инстинктивно накрыло скукой. *Теперь он говорит прям как все другие иноземные послы, которым что-то нужно.*

– Кажется, ты сомневаешься.

Кейл помедлил, но решил помочь.

– Никогда не говорите островитянину, что вам «есть что предложить». Он подумает, вы мошенник и лжец.

Амит широко улыбнулся в ответ, и наконец они прошли в уютном молчании через главные ворота на ряд пустых улиц.

Кейл заметил, как пожилой ученый щурится, жадно пытаясь разглядеть открывшуюся перед ним картину.

– Обожженный кирпич и песчаник, – объяснил Кейл.

– Ах, спасибо. Что это за маленькие штуковины торчат из крыш?

Кейлу пришлось взглянуть самому, но он сразу догадался.

– А-а. Указатели – для бога неба, Ранги. Так люди просят пощадить их, если он рассердится или если Матэа нагрянет.

Амит поднял бровь.

– Бог ветра и штормов. Он ненавидит других богов, и человека тоже.

Старик улыбнулся, будто его это позабавило, хотя Кейлу померещилась и снисходительность.

– И ты веришь в такие вещи?

Он пожал плечами, думая: *«Да, и совсем нет».*

– Когда попадаю в шторм.

Амит все с той же улыбкой кивнул, с каждой минутой все сильнее опираясь на него для поддержки.

– Мы почти на месте, – сказал ему Кейл. – Дворец примерно в центре города, но с этой стороны он немного ближе.

Иноземец кивнул, но теперь глядел пристально лишь на дорогу, пытаясь удержаться на ногах. Они с Кейлом прошли мимо нескольких бездомных, чьи лица скрывались под широкополыми шляпами, так что были видны только протянутые руки: они просили подаяния даже во сне.

Крайняя нищета была редкостью на Островах, но даже в

богатых городах имелись несчастные калеки, наркоманы и другие маргиналы с разрушенными жизнями. Амит, заметив нищих, вздрогнул.

– Это, э-э, безопасно? Ходить по городу ночью? Надеюсь, я не подверг нас никакой опасности.

Кейл помотал головой.

– Попадаются насильники и воры, но, думаю, нам не нужно бояться ни тех ни других. – В основном это было правдой, но иноземцы, даже без гроша в кармане, являлись мишенью, так что Кейл не сбавлял шага. Он был не уверен, следует ли ему отвлечь старика новыми расспросами либо просто оставить его в покое, и хоть в бледном свете было видно плохо, лицо Амита казалось немного белее, чем раньше. Кейл ссутулился и попытался перенести больше веса на плечо.

Они брели дальше, миновав главный храм Алхуны, даже не заметив его, хотя днем это массивное здание с позолоченной крышей и статуями – дань богатству города – сияло бы на солнце.

Кейлу вспомнились занятия по религии в детстве. Большею частью он помнил, как рисовал каракули, пока голоса учителей снова и снова окликали его имя. Тетя отругала его – придя в ярость, когда монахи обратились к ней с искренним беспокойством, что у Кейла слабый слух. Она вежливо сказала, что слух у него в порядке, большое спасибо, и попросила докладывать ей в будущем, если возникнут проблемы. Но Кейл видел, как она смеялась, когда рассказала об

этом его няне.

Гнев и смех, вместе взятые, – вот она, моя тетя Кикай.

Она совсем не походила на его отца – словно буря над спокойным и пугающим морем. Кейл часто гадал, отчего братья и сестры бывают настолько разными. А возможно, как раз потому, что младшие приходят на выручку и восполняют пробелы, оставленные старшими вкупе с родителями. *Какие пробелы заполняю я для моих братьев?*

За храмовым кварталом и очередным ярусом торговых лавок нависала гигантская ограда дворцовых стен. Ночью возле ворот всегда висели большие зажженные фонари, и, невзирая на усталость, Амит, видимо, заметил лежащие сразу за воротами зелено-голубые ступни, словно отрубленные от морского гиганта из камня. В своем изнеможении он изобразил то, что больше всего напоминало вопрос: хмыкнул и пожал плечами в их сторону.

– Ноги Странника, – пояснил Кейл. – Просветленного и первого короля Пью, который прибыл на эти Острова с Западного океана давным-давно. – Он тронул предплечье Ами-та. – Они должны напоминать нам, что все люди когда-то пришли откуда-то еще. Не волнуйтесь, мы дружелюбный народ. – Он опустил старика на землю, прислонив его спиной к воротам. Амит слабо запротестовал, обещая, что наверняка уже больше не встанет, но тотчас уступил, потянувшись только, чтобы взять Кейла за руку.

– Мальчик мой, прости. Я о тебе ничего не знаю. Хотелось

бы тебя вознаградить – имеешь ли ты родовое имя или дом, чтобы я мог тебя найти, когда отдохну?

Кейл крепко сжал и похлопал его руку.

– Не нужно, дедуля. А теперь дай я поговорю с этими людьми.

Похоже, ночью у ворот дежурили всего два стража. Эти двое были молоды – оттого им, вероятно, и повезло стоять здесь в такой глухой час. Кейл знал их в лицо, но не по именам. Он подошел и прикоснулся тыльной стороной ладони ко лбу, как любой ребенок церемонно приветствовал бы старших незнакомцев.

– *Лоа*, – сказал он. – Я привел старика. Иноземца. Он устал, избит и, возможно, болен. Но утром у него дела во дворце, и ему нужно место для ночлега. Пожалуйста, помогите ему.

Стражники оглядели Кейла и необычно одетого мужчину позади него, затем взглянули друг на друга.

– Извини, мальчик, но тебе придется его увести. Дворец – не место для бродяг и хворых.

Кейл уставился на них и застыл в замешательстве. Затем вспомнил про свои шорты новобранца флота, голую грудь и лицо в синяках и понял: его не узнали. Он раздумывал не слишком долго.

– Я – Ратама. Кейл. *Алаку*. – Он старательно выпрямился во весь рост и понизил голос – чтобы звучать как его отец.

Он шагнул вперед, и потрясенные парни сжали свои ко-

пья, широко раскрыв глаза.

– Вы возьмете этого человека и разместите в одной из гостевых комнат дворца. Затем вы пойдете на кухни, где возьмете для него еду и воду. Вы разбудите врачевателя. Приготовите ванну. И *искупаете* гостя, если он потребует.

На лицах парней вспыхивало то смущение, то страх.

– Наш принц! Мы не узнали вас, пожалуйста, простите...

– Где ваше сострадание? Вы стоите в пяти шагах от *Просветленного*. – Он указал на каменные ступни и осознал, что именно поэтому так рассердился. – Вы отказываете усталому старику? Гостю, *страннику*, что просит вас о помощи?

Говоривший стражник замотал головой и пожал плечами, его лицо зарделось.

– Добро пожаловать во дворец величайшего короля Пью, *а теперь проваливай*, да?

Оба мужчины бросились вперед, чтобы забрать Амита, заставшего, когда они подняли его.

Жар схлынул с тела юноши, и Кейл задался вопросом, как много услышал Амит, но решил, что это не имело значения. Он был не в том состоянии, чтоб задавать вопросы. Кейл позволил стражам увести его в одну из многочисленных комнат для гостей, не попрощавшись. Он колебался, остаться ли на ночь в своей комнате или вернуться в казарму. Но уже нет, не теперь. Как ни крути, у него было предчувствие, что утро обещает быть волнительным.

Опасаясь, что мать не проснется, Рока провел большую часть ночи, наблюдая за ней. Матрона вождя приняла их с деревянным выражением лица, и они разделили мягкие меха, на которых обычно спали девочки, в комнате площадью с дом Бэйлы. Дочери Каро принесли завтрак – горячий гороховый суп и черствый хлеб – оказавшийся невкусным в сравнении со стряпней Бэйлы, но Рока все равно всегда считал, что знаток из него так себе. Он не стал утруждать себя попытками определить вид мяса.

Глаза Бэйлы открылись, когда он попытался накормить ее.
– Ешь, мама, день будет долгим.

Она улыбнулась и прихлебнула с ложки.

– Боюсь, слишком долгим. – Она с трудом приподнялась на локтях. – Кунла боится того, что произойдет на суде. Она попытается заткнуть нам рты. И если она обвинит нас и никто не выскажется против, нас признают виновными.

Конкретные нормы права не были записаны в Книге Гальдры, и поэтому Рока их не знал. Но если его мать сказала, что это работает таким образом, значит, так оно и должно быть.

– Я пойду один, мама, ты слишком больна.

Ее улыбка получилась слабой, искаженной.

– Мой храбрый мальчик. Ты не знаешь пути, а говорить должна я. Убедить судей трудно, и что бы ты ни сказал, этого

будет недостаточно.

– Я найду ее. Долину рядом с вулканом и рекой. Каждый герой книги произносил там речь, которая длилась вечно. Я найду это место. Я знаю путь.

Бэйле удалось улыбнуться чуть шире.

– Я все равно понадобится тебе на кругу, но мы должны избегать дорог. Если Кунла и ее убийцы найдут нас, она нас прикончит. Поверь мне.

Он вызвал в памяти образ Кунлы, когда та смотрела на него, как мясник на тушу. *О да*, подумал он, *я в это верю*.

– Быть может, вождь Каро сумеет помочь.

Она отвела взгляд, затем улеглась обратно на меха.

– Да. Может быть.

Рока услышал их через стену какое-то время спустя. Они закрыли дверь, но мальчик прислонил ухо к древесине и смог различить низкий голос вождя.

– ...прости. Мне велено оставаться тут... Не знаю, кто идет с ней – мужчины из другого города, полагаю, э-э... лишние вождя.

– ...забрать мою семью, Бэйла. Не могу ничё сделать.

– ...щедро... слишком щедро. Я не могу. И как ни крути, детей теряю.

Они ненадолго затихли.

– ...прошу, нет, прошу. Я маленький человек с маленькими амбициями... Никогда не смогу... не Вишан. Боги, женщина, разве те мало участи Бранда? Хошь погубить и меня?

Дверь открылась, и Бэйла с вновь осунувшимся, бледным лицом вошла обратно в комнату.

– Мы идем одни, Рока. Собирайся.

Перед уходом с ними встретила у двери матрона Каро. Она дала им столько воды, сколько они рискнули унести, немного сушеного мяса и два толстых одеяла. Она тихо поговорила с Бэйлой, которая прошептала в ответ и обняла ее.

Они покинули дом на рассвете и проследовали по дороге к окраине деревни. Затем свернули и пошли по краю холодной обширной степи, все еще омраченной затянувшейся ночью.

Любопытство Роки оказалось слишком велико.

– Мама... почему жена вождя нам помогла? Что она тебе сказала?

Бэйла ответила не сразу. А когда ответила, ее слова прозвучали осторожно, как будто ей не хотелось говорить:

– Ее имя Бетха. – После паузы: – Она намекнула, что может оставить Каро, чтобы я могла притязать на него.

Какое-то мгновение Рока слышал только ветер и хруст снега под своей обувью. Полная бессмыслица.

Мать вздохнула.

– Она следует старым богам и старым путям. Возможно, я ей и не нравлюсь, но она верит, что однажды женщина-Вишан, с подходящим мужчиной, родит божественных детей. Она верит, что эти дети устроят освобождение Носса из горы – конец этого мира и начало нового.

Рока знал это, как знал все легенды и пророчества. Ино-

гда он думал, что мать верит в его «божественность», хотя и не говорит об этом. Обычно ему было все равно, потому что это не имело большого значения. Но теперь она отвергла предложение о спасении. Ее верования одурачили ее.

– Но... *почему*, почему ты не *согласилась*? – Он провел рукой по своим длинным сальным волосам. – Это был выход для тебя!

Его мать остановилась.

– Потому что я не *важна*, Рока. Потому что... потому что я уже родила такое дитя, разве ты не видишь? И я должна обеспечить его защитой.

Рока сглотнул и закрыл глаза. Наконец-то она сказала это вслух. Он всегда стремился верить так, как верила она, или хотя бы уважать ее веру. Но подобное было уже чересчур.

– *Это всего лишь дурацкая книга!* – Его грудь вздымалась. – Я просто *безобразен*, мама, – в этом нет ни причины, ни смысла, ни правды. Я не сумел бы покончить с миром, даже если б хотел, а я *не хочу*. Неужели ты не понимаешь, как это глупо звучит? Я этого *не стою*, мама!

Ее глаза тотчас увлажнились.

– О, мой сынок. Ты не безобразен. Ты прекрасен... ты гений... разве не видишь?

Он не мог это слушать, не сейчас – когда она только что лишила себя единственного шанса на лучшую жизнь без него.

– Прекрати это. Просто прекрати. Я родился у тебя один.

Я приношу несчастье и, возможно, проклят, Бэйла. Это видят *все*, кроме тебя. — Он тоже почувствовал слезы в глазах. — Разве ты не видишь, что я сгубил твою жизнь? Черт возьми, ты этого не видишь?

Она упала на колени и взяла его руку, прежде чем он успел вырваться.

— Нет, сын мой, дар мой. Не говори таких вещей. Послушай меня.

— *Нет*, мне это надоело, я не хочу...

— *Ты меня выслушаешь.*

Он попытался не быть таким слабым и сдержать немужественный всхлип, сотрясший его тело.

— Я очень больна, — сказала она, но это не помогло. — Забудь, во что я верю, или богов, или что думают люди. Ты всего лишь мальчик, посему еще не можешь видеть, но ты хороший, ты особенный и мудрый. Но этот мир темен, холоден и жесток, Рока. Он съедает слабость и выплевывает ее, — она сжала его ладонь. — Ты должен взять этого хорошего мальчика и поместить его здесь. — Она приложила пальцы к его груди.

— Спрячь его так глубоко, сынок, что найти его сможем лишь мы с тобой, в потайное местечко. Спрячь его там, пока не станет безопасно вернуться. — Она сглотнула, взяла Року за бугристый подбородок и держала с такой силой, что стало больно. — А потом схвати этот мир за горло и *удуши* его. Это все, что подразумевают легенды. Помни богов и ис-

тории. Помни все, чему я тебя обучила. Мне следовало бы научить тебя большему, и прости, что я сделала недостаточно. Однажды ты сможешь воспользоваться этим, — она дотронулась до его головы, — и разрушить это место, если захочешь, или отстроить заново. Ты сможешь отыскать Носса, Рока, или края мира. Сможешь всё изменить. Всё что угодно. Сможешь написать собственную историю и быть свободным. И ни эти подлые мужчины, ни эти перепуганные женщины не смогут остановить тебя, твой разум и твоих старых богов. Ты понимаешь?

Он не понимал, никоим образом. Но смотрел, как его слезы скатываются ей на руку, и просто молча кивнул. Она потянула Року вниз, и он стиснул ее в объятиях, и они оставались в таком положении какое-то время, пока он водил ладонями по ее золотистым волосам и раскачивался из стороны в сторону. Он поцеловал ее в макушку и сказал, что любит ее, и подумал: а вдруг каким-то образом у них все еще может получиться? Они попадут в долину закона. Бэйла выздоровеет и устрасит Кунлу своими словами, а присяжные услышат правду и защитят их...

— С нами все будет хорошо, мама. Я не дам тебя в обиду. Ты сделала достаточно, более чем достаточно, и теперь мой черед.

Она молчала, и это показалось ему странным.

— Мама? — Он ослабил хватку.

Ее руки обмякли, а он даже и не заметил. Когда он отпу-

стил ее, она задрожала, будто от холода.

– Перестань. Мама? Мама, проснись!

Придерживая ее, он увидел, что глаза ее закатились, рот раскрыт и слюна пенится, как у бешеной собаки.

– Нет, нет, пожалуйста, нет. Бэйла! Прекрати это! Не сейчас! Не сейчас!

Она еще раз дернулась и замерла, затем простонала, и с ее губ потекла слюна. Рока уловил неприятный запах и понял, что ее кишечник опорожнился. Она едва дышала. Не сводя глаз, он поднял мать, плача, как маленький мальчик, целуя ее лицо и пытаясь заставить ее вновь сосредоточить взгляд.

– Нет, нет, нет. – Он баюкал ее, силясь поднять на ноги, но она обвисла в его руках.

Он сдался, сел на траву и положил голову Бэйлы к себе на колени, глядя ее золотистые волосы и глядя на облака.

Я убил ее, осознал он. Я слишком боялся уйти, и наконец мое проклятие убило ее.

Если он уйдет снова, она, несомненно, со временем оправится. Но ему не хватало сил отнести ее в долину – или даже обратно в деревню. Если же он останется, от его проклятия ей может сделаться еще хуже, а Рока не сумеет долго сохранять жизнь им обоим под открытым небом. *Я мог бы сбегать и привести Каро*, подумал он, *и тот мог бы снова помочь ей.*

Но в таком случае он ни за что не попадет в долину вовремя. Они с Бэйлой станут изгоями, и ее последние дни перед тем, как жрицы найдут и убьют ее, будут потрачены на сожа-

ления о неудаче, о том, что ее «особенный» сын не оправдал доверия.

Рока знал: она предпочла бы умереть в степях. Вмерзнуть в холодную землю, чтобы вороны и волки обглодали ее труп.

Ему удалось сдержать позыв ко рвоте.

– Я поистине демон. Это моя вина.

Он никогда не верил в чушь о заколдованных лесах, богах или пророчествах, но вот он здесь, иной и одинокий, а его святая мать, которую следовало бы чтить, вместо этого умирает в каком-то поле, неоплаканная и забытая всеми, кроме него. Кого еще можно винить?

Кожа Бэйлы стала бледной и липкой, белки глаз виднелись сквозь щелочки век. *Я не могу просто бросить ее.* Он знал, что ей хотелось быть сожженной, вернуться в пепел – из которого, как она верила, произошли люди. Но у Роки не было ни деревьев на топливо, ни времени.

Я не важна, услышал он ее поучение, но если умрешь ты, значит, все мои жертвы были напрасны. Ты должен пасть в долину закона.

– Я не могу. – Он закрыл глаза. – Не могу просто бросить тебя здесь.

Ты должен, сын мой. Оставь ребячество в прошлом. Это слабость, а ты никогда больше не должен быть слабым.

Он кивнул, достал свой нож и погладил ее волосы.

– Мне жаль. Мне жаль, мама, мне так жаль.

Он не мог знать, страдает ли она. Он поднес лезвие к ее во-

лосам и отрезал идеальные, золотисто-каштановые локоны длиной в ладонь и, положив прядь в карман куртки, взглянул на небо. Он увидел зимних птиц – возможно, зябликов, пересекающих равнину в поисках лучшей земли. Даже белые облака дружно удалились, пренебрегая им, как и в тот раз, когда мамыши в Хальбронне пытались забрать его руки. *Мир такой большой, ужасающий и необъяснимый, а я всего лишь одинокий маленький мальчик.*

Он заморозил слова Бэйлы в своем сознании, как молитву. Единственная вера, которая ему когда-либо понадобится.

Спрячь этого милого мальчика так глубоко, сынок, что найти его сможем лишь мы с тобой, в потайное местечко.

Рока поискал такое место в своем сознании – место, где он будет хранить свое детство, свою мать и ее ложь-из-любви. *Я и есть всё, о чем говорят истории. Я убил своим проклятием добрейшую, самую красивую женщину в мире, и меня будут вечно сжигать в недрах горы.*

Это всё, чем он теперь станет, – всё, чем он когда-либо сможет быть, кроме как в этом местечке: неприкосновенном, безопасном и принадлежащем ей.

Меня создали боги моей матери – либо никто. Он хотел рассмеяться, но всхлипнул. Божественные дети. Война богов. Конец мира. Да будет так, он поверит.

– Осторожней с пророчествами, – прошептал он, вытирая щеки.

Он потратит жизнь, которая дана ему, на поиски этих бо-

гов, если они существуют, и плюнет в их лица. А если они слишком испугаются и никогда не покажут себя, он будет съедать по ночам их гребаных детей.

Я стану частью твоей книги, мама, но не как Эгиль, Хаки или Руна. Я стану Омикой, великаном. Я стану монстром, который пугает маленьких девочек. Вот что я такое. Я голыми руками залью кровью целый мир, и, когда они все поочередно будут мертвы – законотворцы, жрицы и все их слуги, – тогда я отправлюсь в посмертие и найду тебя и сделаю их королевой.

Он снова поклялся в этом вслух, Эдде, а затем, в третий и последний раз, Носсу. Он поклялся, не сводя глаз с горизонта, и по его ладоням разлилось тепло, когда он вытащил нож. Он поклялся кровью своей матери.

* * *

Но он чуть не умер на полпути к Алверелю. Он грезил наяву, переходя через небольшую замерзшую речку, и потерял равновесие, так удивившись, что едва сдержал падение и сильно ударился плечом о большой замшелый камень. Тот оцарапал его голову сбоку и сказал: «Парой дюймов выше, и я б раскроил тебе череп, тупица». Чувства Роки обострились, и сердце бешено застучало в груди. Он боялся не смерти, а неудачи.

Рока сел прямо и пошевелил пальцами ног. Он почувство-

вал что-то неладное с ними, но не имел ни времени, ни желания снять ботинок и взглянуть. Он подозревал обморожение из-за пребывания в колодках. Отсутствие резкой боли – дурной знак, и у него как будто нарушилось равновесие, но это неважно.

Он взял прореху размером с Бэйлу в мире, что угрожал его поглотить, и спрятал ее в свое потайное местечко. Труп в поле больше не был ею. Бэйла теперь жила в раю, ожидая сына. *Или же она просто холодная мертвая плоть на земле, корм для животных, мух и червей.*

Взяв с ее тела лишь прядь волос и Книгу Гальдры, он ушел прочь, устремив глаза на Северо-Запад и горные вершины. Герои легенд всегда путешествовали туда с лошадьми или собаками, но у Роки не имелось ни тех ни других.

На фоне нескончаемой ярко-белой равнины горная цепь в течение большей части дня казалась иллюзией, совсем не приближаясь, не меняясь, нависая над плоской местностью, словно в каком-то бессмертном осуждении. Року не окружало ничего, кроме торчащей из снега травы – и ветра. Пронизывающего, ледяного ветра, хотя сезон и завершался. Более резкие порывы ослабляли волю Роки и вынуждали гадать, а есть ли вообще в этом странствии смысл – мать сказала, они не станут слушать, только не *его*.

Книга Гальдры гласила, что Истцу должно быть по меньшей мере шестнадцать. *Но Каро думал, я выгляжу старше моих лет; возможно, это упростит дело.* И он слышал, что

говорила его мать – *убийство, яд; земли отныне принадлежат Кунле*. Последствия будут уликой, хотя он и знал, что ее на самом деле убило его проклятие, а не какая-то отрава. Кунла, со своей стороны, обвинит Року в умысле и покушении на убийство, и если его признают виновным, он станет незаконником – за пределами цивилизации, как животное.

Вхождение в любой город или дом станет преступлением, караемым смертью. Землю его матери отнимут, и никакое действие против него не будет считаться незаконным. Это может продлиться год, вероятно больше, и Кунла придет за ним, в этом он был уверен. Скорее всего, ему не выжить. *Нет, я должен хотя бы попытаться избежать такого приговора.*

Сейчас ему требовалось время, чтобы исполнить свое предназначение. Ему требовалось время, чтобы вырасти, научиться сражаться и узнать больше о мире, поскольку знал он крайне мало – за исключением того, что сказано в его книге и что поведала ему мать. *Авось мамыны родичи помогут мне. Или, может, один из других тридцати пяти вождей.*

Он знал слова и растения и был готов работать так же усердно, как и любой из ныне живущих людей, дабы заслужить свое место. Наверняка лишь менее влиятельный вождь согласится принять его, но и это сойдет. Однажды он сумеет заработать меч и жить в компании воинов, пока не придет нужное время. Это было маловероятно, однако возможно – если только он не будет вне закона.

Весь день Рока переставлял ноги, упрямо идя вперед по бесконечной равнине. Он все еще различал дорогу в свете тонкого месяца, но с наступлением холодной темноты он испугался, что замерзнет, если не разведет костер. В котомке у него имелось огниво. Рока нашел замерзшее болотце с достаточным количеством сухостоя, чтобы поддерживать огонь всю ночь, легко порубил деревья своим топориком, и спустя несколько минут измельченный хворост ярко горел. Рока выпил из фляги, поел соленой вяленой баранины и расстелил небольшую медвежью шкуру, но сон все не шел. Мальчик сидел, уставившись в огонь.

Спрячь его так глубоко, сынок, что найти его сможем лишь мы с тобой, в потайное местечко.

Улыбнувшись, он вообразил маленькую поляну в бесконечном лесу. Он назвал ее своей Рощей. Воздух там всегда теплый, решил он, и ему не грозят никакие опасности, потому что он будет один. *Конечно, я один*, подумал он, *Роща слишком мала и бесплодна.*

Едва он представил себе эту местность, ее, как и всякий вымысел, оказалось до странного трудно изменить – и невозможно забыть. Впрочем, казалось вполне логичным дать самому себе орудия, известные по жизни, так что Рока вообразил небольшую грудку железных лопат, мотыг и ножей, а в его руке появился топор. *Топор-из-Рощи*, улыбнулся он, подняв его в ложном, бессолнечном свете, *прямо как у древнего шамана.*

Ему нужно будет построить хороший дом, снабженный припасами, и, возможно, разбить сад, за которым станет ухаживать мама, если она когда-нибудь придет. Конечно, ему придется вырубить деревья, чтобы расчистить пространство, но ему в любом случае будет нужна древесина. В доме понадобится две комнаты, чтобы мама могла бывать с отцом, когда тот приходит ночью, и, конечно, хороший очаг с местом для приготовления еды. *А может, и два очага, как в Хальбронском зале.* Рока улыбнулся. *Почему нет?* Все это лишь фантазии.

Там же он обнаружил и Книгу Гальдры, лежащую на клочке мха. Рока остановился, раскрыл ее и увидел, что в ней есть все слова. В истинном мире книга тяжело оттягивала вещевой мешок и замедляла Року. Но если он будет хранить ее в своей Роще, ему ведь не придется таскать ее с собой? Мысль стала действием, и в истинном мире его тело бросило книгу в костер, и огонь затрещал, когда в воздух медленно поднялся пепел.

Ты мог бы продать или обменять ее. Она была очень ценной.

Он знал: за такое мать отругала бы его на чем свет стоит. Сожжение священной книги, несомненно, оскорбляло как богов, так и людей, и в случае поимки виновного тотчас ждало наказание. Но его мать все равно мертва.

Всему есть свое время... и место, подумал он. *Место выдуманной книги – рядом с твоим садом, мама. Место насто-*

ящей книги – в пламени.

Он ощутил мягкий, теплый мех медвежьей шкуры под собой и понял, что, должно быть, это его отец добыл и освежевал зверя. В его Роще мгновенно возникла пещера. Он представил, как зверь мирно спит внутри, безразличный к ветру и холоду, пережидая зиму. *Мертвые могут присоединиться ко мне в моей Роще*, решил мальчик, ощупывая руками шкуру, *ибо теперь Носс – мой хозяин.*

Он увидел, как зверь лежит там, пронзенный копьем Бранда и окровавленный, и задался вопросом, сколько людей потребовалось для убийства и как именно оно свершилось.

Как бы я хотел спать в той пещере, как медведь, прижавшись во тьме к его боку, в окружении скал. Вспыхнул огонь, и тело Роки закрыло глаза. Это было последнее, что он помнил.

6

Рока проснулся, обнаружив потухший костер и проблеск света. Он вспомнил о своей цели – первое, что надо сделать с утра даже прежде, чем помочиться, – затем посмотрел вверх и решил, что остаток путешествия займет всего пару дней, так как горы ближе, чем он думал.

Припасов у него хватало. Заканчивалось только время, и коль скоро его не найдет Кунла, он был уверен, что отыщет

долину.

Днем, даже на ходу, он обнаружил, что может возводить собственный дом в Роще. Этим трудом он избавил свое странствие от всяких признаков скуки, хотя отвлечение могло оказаться рискованным, если земля станет неровной. До обеда он воображал пилы, молотки и скребки, которыми срубал деревья, разделял их на части, а затем делал доски.

Теперь явились и животные Рощи. Он вытер несуществующий пот со лба и заметил на деревьях птиц с ярким оперением. По ветвям носились белки с коричневой шерстью, и Рока улыбнулся им, счастливый от радости, что теперь не только ветер его попутчик. *Я построю несколько скворечников*, подумал он – возможно, рядом с домом, у окон спальни. Бэйле понравилось бы.

В лишенном слабости мире снова наступила ночь и растаяла, пока он шел; вечер вдруг стал достаточно теплым, чтобы не нуждаться в костре. Мысленно Рока предавался приятной работе, пока его ноги не нашли реку Брэй – реку, что никогда не замерзает, как утверждала книга, в чем мальчик сомневался. *Ее называют слезами богини жизни*. Он просто надеялся, что не сбился с пути.

Равнины внезапно закончились, и за ними Рока обнаружил поросшие деревьями холмы, на которых лежали огромные снеговые кучи, а горы высились, закрывая весь обзор. Большую часть дня он шел вдоль берега, надеясь, что это и есть река Брэй, и разглядывал крошечные деревца на скло-

нах гор вдали и огромные водоемы у их подножий, вокруг которых раздавались крики и потрескивания разной живности.

Рока не бывал дальше, чем в нескольких милях от дома — разве что в младенчестве, — и еще никогда не видел гор ближе, чем на горизонте. Он устроил привал у реки близ еловой рощи; эти деревья были зеленее и выше, чем те, которые он помнил, а обрамляли их еще более высокие сосны и мелкие, тощие разновидности с коричневыми листьями. Он не распознавал все звуки ночных существ, но впервые после Хальбронна обзавелся настоящим кровом и чувствовал себя в относительной безопасности. Защищенный деревьями и горами, Рока почти не ощущал ветер, а ночь отчего-то потеплела достаточно, чтобы он сбросил слой мехов. Разведя небольшой костер больше по привычке, чем по необходимости, он наклонился и осторожно разулся.

Мизинцы обеих ног окрасились в пурпурно-черный цвет. Они были холодными на ощупь, и хотя не сильно болели, Рока уже страдал достаточно, чтобы знать: боль найдет способ наверстать упущенное. Пальцы рядом с ними были чувствительными и покрылись белыми пятнышками. Из мизинцев сочилась прозрачная жидкость, и кожа с них отслаивалась. Рока знал: они уже не исцелятся. Поврежденная плоть отпадет или начнет гнить, и ему придется отрезать эти пальцы ножом, чтобы выжить. *Не беда, это всего лишь пальцы.* Он заправил их обратно в шерстяные носки, надел поверх кожа-

ные ботинки и обратил свой разум к вещам, которыми мог управлять.

Несмотря на красоту окружающих видов, он провел большую часть того вечера, трудясь над своим домом. Он наконец принялся за каркас и хотел сделать что-то вроде погребца, но не знал как, поэтому практиковался на открытой местности вблизи, выкапывая квадратные ямы и накрывая их досками. Снаружи, в месте, где ему предстояло вскоре лишиться двух пальцев, он предположил, что понадобится как-то устроить подачу теплого воздуха внутрь погреба – но в его собственной Роще навряд ли. *Не вопрос, решил он, уйма времени для практики.*

Забудь про свой чертов погреб, услышал он голос матери, *сосредоточься на более насущных делах.*

Будь она жива, то, как обычно, оказалась бы права. Рока немного почитал из книги, пока его тело, покорно выпив и поев, укладывалось спать у костра. Работать как в истинном мире, так и в придуманном стало уже немного легче, а в книге имелся раздел, который стоило изучить, надеясь на помощь в кругу – о Нанот и ее пророчице Гальдре.

Но ему не удалось найти много законов, и даже те, что обнаружились, были туманными. «Не убий без причины», – гласила книга, затем приводила список причин, которые показались Роке злой шуткой. В этом списке значилось «оскорбление», как и «предательство». И следом размещались противоречивые «толкования» именитых Законовеща-

телей на протяжении веков, большинство которых казались почти нарочно туманными, а всех «официальных» наказаний, знал Рока, даже *не было* в гребаной книге.

Наконец он заснул, чувствуя себя маленьким глупым ребенком. Чем бы ни стал руководствоваться круг, осудив или освободив его, этого не было в книге законов или же он попросту этого не понимал. Но, как ни крути, он испытывал страх.

* * *

С появлением солнца тревога укутала его, как второе одеяло. Рока не помнил, что ему снилось, но помнил свою цель, и, наспех собравшись, в бешеном темпе двинулся через холмы, отчего-то боясь, что время его истекло.

От осознания того, в каком состоянии его пальцы ног, Рока испытывал боль, но отбросил ее, как стремился отталкивать страх, печаль и вину. Он не трудился в своей Роще, сосредоточившись только на земле и горах, подмечая каждый ориентир в виде дерева или скалы, пока не остановился и не узрел гиганта среди меньшей братии.

Тургэн-Сар. Гора Всего Сущего.

Ее вершина уходила за облака, склоны возвышались над горизонтом, а ее сородичи казались просто бугорками и приживалами. Рока знал: Алверель уже близко. Ему лишь надо следовать вдоль реки Брэй к зеленой травяной низине с за-

болоченными почвами, полной сотен людей и животных и всех вещей, которых не могли постичь Южане и потому едва ли даже верили в них.

Сперва он увидел мужчин, занятых рыбной ловлей у реки, затем группы странников, протянувшиеся на Север вдоль берегов к лежащей за ними долине. Он преодолел подъем и увидел маленький, скорей всего временный городок с круглыми деревянными домами, очень похожими на хальбронские. Огромный зал собраний с зеленой крышей из дерна и еще одно такое же большое здание окружали купеческие обозы, их телеги и животные. Рока учуял кисловатый запах винокурни, жарящееся на открытом огне мясо и сладковатый смрад отходов и гнили.

Рока ощущал, что все вокруг на него пялятся, но среди стольких людей испытывал меньше страха перед гневом Кунлы. *Не будет же она пытаться убить меня в окружении свидетелей? И так близко к самой основе закона?*

И все-таки он не снимал капюшон. В путешествии у него не было времени горевать о маме, но сейчас он переживал ее утрату как никогда раньше. С кем ему говорить и как ему действовать? Каковы правила? И кто проведет его через них? Пока он просто продолжал идти, надеясь, что круг закона будет очевиден и что другие в конечном счете разъяснят.

Как и в тот первый раз в Хальброне, он только и мог, что глазеть на людей и животных. За всю свою жизнь он не видел

столько существ, обитающих вместе.

На окраине, по пути к реке, неряшливые братья лет двенадцати-тринадцати пасли стадо блеющих коз. Мальчишки с каштановыми, а не черными волосами и пухлыми конечностями напомнили Роке вождя Каро и его слуг. Дальше он обнаружил еще мальчиков, присматривающих за волкодавами в псарнях. Пушистый черно-белый мех зверюг был все еще густой после зимы, и большинство из них терпеливо ждали на привязи, а другие катались по земле, игриво кусая друг друга. В бревенчатых стойлах выстроились лошади, но они не были косматыми и дикими, как табуны тех, что бродили по степи. Их спины выглядели более изогнутыми, а почти безволосые туловища были вполовину меньше, чем у их беспризорных собратьев. Только женщины могли владеть подобными лошадьми – таков обычай, – хотя, как правило, ездили на них их мужья.

Сердце Роки забилось быстрее, когда он увидел большие, уложенные кругами валуны. На многочисленных рядах деревянных скамей, обращенных к середине неровного круга, сидели пожилые мужчины и женщины в чистой, хорошей одежде. В центре старая женщина лет пятидесяти что-то говорила и сопровождала слова жестами, а по меньшей мере десять вооруженных мужчин стояли возле камней. Рока вцепился в капюшон своего плаща и закрыл глаза. *Бэйла ушла*, сказал он себе, *теперь бояться нечего, кроме как снова подвести ее.*

Наверное, это было неправильно, ибо он чувствовал, как озеро скорби переполняется за стеной, которую он выстроил, чтобы его сдержать. Но время для слез настанет позже.

Он подошел ближе, надеясь услышать и узнать хоть *что-нибудь* о ритуалах закона, прежде чем будет вынужден им противостоять. Капюшон он держал надвинутым, а глаза опущенными.

Голос у старухи был скрипучим, но сильным.

— ...предоставила более чем достаточно улик в обоснование своей жалобы. Имеются мотив, свидетели, рана и оружие. Она сестра Гальдры на хорошем счету, верховная жрица и жена с безупречной репутацией. Есть ли здесь кто-то, желающий говорить за обвиняемого?

Казалось, люди в этой толпе скучали. Прислонившись к столбам, они ковыряли в зубах или таращились на небо, и Рока ждал, не решится ли кто говорить, но не увидел никаких телодвижений. Несколько человек располагались у центрального камня, еще несколько стояли спереди, а группа бойцов с оружием топталась на поляне, но никто из них не шевельнулся. Затем Рока увидел Кунлу.

Я едва успел сюда вовремя.

Его сердце заколотилось, и он сжал кулак, чтобы овладеть собой. Она стояла впереди, из-под простого дорожного плаща торчали меха, и несколько мужчин окружали ее, словно телохранители. Старуха — явно Законовещатель — указала на нее.

– Раз таковых не нашлось, – изрекла она, – у меня нет выбора, кроме как решить в пользу...

Ноги мальчика будто сами несли его вперед. Он протолкался мимо жителей долины ближе к центральной возвышенной поляне, его сердце неистово билось у самого горла. Он молился, чтоб не выдать голосом свой страх.

– Я пришел говорить. – Его слова дрогнули, и он залился краской стыда, натягивая капюшон еще ниже и протискиваясь к краю толпы. Он смотрел, как глаза Кунлы ищут и находят его, расширяются в панике, затем мечутся из стороны в сторону. *Она высматривает Бэйлу. Она не боится меня без клинка меж ее ног. Пока нет.* Он придвинулся ближе.

– Тогда подойди к этому камню, – велела Законовещатель, – назови нашей Богине свое имя и деяния и изложи свои доводы перед судьями.

Деяния? Какие деяния? Рока ломал голову хоть над чем-то, что можно сказать, думая, что мог бы поведать историю своей мамы и поставить себе в заслугу одно уже то, что он ее сын. *Говорить ли мне о Бранде? Достойно ли внимания, что я сумел так долго выжить в заколдованном лесу?*

Он врезался прямым в грудь одного из стражей.

Рока прикусил губу и, коснувшись ее ладонью, ощутил кровь. Затем он попятился, плечо и лицо болели от удара о кольчугу. Он промямлил извинение и попытался обойти мужика. Тот шагнул вместе с ним.

Рока взглянул вверх и увидел твердые костистые щеки,

оспины, шрам от уха до носа. Торс мужчины поблескивал чистыми звеньями колец, а его ладонь покоилась на эфесе меча. Другие похожие мужчины встали в ряд с первым, плечом к плечу, образовав железную линию.

– Что медлишь? Иди сюда, мальчик.

Рока разинул пересохший рот. Он мало что понимал, но угроза казалась весьма очевидной.

– Эти люди мешают мне, Законовещатель.

Старуха взглянула, прищулив глаза.

– Меня это не заботит. Рока, сын Бэйлы, обвиняется в попытке убийства одной из Верховных Жриц Гальдры. Ты подойдешь к центру этого круга, представишься Богине и изложишь свои доводы. В противном случае Рока будет считаться отсутствующим и будет объявлен вне закона, доколе не придет в это святое место. Тебе ясно?

Только «Рока», осознал он, а не «Рока и Бэйла», но столь же быстро изгнал эту мысль. Наверняка это было шуткой – или безумством.

Он ринулся вперед и попытался пробиться силой. Мужчины легко толкнули его назад. Он метнулся в сторону, чтобы их как-то обойти, и некоторые подступили на полшага и обнажили свои мечи, укоризненно покачав головами.

– *Они меня не пропускают!* – крикнул он голосом, звучащим отчаянно и жалко, даже для него самого.

Он оглядел зрителей, и все, будто в упор не видя его, отводили глаза. Одни уставились на облака, другие на траву, а

третьи побрели из круга. Он чувствовал подступающие слезы. *Я просто дитя*, подумал он, *я беспомощное глупое дитя*.
Законовещатель с издевкой осклабилась:

– Что тебе можно или чего нельзя, остается между тобой и богами, сын Имлера. Если есть люди, кои обходятся с тобой несправедливо, разберись с ними, либо можешь прийти сюда и обвинить их.

Казалось, он не мог унять дрожь.

– Я обвиняю их *отсюда*!

Она покачала головой, словно Рока был самым глупым, невоспитанным мальчишкой, которого ей доводилось видеть.

– Ты должен встать в *центре* круга, иначе тебя не сможет услышать Нанот. Даю тебе несколько минут, чтобы предстать перед нами, или собрание продолжится без тебя.

Рока вглядывался в лица сидевших на скамьях мужчин и женщин. Они тоже не хотели встречаться с ним взглядом, уставившись или вдаль, или вниз на землю, словно их вдруг заинтересовала трава, и тогда-то ему стало ясно: он совершенно один.

Книга гласила, что любой может быть истцом – кто угодно может привлечь другого к ответственности за преступление, свидетелем которого стал, от чьего угодно имени. Каждый из наблюдающих мог подойти к кругу и обвинить мужчин перед Роккой в противодействии закону, что было ясно любому, имеющему глаза. Но никто не шевельнулся.

– Быть посему, – изрекла Законовещатель. – Я объявляю Року, сына Бэйлы, отсутствующим при разборе его дела. Никакого приговора вынесено не будет, доколе сюда не явится Рока или его представитель. Но до тех пор он признается в Аскеме незаконником. Его имущество изымается. Он нежеланный гость у очага и в доме. – Казалось, она помедлила, прежде чем закончить, и Рока знал, что грядет. – Ни одна женщина или мужчина не могут быть обвинены в преступлениях против него.

Рока взвыл или, возможно, ахнул – хотя не собирался и вообще хотел презрительно рассмеяться. Он увидел глаза Кунлы и в точности понял ее намерения.

– Они убьют меня, Вещатель. Прямо тут, прямо сейчас. Эти люди убьют меня перед вашим камнем закона. Меня, безоружного мальчика. – Он упал на колени, и слезы полились. Его мать лежала мертвой в поле, и он перерезал ей горло ни за что ни про что. Ведь он мог бы остаться и согреть ее, мог бы укрыть чем-нибудь и сказать, что любит ее, и держать за руку до конца. Но вот он здесь, окруженный незнакомцами, бесполезный. Он гадал, не могли ли Законовещателя подкупить, или просто так устроен мир.

Мысленным взором он увидел, как подступают воины, чтобы его убить. Возможно, это предоставят сделать единственному из них, прямо тут – казнить его стоящим на коленях, одним ударом меча. А может, его сперва уташат прочь и будут пытаться, доколе Кунла не удовлетворится...

Мгновение он искал и не находил причин бежать. Вне закона он непременно умрет в одиночестве где-то в глуши, либо его выследят и убьют забавы ради, за вознаграждение или по приказу Кунлы. Он ничему не научится, ни за что не отомстит и будет страдать до самой смерти. *Я тебя подвел, Бэйла; ты старалась мне объяснить, но я не слушал. Я уже проиграл.*

Казалось, его последние слова остались без внимания. Законовещатель выкликнула имена участников следующей тяжбы, охранники замерли, и «судопроизводство» продолжилось.

Кончай скулить и вставай. Ты отбросишь эту слабость и вспомнишь, чему я тебя учила.

Рока задрожал и вытер щеки, затем едва не рассмеялся, подумав, как хорошо, что Бэйла не может его сейчас видеть.

Ты обещал мне, напомнила бы она ему. Ты обещал «до конца своих дней», и ты не мертв. Так что вставай.

Он поднялся на ноги. Дотронулся до кармана полушубка, где лежала прядь волос Бэйлы, и понял: его цель превосходит страдания и неудачи. Будучи вне закона, он все-таки сможет отомстить. Даже если для этого потребуются годы и потеря всех пальцев на руках и ногах, он все равно сумеет выжить и познать мир людей, а затем сжечь его дотла.

– Законовещатель!

На сей раз его голос звучал твердо, и все в пределах слышимости обернулись посмотреть.

– Запомни мое лицо. – Он старательно рычал, как тот демон, которым все они его считали. – Назови своей слепой придурочной богине мое имя. Скажи ей, что Рока идет.

Старуха посмотрела на него, прямо ему в глаза. Она улыбнулась. Рока увидел, как повернулась Кунла и придвинулась ближе, на ее лице играло неподдельное удовольствие. Мужики шагнули вперед с обнаженными мечами.

Рока развернулся и бросился бежать. Он бил зрителей кулаками и плечами и рывкал на них, удирая. Он вырвался из толпы и круга камней, промчался мимо фактории и купеческих лавок, торгующих всем тем, чего Рока никогда не имел. Ни разу не оглянувшись, он пробежал весь путь до конюшен, понятия не имея, как ездить верхом, но рассудив, что лошадь – его единственный шанс ускользнуть.

Внутри какой-то мальчуган постарше подметал сено, разговаривая с животными. Когда Рока, тяжело дыша, ввалился в стойло, парень стиснул метлу как оружие и уставился изнуренными глазами. *Он замедлит меня, подумал Рока, он попытается меня остановить и, может, даже успешно, а я облажаюсь. Времени нет.*

– Что это ты...

Рока схватил со стола у входа молоток для подков и ударил парнишку в лицо. Раздался хруст кости – будто дерево раскололось топором, – смешанный с влажным хлопом, когда кровь забрызгала стойло позади него.

Он мертв, подумал Рока, изумленный силой удара, не про-

веряй, не смотри на него.

Заметив, что одна лошадь почти подготовлена к выезду, он бросился к ее боку и, неуклюже перекинув ногу, оседлал. Раздув ноздри, в панике выпучив глаза, лошадь затопала и заржала.

Но по ее размерам он понял: это верховая, а не боевая лошадь, и значит, она будет менее агрессивна и не столь умна. В любой передрыге эта животина вела себя одинаковым образом: бросалась вскачь.

Вскинув голову, она вырвалась из конюшни вместе с перепуганным Рокой, вцепившимся ей в спину. Погарцевав, лошадь набрала темп и вылетела с пастбищ, из временного городка, за пределы досягаемости дюжины пыхтящих стражей, едва не поймавших Року у ворот, а затем из долины, со скоростью стрелы.

За это убийство его, несомненно, казнят – ну, если поймут. Но ведь он и так уже вне закона, и ему ни за что не дадут слова, что бы там ни говорили. Продажные жрицы вершили лишь такую справедливость, которую им хотелось.

Мать его мертва. Отец тоже. Ему больше нечего терять. У него есть лишь возмездие и темный поступок и место в каком-нибудь аду, который вряд ли существует, или забвенье.

В своей Роще он выточил из нескольких бревен копьё и мечи, предоставив телу держаться в седле, низко опустив голову, чтоб избежать холодного ветра. *Мама была права, погреб может подождать*, решил он. Ему понадобятся все его

время и энергия для практики, для мести. Он должен выжить и стать воином, охотником. *Чудовищем из книги.* Его тело и чувства поддержат в нем жизнь, а разум приступит к работе.

Казалось, охваченное паникой животное под ним скакало несколько дней, хотя солнце почти не сдвинулось. В конце концов Рока сумел замедлить лошадиный бег и выпрямиться в седле, уставившись на незнакомую землю и думая о мальчике, которого убил. *Мир жесток*, подумал он, изгоняя все следы вины, *так сказала мама.*

У него не было места для жалости или стыда там, куда забросила его судьба. *Этот мальчик задержал бы меня, и я был бы мертв.*

В истинном мире существовала только эта правда, ничего больше, но в своей Роще он соорудил для паренька могилу.

Он закопал немного древесной коры и, быть может, позднее оставит несколько цветов, когда сад его матери вырастет. Он разгладил и примял грунт ладонями, затем оставил столбик с вырезанным рунами именем: «Пацан Конюший в Алвереле». Затем он поднял взгляд.

Перед ним, возле свежей черной земли, стоял мальчик с изуродованным лицом и челюстью, слишком искалеченной, чтоб говорить. Высокий, ростом никак не ниже Роки, с глазами пытливыми и ясными как день, он был облачен в ту же грязную одежду, что и при жизни.

Я что, воссоздал его?

Он так не думал.

Мне и правда нужны такие напоминания? И разве не будет он ненавидеть меня сейчас, даже в этом месте?

– Прости, – сказал он, дотронувшись до собственной челюсти. Мальчик пожал плечами.

– Но... раз уж теперь ты мертв и здесь, что ж... Мне бы не помешал напарник для боев.

Мальчик ничего не сказал. Он наклонился и поднял деревянную палку, сосредоточенно прищурившись, когда принял широкую стойку, держа «меч» как метлу из конюшни.

Было бы неплохо иметь компанию, подумал Рока, принимая похожую стойку, хотя и решил, что, наверное, мог бы улучшить ее.

Разрушить мир будет сложно, и каждая мелочь помогает.

Он покрутил шеей, готовясь к атаке в своем сознании, думая, что бы произошло, если бы он увернулся от молотка или проткнул меня метлой.

Мысль стала действием, и дважды мальчик защищался и отражал выпады Роки.

– Ты мог бы жить, – сказал он, и мальчуган кивнул и отвел взгляд, как будто стыдясь.

– Не волнуйся, мы будем учиться вместе. – Рока подправил стойку, сдвинув ноги ближе, одну вперед, а другую назад, чтобы можно было переносить собственный вес, но при этом двигаться в любом направлении. Мальчик снова изготoвился, обхватив руками палку. И хотя из-за его отвисшей

челюсти понять было трудно, Рока подумал, во всяком случае по его глазам, что мальчик попытался улыбнуться.

7

Завтрак восхитительно благоухал. Почти казалось, будто минувшей недели и не было, но едва Кейл попробовал встать с кровати, как ощутил ломоту, растянувшуюся от ступней до плеч. Беглый осмотр комнаты сообщил ему, что горничная убрала все, кроме уже несвежих простыней. А еще он разыскал подходящий придворный комплект мужской одежды рядом с умывальной. От одного взгляда на одеяние у Кейла заурчало в животе.

Сочтя за лучшее подготовиться к худшему, он умылся, затем облачился в наряд и побрел вниз по каменным ступеням из своей спальни в неофициальную столовую нынешнего королевского флигеля. Его нутро снова затрепетало, когда он задумался, кто же там будет.

– Рыбешка. – Самый старший брат подкараулил его сзади, отвесив крепкий шлепок.

Ой! Но благодари всех добрых духов.

– Выглядишь круто, младший братец, – надеешься увидеть кое-кого теперь, когда ты настоящий солдат?

Кейл вытерпел чрезмерное подмигивание, тычки и встряхивание за плечи, но состроил рожу:

– Слуги одевают меня точно так же, как и *тебя*. И уверен,

я не знаю, о чем ты говоришь.

Наследник престола изобразил глуповатую, обаятельную ухмылку:

– Нет? Что ж, давай-ка вспомним, кто сегодня завтракает с нами. Вот, например, я. О, а теперь еще и ты. Ах да... и Ману, он вернулся домой из этой болотной клоаки Молтопъ. Но не Рани, он все еще «инспектирует рыбные промыслы». И мама...

– Которая?

– *Моя* мама. – Тейн закатил глаза. – Я больше не зову мамой *Синту*. О, и тетя Кикай.

– *Блин*.

Кейл знал, что этого и следовало ждать, но почему-то смел обольщать себя надеждой...

– Боишься немолодой пухленькой женщины, братец?

– Да. Как и ты.

– Ложь. Я ее любимчик. Верчу ею одним пальцем. – Для пушей наглядности он оттопырил мизинец.

– Неужели? – Раздался женский голос от подножия лестницы. В коридоре стояла тетя Кикай.

Тейн бросился навстречу ей, вытянув свои внушительно мощные руки, а затем обхватил ими не особенно пухлую те-тушкину талию и самым выразительным, жалостливым голосом взмолился о прощении.

– Несносный ребенок. Надо было велеть жрецам сделать тебя евнухом. – После краткой паузы: – И я не *пухлая*.

Тейн почтительно кивнул:

– Как скажешь, тетушка. – Он оглянулся на Кейла, будто в недоумении, затем его руки пощупали и пощекотали «более округлые» местечки вокруг талии Кикай. – Но... тогда что, что *это*, тетя? Это какая-то новая дань моде? Или, может, новое бельишко?

– Демоненок! Убери от меня свои рабские лапищи! – Тетушка стукнула его по голове, но Кейл видел, что она из всех сил сдерживала смех. Высвободившись, она шагнула к Кейлу и обвила его рукой:

– Скажи мне, *любимейший* племяш, как жизнь на службе? И почему ты здесь? И взгляни на свою бедную мордашку!

Она взяла его за подбородок и, вертя так и эдак, повела Кейла в один из нескольких обеденных залов – лишенный гобеленов и, возможно, именуемый официально Серебряным гостевым залом, хотя казалось, названия постоянно менялись.

Алаку почти все время обедали в разных комнатах в разное время и с разными слугами. *Еще один из параноидных отцовских «подарков» семье.*

Этим утром зал кишел отдаленными родичами – или, скорее, дальними кузенами отца наряду с их всевозможными отпрысками. Этих Фарахи по большому счету игнорировал, выставляя напоказ при дворе и держа поблизости, видимо, лишь с целью показать семейную мощь. Но, как и обещал Тейн, здесь был Ману, предпоследний по старшинству брат

Кейла, хотя он всего лишь улыбнулся и церемонно кивнул. Они всегда были дружны, однако не близки – отчужденность была нормой жизни членов правящей семьи.

– Трудная, но хорошая, – ответил запоздало Кейл тете чуть более кратко, чем хотел.

Заняв свое место и увидев ее лицо, он понял: это ошибка.

– *Лаааадно*, – протянула Кикай, меняя тон с низкого на высокий и обратно. – Что за умышленная бессодержательность! Конечно, тебе незачем обсуждать с простой женщиной вроде меня мужские военные дела, *мой принц*, но ты должен стараться изо всех сил и заставить семейство Алаку гордиться.

Кейл закатил глаза и выпустил носом воздух.

– Я ввязался в драку, выдержал флотское испытание и привел во дворец иноземца. Сойдет?

Его тетя выпучила глаза и всплеснула руками, как будто сам небесный бог приблизился.

– Отлично! Выдержал испытание! И надо же, в каких *подробностях*.

Просто отстань от меня, подумал Кейл, хотя и знал: это маловероятно.

– Сейчас ты говоришь, как отец.

Она вздрогнула.

– О, боги милостивые, *жестокий* мальчик. Я говорю куда *оживленнее*, смею надеяться.

Кейл усиленно постарался не выглядеть «хмурым» (в чем

Кикай его частенько обвиняла) и, вспомнив совет Тхетмы, зачерпнул ложкой горячую кашу из смеси разных злаков. Она обжигала рот и на вкус была никакой, но лучше уж безвкусная, чем флотская еда.

– Хорошая идея, силенки тебе пригодятся. – Тетины глаза словно просверлили ему череп и что-то искали внутри. – Сегодня ты будешь присутствовать при дворе вместе с нами.

Тейн грохнул по столу кулаком.

– Ха! Наконец! Теперь и тебе придется терпеть нытье стариков и глупые девчоночьи взгляды, младший братец.

Кейл вздохнул и попытался об этом не думать. Он понятия не имел, как отец вообще выведал, что он уже дома. Казалось бы, мелочь, недостойная внимания короля в такую рань, но юный принц обнаружил, что не удивлен.

– И какую же *важную* роль мне предстоит сыграть сегодня, тетушка?

Веселье почти испарилось из ее голоса.

– Ты будешь *слушать*. И отвечать, если твой отец заговорит с тобой. Он может задать вопросы об этом иноземце, Амите из Нарана.

Кейл прочистил горло и выпрямился.

– Вообще-то я ничего не знаю.

– Тогда так и скажешь.

– Разве я не должен вернуться в казармы?

– Думаю, королевский флот отпустит тебя на денек, если король вежливо попросит.

Кейл помешал кашу ложкой.

– Идет.

Тетя склонила голову набок, как бы говоря: «это был не *вопрос*».

– О, и племянничек, поскольку ты при дворе впервые, тебя представят. Постарайся не налажать.

Уж постараюсь как могу, подумал он, но, вспомнив, как строевой морсержант втаптывал его ступню в песочек, решил попридержать язык.

* * *

Раз в месяц двор Фарахи собирался в Зале Просветленно-го – богатые и влиятельные жители Шри-Кона приплывали за много лиг со всех направлений посплетничать и оценить модные веяния. Во всяком случае, так обрисовал это Тейн. Прибывали они якобы затем, чтобы обсудить управление государством, хотя как это возможно сделать при таком количестве участников – обычно кузенов и других дальних родственников, присланных для «присутствия», – Кейл не знал. И смутно догадывался, что король проводил небольшие еженедельные встречи со своими главными советниками, что с гораздо большей вероятностью представлялось плодотворным. Но, разумеется, его – младшего сына – туда не приглашали.

Ежемесячные же собрания с течением лет – за исключе-

нием нескольких промежутков времени, отведенных на реальные дела, – все больше и больше превращались в балаган. Гостей развлекали королевские танцоры, певцы, поэты и фокусники, не говоря уже о слугах – дворецких, поварах, пажах и так далее. Круглые сутки подавали еду с напитками, а посещаемость нередко достигала сотен человек. Преимущественно то были *оранг кайя* Шри-Кона – богатые землевладельцы – и их семьи. Но также присутствовали королевские гости с других Островов и городов на территории Пью. Изредка прибывали представители соседних королевств. Самым важным из них был Капуле, прозванный островитянами Королем-Фермером, но он сам ни разу не появлялся; его более-менее постоянной представительницей считалась Лани.

Сегодня, похоже, гостей явилось не так чтобы много. Кейл нашел свое место, обозначенное с правой стороны от короля.

Рассадка имела значение, так же как и одежда, и украшения. Любой, кто не был иноземцем или персоной королевских кровей, носил серебряный либо золотой амулет, обозначающий статус гостя. Одни только амулеты стоили в несколько раз дороже имущества простолюдина, и поэтому королевские солдаты в такие дни выступали в полную силу, защищая каждый вход, коридор и комнату. *Ну, то есть более ретиво, чем обычно.*

Кейл еще ни разу не присутствовал, но его годами учили премудростям двора. Он не думал, что обряд «представления» будет слишком ужасным, хотя его ладони уже вспотели

до того, что казалось, сколько ни вытирай их о кресло, все без толку. Ему придется встать и обратиться ко всему залу, затем спуститься к помосту, назваться и сказать, как же он рад быть здесь. Обозреваемый всеми, он вежливо улыбнется и помашет, а потом все закончится. *Надеюсь только, у меня не пропадет голос.*

Теперь, когда он сидел, его глаза блуждали по залу, и вскоре все, что мог видеть Кейл, – это плоть. Взгляд повсюду находил женщин. *Девушек*, если точнее. Представительницы прекрасного пола составляли, похоже, три четверти придворных, и одежда их была столь изысканной, а иная столь вызывающей, что юноше с трудом удавалось держать рот закрытым. Никогда в жизни не видел он столько полуоткрытых бюстов, разрезов на бедрах, обнаженных спин и полупрозрачных платьев – особенно на девушках, которые никак не могли быть старше двадцати, и тех, что еще даже не стали подростками...

Заметив их, он уже не мог перестать глазеть на них – и чувствовал, что они замечают *его*. Одни девушки застенчиво отводили глаза, другие призывно улыбались. Он ерзал неловко, поклевывал фрукты с тарелки, чтобы себя занять, и надеялся, никто не замечает жара, что разгорался у него под кожей.

Кто-то хлопнул его по руке, и на соседнее место плюхнулся Тейн. Его кресло отличалось от остальных – полированное дерево манго с серебряной отделкой как знак наследни-

ка Алаку.

– Сбит с толку, рыбешка? Берегись крючков. – Тейн подмигнул и казался особенно довольным собой. – Мой долг наследника – бывать на этих сборищах *исправно*, брат. И поскольку отец до сих пор не считал нужным найти мне хотя бы *одну* невесту, достойные юные дочурки из Пью тоже всегда находят время для участия. – Он улыбнулся и пошевелил бровями. – Выгляда на все сто, разумеется.

Кейл улыбнулся в ответ, но у него появилось дурное предчувствие. Обаяние Тейна часто было хищным.

– Но не *сегодня*, младший братец. Сегодня ты и твое милое личико в синяках прикроете меня. Как хороший *морпех*, которым ты, я уверен, становишься, ты отчалишь в эти опасные воды ради своего принца. И, черт возьми, будешь *улыбаться*, вести себя любезно и очень *достойно*, и эти глупые девчонки забудут обо мне на денек. Или хотя бы на утро.

Кейл открыл рот, чтобы возразить, но увидел, как глаза Тейна предупреждающе расширились.

– Да, брат, – сказал он.

– Чертовски верно: «Да, брат». И в отличие от меня *ты*, наверно, все-таки можешь *выбрать* одну из них! Ты можешь взглянуть на отца, хлопая своими длинными темными ресницами, и сказать: «О, папа, она просто такая особенная, можно мне взять ее, пожалуйста?» И он, *возможно*, согласится, ты ведь не особо значим. Так что кончай выглядеть так, будто сидишь на собственных похоронах, и взбодрись к

чертям. Теперь *улыбайся*.

Кейл подчинился с фальшивым задором. Он подумал: «Вообще-то отец никогда не смотрит мне в глаза», но проглотил эту мысль и постарался выглядеть как подобает принцу, выпрямив осанку и оглядывая зал надменно и весело, как Тейн.

Затем сквозь королевские двери прошуршала Лани, и кропотливая бесстрастность Кейла рассыпалась. Он едва сумел бы описать ее наряд. Зеленый шелк развевался повсюду, за исключением тех мест, где кожа девушки виднелась при движении – хотя Лани обнажилась меньше, чем некоторые. Казалось, она не идет, а танцует, улыбаясь и смеясь, выглядя уверенно и счастливо и на несколько лет старше Кейла, хотя они были почти ровесниками. Внезапно он почувствовал себя слишком юным, неподготовленным и недостаточно хорошим, а его желудок всплыл, казалось, прямо к горлу, да так там и остался.

Она увидела Кейла и улыбнулась, вежливо проскальзывая мимо кузенов Алаку и других почетных гостей; казалось, каждый шаг навстречу юноше заставлял его ладони и подмышки потеть все сильнее. Он попытался сидеть ровно и надменно.

Он ощутил ее прикосновение к своему плечу, когда она прошмыгнула мимо, быстрое «приветствую при дворе» шепотом над его головой. Когда она нашла свое место чуть дальше позади, Кейла окутал ее аромат. *Сладкий. Как ва-*

ниль. Он смежил веки и вдохнул.

А когда вновь открыл глаза, то увидел на лице Тейна самодовольный, хоть и осуждающий взгляд. Кейл зарделся и съел еще фруктов.

Спасли его священники. На помосте раздались песнопения и звон колокольчиков: там зажгли благовония. Каждый возможный бог, потенциально способный испортить день, получил по свече. К ним обратили слова: одни – с целью задобрить, другие – в надежде обмануть. Покончив с этим, священники поместили бронзовую статую – голову первого Алхуны – в центр золотого круга, и некоторое время распевали.

«Лоа», – сказали они наконец. Затем спросили у всех присутствующих: отвергают ли они насилие? «Да». Отвергают ли ложь? «Да». Принимают ли срединный путь, что соединяет все сущее? «Да». Верят ли, что только раса людей может защитить мир от разрушения? «Да».

– Тогда, исполняясь отваги и смирения, давайте снищем мудрость Просветленного.

– *Алхуна*, – произнесли придворные, вставая.

Первая жена короля и тетя Кикай вошли в зал и заняли почетные места рядом с троном.

Король Фарахи Алаку явился ко двору из-за помоста закутанным в синий шелк и с дорожным плащом на плечах – реликвией, принадлежавшей, как считалось, древнему королю, хотя Кейл знал, что это невозможно. В капюшоне, скры-

вающем глаза, плотно сжав челюсти и губы, Фарахи низко поклонился статуе Алхуны – единственной вещи в Пью, которой кланялся монарх, – а затем откинул капюшон и занял свое место на скромном деревянном троне, украшенном лишь маленькой красной подушкой. Тогда же уселись и придворные.

Во времена Кейлова деда говорили, будто придворные ритуалы занимали так много времени, что солнце успевало пересечь небосвод, но Фарахи был не из тех, кто терпит пышность и церемонии кроме лишь самых необходимых. И даже священники не особо спорили с королем Фарахи.

Они тихо заняли места в стороне, под звон колокольчиков и дым благовоний, а на помост взошел Глашатай Короля. Эта должность тоже была внедрена отцом Кейла. Чтобы было кому «трепаться о бюрократической чепухе» вместо него.

– *Лоа*, попутчики. Братья и сестры. Почтенные гости. Король приветствует вас.

Толпа пробормотала приветствие, и затем Глашатай начал «трепаться». Вначале о благоприятности дня, красоте и щедрости присутствующих, затем о великом удовольствии королевской семьи принимать их у себя. Он объяснил распорядок, выразив сожаление по поводу того, что у них так мало времени, что казалось нелепым, учитывая, что это мероприятие продлится весь день.

Сразу сделалось до того скучно, что Кейл погрузился в собственные мысли, тупо уставившись на стену, – и вдруг

услышал, как все тем же звучным баритоном Глашатай произнес:

– Теперь я с великим удовольствием официально представляю этому двору... Ратаму Кейла Алаку, четвертого сына короля!

Раздались овации, кровь отхлынула от его конечностей, и он оцепенело встал. *Слова, Кейл, есть слова, которые нужно сказать.*

– Спасибо, Глашатай. Так и есть, это удовольствие для меня. – *Неверно. И слишком тихо. И поклониться забыл.*

Он направился к первым рядам, изо всех сил стараясь идти как принц и, что важнее, не споткнуться. Дальние кузены, едва ему знакомые, наблюдали за ним, как хищные птицы, – он был убежден, что весь этот чертов зал наблюдает за ним, и попытался не сгореть от такого внимания.

Благополучно не опозорившись, он аккуратно подошел к подножию помоста и преклонил колено, опустив глаза к земле. Здесь, как он понял, предполагалось, что король задаст вопрос-другой, обычно что-то дежурное о семье представленной персоны. Но вместо этого спросил Глашатай:

– Мне сообщили, что недавно ты выдержал испытание Флота. Надеешься однажды служить королю в качестве адмирала?

Кейл моргнул, безуспешно подыскивая слова, к лицу прилил жар. *Так вот зачем я на военной службе – ради этого самого момента.*

Его отец не пытался спасти никчемного сына. Дело было вовсе не в том, что он просто невзлюбил Кейла или хотел отослать его с глаз долой. *Он сделал это, чтобы избежать одной секундочки позора.* Чтобы было о чем спросить при дворе, кроме «Ты вообще собираешься чего-нибудь добиться? Похоже, у тебя нет никаких талантов или достижений».

Теперь предполагалось, что Кейл скажет: «О да, это мечта всей моей жизни – быть полезным моему великому и благородному отцу. Я живу только ради служения ему и стране Пью».

Он не был уверен, о чем скажет, пока слова не вырвались наружу. Знал только, что явно не это.

– Я считаю, у моего отца достаточно адмиралов, Глашатай. Я намерен стать философом.

С глазами, опущенным долу, Кейл не мог видеть лицо мужчины. Он вообразил что-то между замешательством и ужасом; возможно, взгляд на короля, чтобы получить от того указание.

– Как интересно! – Голос казался спокойным, даже терпеливым. – И что это такое?

Как там сказал Амит?

– Все просто, Глашатай. Если ты спросишь у священника: «Почему моя семья умерла от болезни?», он скажет: «Боги разгневались». Но если ты спросишь у философа, он ответит: «Я понятия не имею».

Зал погрузился в тишину, а Кейлу надоело стоять на ко-

лениях, поэтому он встал. Ему полагалось ждать, пока Глашатай велит ему подняться и повернуться лицом ко двору, но казалось, мужчина в растерянности. Тут соизволил заговорить сам король:

– Спасибо, принц Ратама. Пожалуйста, повернись лицом к придворным, чтобы они тебя признали, и займи свое место.

Кейл почувствовал, что момент затягивается, но сделал, как велел отец. Аплодисменты прозвучали несколько приглушенно. Затем он пошел обратно к своему месту, избегая взглядов, и теперь ему было все равно, наблюдают ли за ним и споткнется ли он. Когда он сел и следующего юношу вызвали предстать перед королем и двором, Кейл наконец перевел дух.

Тейн подался вперед и раздраженным голосом промолвил:

– Что ж, это было интересно. Но если тебе и правда нестерпимо отвлекать ради меня девчонок, мог бы так и сказать.

Кейл не ответил. *Я люблю тебя, брат, но ты – наследник. Ты просто не в состоянии понять.* Фарахи брал его на тайные встречи; суетился из-за его уроков, наставников и досуга, и после каждой победы или неудачи устраивал ночь празднования или обсуждения. И даже смотрел ему в глаза.

Кейл не понимал, доволен ли, пристыжен, сердит или что-то еще. Он не собирался раздражать Тейна и хотел об этом сказать; по правде, он не собирался делать ровным счетом

ничего. Мысль о том, что Лани следила за ним во время церемонии – возможно, следит и сейчас, – делала всё только хуже, ее осуждение или разочарование казались ярмом на его шее. Кейл боролся с соблазном оглянуться на нее.

* * *

Некоторое время спустя Двор вызвал Амита из Нарана к королю, но не раньше, чем полдюжины других юношей и девушек были представлены со значительно меньшей нервозностью, чем Кейл. *Не благодарите*, подумал он, стараясь сидеть прямо и вести себя так, будто все нормально.

Затем последовало официальное зачитывание Королевских Решений, принятых после прошлой встречи. Никаких сюрпризов. Никаких фанфар. Легкие аплодисменты.

Затем сделали перерыв на обед. Подавали рыбу, приготовленную сотней разных способов, похоже, изобретенных скорее для хвастовства, чем для вкуса, и Кейл знал, что ему положено общаться, но словно прирос к сиденью. Тейн его не потревожил, а встал и с царственным выражением зашагал через скопление народа – после того, как бросил на Кейла прищуренный, почти мальчишеский взгляд. Он заигрывал с девушками, он кланялся их матерям. *Почтительный сын*.

Казалось, Тейн был создан для роли принца. Его грубоватая, квадратно-симметричная фигура устрашала других людей, совсем как образ отца. Он беспрекословно выполнял

все приказы и передавал распоряжения Фарахи без гордыни или стыда. Он произвел впечатление на учителей, блестяще окончил школу офицеров, своим обаянием превращая сыновей знати в друзей на каждом шагу. Если он чего-то и боялся когда-либо за всю свою жизнь, Кейлу это было неизвестно. И будто всего этого недостаточно, Тейн обладал знаменитой ныне сдержанностью, свойственной Алаку. Красивый наследный принц наверняка мог бы залезть в постель почти к любой девушке, которую захочет, плодя бастардов на каждом из островов Пью, однако этого не делал.

И все же Кейл, наблюдая за ним, улыбался. Правда в том, что ему повезло быть младшим братцем Тейна, повезло просто участвовать в его приключениях и однажды начать служить ему и жить под его защитой, – и если б не постоянное сравнение и соперничество аристократии, он бы, несомненно, преклонялся перед старшим братом так, как способны только младшие. Рядом с этим восхищением, этой «уважухой» все остальные чувства Кейла казались пустяковыми.

Должно быть, прямо сейчас Тейн возмещал урон от предательства Кейла придворным и хорошо отзывался о нем. Сглаживал острые углы и рассказывал, какой обалденный, независимый парень его брат и каким прекрасным человеком он станет. *Может, он даже верит в это. Хотел бы и я.*

Наконец обед закончился кружащимся «танцем огня»; под грохот барабанов размаляванные, почти голые жонглеры подбрасывали и ловили обручи с факелами, прыгая как обе-

зьяны. Толпа учтиво захлопала – при дворе Фарахи всё делали учтиво, – и Кейл увидел Амита, ждущего у входа для гостей. Когда артисты поспешно удалились, Глашатай успокоил публику, затем объявил: «Мастер Амит Асан, посол императора Нарана, прибыл обсудить государственные вопросы с королем».

Придворные зашептались. На Амите было то же плотное, напоминающее халат одеяние, в котором нашел его Кейл, хотя выглядело оно, к счастью, постиранным. Склонив голову, он степенно двинулся по залу, соединив ладони и обшлага рукавов совсем как монах. *Должно быть, он варится заживо*, подумал Кейл, вспотевший в жесткой придворной одежде. Густой воздух изматывал жарой, непривычной для сезона засухи, а от присутствия всех этих людей было только хуже. Королевские опахальщики попросту не справлялись.

Амит поклонился и с удивительной грацией опустился на колени.

– *Лоа*, Великий Король Алаку. Благодарю вас за честь моего присутствия сегодня.

Его акцент почти полностью исчез.

Король проговорил:

– Это честь для *меня*, мастер Асан. Прошу, продолжай.

Старик склонил голову ниже, чем это сделал бы любой островитянин:

– Я прибыл сегодня от лица Императора Ижэня, сына Жу, Всемогущего Бога, дабы выразить его заинтересованность в

процветании вашего народа и заложить основы взаимного доверия.

Лицо и глаза Фарахи остались неподвижными.

– Его заинтересованность благосклонно принята и оценена по достоинству. Можешь передать своему императору, что Шри-Кон и народ Пью рассчитывают на обоюдные интересы.

– Спасибо, Великий Король, император будет рад это услышать. – Амит поднял голову, чтобы снова опустить. – Далее мне поручено преподнести вам два подарка, если вам угодно. Но должен с прискорбием сообщить вам, что первый из этих даров забрали те же люди, которые привезли меня в ваш прекрасный город.

Глаза короля сощурились.

– Какие люди, мастер Асан?

Иноземец пожал плечами и качнул головой.

– Простите мое неведение. Они сказали только, что они купцы из Нонг-Минг-Тонга. Больше я ничего не знаю.

Прибрежные народы по всему континенту называли море над Шри-Коном Северным Алаку, и уже в течение столетия, хотя большинство островитян именовали его просто Королевским. При любом раскладе, Фарахи, как и его предшественники, воспринимал тамошних пиратов своими личными врагами.

– На каком корабле они плыли? – Отец Кейла поерзал в своем кресле, на его мраморном лице появилась усмешка. –

Как давно они отбыли? И в каком направлении?

Амит облизнул губы.

– Я мало что смыслю в кораблях, Великий Король. Он был маленький, однокорпусный, с мачтой с одним большим парусом и десятью членами команды. Это было уже полдня назад. Я полагаю, они отплыли на Север, надеясь вернуться к побережью, от которого мы отчалили. Они говорили на моряцком наречии, обычном для Тонга.

Может, в кораблях ты согласишься мало, подумал Кейл, *но ты, бесспорно, прозорливый старый «ученый».*

Фарахи кивнул – жест, близкий для него к удовлетворению.

– Сын мой, – он повысил голос, чтобы тот наполнил зал, и он подразумевал Тейна, – достаточно ли этих сведений, чтобы вернуть собственность мастера Асана?

Голос наследника прозвучал ясно и сильно:

– Да, мой Король. Я отправлюсь немедленно.

Учитывая задержку во времени, Кейл счел эти обещания пустым жестом, но его лицо покраснело. На пляже ему даже в голову не пришло разбудить флот и разыскать имущество Амита. *Я был всего в паре сотен шагов от тысячи морпехов!*

– Бери все, что тебе нужно. Напомни этим преступникам о законах моря.

Тейн встал, выбрав более длинный путь через центр двора, чтобы выйти из главного зала. Немногие гости-военные застучали своими чашками или кулаками по столам либо

креслам. Остальные робко захлопали.

Взбудораженные придворные зашептались и засуетились, но лицо короля снова стало мраморным.

– Ты упомянул о втором подарке, мастер Асан?

Амит склонил голову еще ниже.

– Да, Великий Король. Второй подарок – это я. Император Ижэнь приказывает, чтобы я служил рабом вашего величества, в любом качестве, в каком пожелаете, так долго, сколько пожелаете. Он велит известить вас, что я когда-то был его наставником и довольно известным ученым, что я говорю на всех торговых языках от гор Самна до окраин ваших островов и что я владею значительными познаниями в истории и географии мира. Также от себя лично он желает передать, что относится ко мне с симпатией и надеется, что сим жестом подтвердит свою серьезность и теплое отношение к народу Пью.

Гости снова забормотали, а король на минутку задумался, но его лицо ничего не выражало.

– Должен тебе сказать, положение раба не является почетным на этих островах.

Амит поклонился еще ниже, коснувшись головой земли.

– Честь для слуги – ничто, долг – всё.

Фарахи помолчал, но кивнул.

– Тогда я принимаю дар Императора, но ты освобождаешься от рабства. Я приглашаю тебя, как вольного человека Островов, служить наставником для моих сыновей и пере-

водчиком при дворе. Тебе будет назначено жалование, – тут король взмахнул рукой, как бы говоря: «А с деталями разберется кто-нибудь менее важный», – и тебя поселят во дворец. Ты принимаешь предложение?

Голова Амита поднялась, чтобы он мог снова уронить ее.
– Спасибо, мой Король, я принимаю с благодарностью.

Учтивые рукоплескания прокатились по всему залу, и со все еще опущенной головой Амит встал.

– Добро пожаловать, Королевский Наставник, ко двору Шри-Кона. Я так понимаю, это была довольно долгая ночь – прошу, иди и отдохни немного. К своим обязанностям приступишь завтра.

Поклонившись в последний раз, Амит развернулся и покинул двор, а Кейл снова покраснел. Ему нравился этот чудной старый дипломат с озорными глазами, но Кейл солгал ему. Сперва не объявил, кем является на самом деле, затем не помог ему делом, хотя имел возможность, и теперь так неловко будет смотреть ему в лицо!

Глашатай вернулся к своей роли, напоминая всем о скучном распорядке – и вскоре вновь отправив мысли Кейла блуждать защиты ради.

Пока мужчина бубнил, Кейл наблюдал, как жены шепчут на ушко мужьям, а мужья громко жалуются, пользуясь возможностью. Он слушал, как вельможи скулят по поводу банд и пиратов или ноют о том, что их соседи не платят положенную долю за страхование торговли; говорили, что слишком

велик налог на скудные, неудачные урожаи их немногочисленных рисоводов; что цены на древесину из Бектхано стали заоблачными; и так далее и тому подобное.

Глашатай учтиво выслушивал всех, а Секретарь Двора записывал все это на единственном свитке пергамента. Любой, у кого имелась *реальная* жалоба – как правило, нарушение закона другим городом, – передавал подробности Секретарю, зная, что встреча совета и вынесение решения произойдут гораздо позже.

Поэты декламировали, певцы исполняли песни, а танцоры плясали, пока солнце не опустилось достаточно низко, чтоб заглянуть в окна и ослепить половину двора. А когда Кейл решил было, что мытарства наконец-то закончились, Глашатай взошел на скрипучий помост в последний раз и объявил светский прием, дабы приветствовать новую молодежь при дворе. Это означало вино и наверняка танцы – естественно, под пристальным наблюдением дюжины прозорливых старых матрон и их слуг.

Кейл вздохнул и покорился. *Тейна здесь нет, ты должен занять его место и почтить брата хоть раз в своей жизни.*

Он увидел, как другие его братья направляются в зал пообщаться с *оранг кайя* и их дочерьми. *Я делаю это ради Тейны*, сказал он себе, *ради него, не ради отца.*

Он изобразил свою лучшую, царственную улыбку, сделал глубокий вдох и спустился к уже собравшейся внизу толпе, рассчитывая, что сможет надраться.

Судя по интересу, мгновенно порожденному его персоной, Кейл понял, что либо беседа с Глашатаем была не так плоха, как он думал, либо Тейн устранил ущерб за обедом довольно успешно.

Несколько девушек изобразили реверансы, когда он прошел мимо. Кейл улыбнулся и быстро кивнул, словно куда-то торопился. Он узнавал случайные лица, но прежде почти никого из этих людей не встречал, поэтому брел дальше, пока не увидел высокого жилистого слугу средних лет по имени Эка, разносящего напитки. Возможно, этот мужчина с гладкими, округлыми чертами лица был уроженцем Бато, хотя Кейл с некоторым стыдом осознал, что никогда не спрашивал. Эка служил во дворце, сколько юноша себя помнил: всегда вежливый и улыбающийся с непринужденным обаянием, всегда под рукой, когда Фарахи был поблизости. Кейл направился прямо к нему, взял самую большую чашу, какую смог найти на подносе, и осушил ее.

Эка поклонился и остался на шаг впереди:

– Я хорошенько запасусь, мой принц, и буду рядом всю ночь.

Кейл прочистил горло, дабы скрыть смех.

– Ты хороший человек, – тихо сказал он, – что бы ни говорили другие.

Эка отвесил формальный, утрированный поклон, искусно балансируя подносом, прежде чем снова выпрямиться во весь рост, а затем удалился, задрвав подбородок.

Кейл вообще-то не пил много вина и прочего, но сделал солидный глоток из второго бокала – и чуть не поперхнулся.

Очень женственный голос зашептал близко к его уху – и юноша приложил все силы, чтобы вино не полилось ему в легкие вместо желудка:

– Моя мать говорит, со своими слугами шутят хорошие люди.

На ум ему пришла острота, но ответить следовало прежде, чем он развернулся. Сперва он увидел женскую грудь и подумал, что ткани, скрывающей ее от посторонних глаз, по-видимому, совершенно недостаточно. В ложбинке этой самой груди уютно покоился золотой амулет, что казалось вовсе не случайностью. Локоны обладательницы бюста, от природы выходящие кольцами, фиксировались маслом. Ее гладкое, накрашенное лицо расплылось в улыбке.

– Ммм, неужели? – Острота вылетела у него из головы, и это было все, что он смог выдавить, когда проглотил остатки вина, затем отчаянно попытался удержать взгляд на ее лице.

– Да, и у моей матери великолепный вкус на мужчин.

Ее акцент был неразборчив, но Кейл решил рискнуть:

– Могу я угадать? Твой родитель... богатый купец из Бектхано.

Она рассмеялась – мягкий, манящий звук, – затем поло-

жила руку на его оголенное запястье и наклонилась:

– Мимо. Попробуй снова, мой принц.

Этот «наклон» чуть было не ткнул ему в лицо ее декольте, которое он усиленно пытался игнорировать.

– Хмм. *Оранг кайя*? Из Субану?

– Охх, – ее веки затрепетали, – «павлиньи» реки? Очень *элегантный* народ. Вы мне льстите, принц Ратама?

Она провела ладонью вверх по его руке, и Кейл почувствовал фальшь ее интереса, как пощечину. Но, готов был поклясться каким угодно богом или духом, его имя она произнесла чувственно. И слово «павлиньи». И «элегантный». *Не своди глаз с ее лица.*

Она похлопала ресницами, наклонив голову и придвинувшись к юноше боком так близко, что их бедра соприкоснулись, будто она сговаривалась с ним.

– Боюсь, мы в неравном положении – я не знаю *ваши* имя, сударыня.

– Ох. Что ж, такое положение мне очень даже нравится. Может, поговорим позднее?

С этими словами она улыбнулась и отстранилась, позволяя полностью обозревать свое изысканное платье, и, соблазнительно покачивая бедрами, точно взрослая женщина, направилась дальше.

Не в силах перестать пялиться, Кейл мотнул головой, думая лишь: *Тейн, да у тебя сила воли монаха.*

Он допил вино в один глоток и смирился с тем, что будет

гоняться за Экой, как вдруг увидел Лани в окружении стайки незнакомых Кейлу девушек. Ее бровки были приподняты, на лице ясно читалось: «Я все это видела». *Но к черту это.*

Кейл оставил кубок на фарфоровой подставке, выполненной в форме рыбы, плюющей водой, затем заставил свои ноги шагать вперед. Один из музыкантов на помосте подал голос:

– Юные господа и дамы! Первый танец вечера. Пожалуйста, выберите партнера, и, дамы... приношу извинения, мы знаем, что вас больше – не стесняйтесь танцевать друг с дружкой.

Некоторые захихикали, но большинство девушек сразу же разбились на пары или группки, очевидно, хорошо зная ритуал. Кейл чувствовал себя голым, пока по его коже ползали взгляды, трепещущие и манящие, то вызывающие, а то и намеренно равнодушные. Он пытался их игнорировать. *Ну, ты ведь, черт тебя дери, собирался это сделать, так и сделай.*

Он сглотнул и со всей уверенностью, на какую был способен, подошел к Лани.

– Не хотите ли потанцевать, сударыня?

Ребенком он выучил значение каждой ее гримасы и каждого жеста, но *эта* Лани ощущалась почти чужой. Он силился подавлять собственное напряжение и неловкость достаточно долго, пытаясь прочесть ее мысли. *Это что, досада? Толика удовольствия?* Что бы это ни было, ощущение не внушало оптимизма. Но отказать она, конечно, не могла.

– Буду счастлива, принц Ратама.

«Принц Ратама». Не «мой принц», потому что так и есть.

Она взяла его вспотевшую ладонь, поклонилась, придерживая краешек платья, и Кейл повел ее к танцевальному кругу.

«Парные танцы» Пью сопровождались певцом-солистом, каким-либо струнным инструментом и барабаном, которые совместно создавали звуки и слова, повествующие о трагичной любви или мимолетной страсти. Пары осторожно ступали по залу медленными, театральными движениями, и Кейл хотя бы в этом смыслил достаточно, чтоб не опозориться.

Лани заговорила, не глядя на него, пока они ждали начала:

– Ты выставляешь себя на посмешище. Не думал, что одним своим титулом привлечешь женское внимание?

Кейл моргнул и посмотрел на нее.

– Что?

Ее взгляд говорил: «Считаешь меня идиоткой?»

– Твой маленький фокус с Глашатаем... «О, посмотрите на меня, я могу бросить вызов Королю- Чародею». А затем посылаешь брата, чтобы он расточал тебе похвалы, пока сам ты сидишь, *купаясь* во внимании?

Кейл подыскивал ответ. Заиграла музыка.

– Неужели... – Пришлось поклониться и повести Лани через зал. – Неужели ты думаешь, что я все это *спланировал*? Что мне бы *понравилось* быть посмешищем?

– Хочешь сказать, это не так?

– Да!

– Ну что ж, тогда ты полный болван.

Он потряс головой.

– Это я тебе и пытаюсь сказать!

Она изобразила намек на улыбку, но подавила его:

– Женщинам не интересны болваны.

Он обвел зал взмахом руки:

– Текущие результаты утверждают обратное.

– Ты нравишься им, потому что ты принц и ты красивый. –

Она зарделась.

– Считаешь, я красивый?

– *Они* считают. Девушки.

– Ты *тоже* девушка.

– И тебе этого достаточно? Быть красавчиком принцем?

Все, что ты собой являешь, получено тобой при рождении?

– Ты сердишься на меня, потому что я родился красивым?

– Нет. – Она выдохнула и посмотрела ему в глаза: – Я сержусь на тебя, *братишка*, потому что ты ленивый. Потому что тебя ничего не *волну*ет. Потому что ты имеешь все преимущества на свете, какие только доступны мужчине, и тебе это в тягость.

Он чувствовал себя так, будто она дала ему пощечину, и самую сильную боль доставило это слово, «*братишка*». Они закончили танец – хотя казалось, он только что начался, – и Кейл низко поклонился, попробовав заглянуть ей в глаза, но тщетно. Она молча поклонилась в ответ и попыталась вы-

рваться, но он удержал ее за руку.

– Есть вещи – и люди, – которые для меня важны. Благодарю за танец, сударыня. – Он отпустил ее, и Лани отвернулась и ушла прочь от него и своих подруг – он понятия не имел, куда именно, да и не смотрел.

Он исполнял долг и танцевал с другими девушками. Он пожимал руки старикам и обнаружил, что единственное, о чем они могли беседовать, – это его поступление во флот. «Молодец, – говорили они, – лучший выбор для парня в твоём возрасте». Он улыбался, благодарил их и следовал дальше, все это время мечтая свернуться в клубок у себя на кровати и никогда больше не сталкиваться ни с кем из них. Лани больше не попадалась ему на глаза, и, предположив, что она ушла, он сделал вид, что ему все равно. К тому времени, как танцевальный круг осветился лишь мерцанием факелов и свечей, а Кейл понял, что потанцевал с каждой девушкой, хотя бы отдаленно заинтересованной им, он покинул зал и побрел к себе в комнату.

Обеими руками он стер с лица пот и усталость, а когда поднял взгляд, остановился, заметив Амита на пороге кухни. Тот, все еще одетый в мантию, нес тарелку с остатками обеда. Увидев Кейла, он церемонно поклонился:

– Принц Ратама. Приятно увидеть тебя снова.

Кейл чувствовал себя совершенно истощенным и был не в силах вынести отстраненно-опасливый тон мужчины.

– Амит. Я... я не хотел вас обманывать. Я...

Амит поднял руку, словно отмахиваясь от пустяка.

– Прошу, не нужно объяснений.

– Я ненавижу быть принцем.

Мужчина замер.

Это прозвучало глупо, тебе лучше объяснить.

– Когда я нашел вас на берегу. Я просто хотел побыть... на краткое время, не знаю, мальчиком, беседующим с незнакомцем – мальчиком, помогающим старику. Не принцем. Понимаете? Но когда стражи попытались вас прогнать... Я просто...

Амит-дипломат исчез и вернулся старый и, видимо, добродушный ученый, нуждающийся в опоре.

– Да, я понимаю. И... благодарю тебя за встречу на берегу, мой юный друг. – Он улыбнулся и сжал предплечье Кейла, как тогда, за воротами.

Кейл облегченно вздохнул. На деле он чуть не расплакался, что вогнало бы его в краску стыда, поэтому быстренько пожелал доброй ночи и на все еще болевших после муштры ногах поплелся по каменным ступеням в свою нынешнюю комнату. Ему ничего так не хотелось, как укрыться с головой в темноте, отгородиться от мира и спать, но, добравшись до своей комнаты, он обнаружил, что у двери ждет слуга – один из посланцев короля.

– Принц Ратама, ваш отец желает видеть вас в личных приемных покоях. – Мужчина не потрудился добавить «немедленно», подразумеваемое в каждом сообщении от

Фарахи.

Он указал рукой обратно вниз по лестнице, явно намереваясь сопроводить Кейла.

Ты ошиблась, подумал Кейл, вспомнив слова Лани. *Я до жути боюсь Короля-Чародея.*

Его плечи поникли, когда он подчинился, а желудок скрутило в узлы.

* * *

Ведущие в малый чертог короля двойные створки из дерева манго, возле которых стояли вооруженные копьями стражники, все еще были открыты. Свет исходил от фонарей и факелов, размещенных вдоль стен, и несколько минут ходьбы до этого места лишь усугубили тревогу Кейла.

Он обнаружил короля в серебряном кресле, негибавшего и что-то строчащего за письменным столом; в остальном комната и стены были голыми, такими же суровыми, как и сам король. Его шелка сменились мягкой хлопчатобумажной мантией, но даже тут, в кругу семьи, его осанка казалась прежней. На столе восседала тетя Кикай, что-то нашептывая в ухо брата, держа руку на его плече. Когда они заметили Кейла, она встала и осторожно улыбнулась.

– Оставляю моих любимых мальчишек наедине. Веди себя мило, *Фара-че*. – Это ласковое обращение примерно означало «мой Фара», и так не называли короля даже его жены.

Фарахи хмыкнул. Проходя мимо Кейла, тетя Кикай тронула его за плечо и отослала прочь слугу. Двери закрылись.

– Как прошло твоё формальное представление ко двору? – спросил король после долгой, неуютной паузы, не отрывая взгляд от бумаг на столе.

– Вы же были там, отец. – Сердце Кейла забилось немного быстрее. *Ты действительно хочешь начать с такого подхода?*

Снова хмыканье. Фарахи закрыл глаза и потер их.

– Да. Эта... философия – идеи какого-то мыслителя из Пью, о котором я не знаю? Хотел бы, чтоб я привел этого наставника для тебя во дворец?

Он говорит всерьез, подумал Кейл, не следует его недооценивать.

– Нет, отец. Вам ничего не нужно делать.

Король наконец взглянул – как обычно, не столько на лицо Кейла, сколько на шею.

– Тогда зачем упоминать об этом при дворе? И что за намеки о чуме и священниках?

Юноша вспомнил историю о том, что вся его семья: бабушка с дедушкой, тети, дяди и их отпрыски – умерли от какой-то хвори и что никто на самом деле в это не верил. Он хотел сказать: «Я устал от вранья», или «Устал оттого, что все постоянно притворяются», или «Я устал бояться». Но он сказал:

– Не знаю, отец, мне просто вздумалось поумничать.

Фарахи вернулся к писанине.

– В будущем я бы этого избегал. – *И вопрос закрыт*, подумал Кейл. – Тебе нравится во флоте?

– Довольно неплохо, отец, я пробыл там всего несколько дней.

– Тогда почему явился во дворец среди ночи?

Ах да, это.

– Я гулял по пляжу и обнаружил мастера Асана.

– И почему не объявил сразу, что ты один из принцев Алаку?

Чертовы пятьдесят преисподних, как он вообще узнал?!

– Это... не казалось важным. В то время.

– Но показалось важным, когда мои дворцовые стражи собрались тебя прогнать?

Кейл ощутил, как заливается ненавистным румянцем.

– Да. Точно.

– И ты счел необходимым отчитать их за следование моим приказам? *Возражать* этим приказам?

– Я... не знал. Каким приказам?

– Охранять дворцовые ворота. В течение многих лет существовали неизменные приказы не допускать внутрь больных. Как ты мог прожить здесь всю свою жизнь и этого не ведать?

– Я... не знаю.

– Болезнь – это великая опасность; относиться к ней следует соответственно.

Что-то во всем этом казалось подозрительным. Отец будто бы оправдывался.

– Он не был по-настоящему *больным*, он просто был усталым стариком.

– Стражники этого не знали.

Кейл чувствовал, что поступил правильно, считал этот выговор несправедливым.

– Они не сочли нужным *проверить*. А поскольку я лучше знал, я отдал им новые приказы.

Фарахи приподнял брови.

– У тебя нет никакой *власти* отдавать новые приказы. Стражники – не врачи. Они не *способны* определить, болен человек или нет, и ты тоже.

Кейл ощутил, как вскипает в нем жар, как тогда, у ворот. Он был прав, и эти слова несправедливы, а его отец принял долбаного старика к себе во двор.

– Ваши врачи смыслят в больных столько же, сколько вы – в чародействе.

Глаза короля округлились, и Кейл безуспешно попытался вообразить, какое безумие только что поглотило его.

– Ты такой же упрямый, как твоя мать.

Кейл ожидал ярости, но отчего-то казалось, король всего лишь забавляется. Ни разу еще за всю жизнь Кейла он не упоминал его мать. Это усугубляло безумие.

– И вы не способны стерпеть *ничье* несогласие, даже когда вы неправы, даже когда вас ослепляет ваш собственный

страх!

Король выглядел так, словно его ударили. Он медленно проговорил:

– Страх? И чего же я должен бояться?

Юноша поднял руки.

– Смерти, наемных убийц? Откуда мне знать... Я менял комнаты так часто, что уже не вспомню, и ради *чего*? Вы избавляетесь от слуг без *всякой причины*. Они *вздрагивают*, когда вы идете мимо. А теперь вы отдаете приказы гнать прочь стариков и детей?

Стояла оглушительная тишина, и Кейл ощущал себя так, будто утратил самообладание и теперь сотня чувств, перемешанных и расплющенных временем, бесполезно осела внутри.

Фарахи заговорил спокойно, но его тон все нарастал.

– Мои *приказы* превратили этот город в предмет зависти всего света. Мои *приказы* принесли мир и процветание народу склочных детей. Мои *приказы* стали законами. И охранники, принцы, даже короли должны подчиняться закону. По какому такому праву ты решил, что можешь подвергать меня сомнению?

– Что-то либо справедливо, отец, либо нет.

Король встретился с ним взглядом – быть может, впервые.

– Наивность никого не впечатляет. В этом мире очень мало справедливости, только закон. Людей, которые меня слушались, подвергнут порке.

Кейл на миг лишился дара речи.

– *Что?* Вы не... они просто следовали моему велению!

Его отец грохнул кулаком по столу.

– *Ты не имеешь никакого права командовать!* Эти люди покинули свои посты, и мне безразлично почему. Ты болтаешь о наемных убийцах и смерти, как будто эти слова что-то для тебя значат, но тебе невдомек. Ты неопытный мальчишка, знающий лишь покой да безопасность. Возможно, в следующий раз их обманет ночной душегуб, а не царский сынок. Законы, приказы – вот единственное, что мешает людям убивать друг друга. Запомни это.

Кейл дрожал, пойманный в ловушку безумия, которому не было конца.

– Законы не делают людей правыми или хорошими. Это делают мужество и милосердие. Видимо, вам недостает обоих. – Он развернулся и направился к дверям.

– *Ты уйдешь, когда я тебя отпущу, и не раньше!*

Кейл остановился, полуобернувшись, на глаза навернулись слезы. Отец покачал головой.

– С тобой слишком долго нянчились, и теперь это прекратится. Ты вернешься в казармы, и тебя не увидят в этом дворце, пока ты не будешь готов извиниться передо мной за свое безобразное поведение. Уразумел?

Кейл проглотил столько гордости, горечи и детства, сколько смог. Он отвесил самый малый из поклонов:

– Уразумел.

Весна. 421 год Г. Э.

Рока мчался по открытой равнине, волоча с собой все, чем владел в этом мире. Через его плечи был перекинут крепкий березовый кряж для шалаша, привязанный поверх кожаного мешка, набитого припасами. Наибольшую важность имели кусок парусины, теплые меха, хворост, добрый топорик и нож; но жизненно необходимым был и железный котелок, закрепленный веревкой в нижней части мешка, где лежали фляги с кипяченой водой. Бежал Рока с самого рассвета и теперь наблюдал, как солнце клонится и падает к закату.

Его добыча путешествовала налегке. Ее длинные ноги и гладкое тело пересекали эти же самые равнины короткими дистанциями; животное снова и снова, как сейчас, озиралось утомленными глазами. Рано или поздно усталость возьмет свое – олень не обладал чувством темпа. Он не заглядывал в будущее, чтобы увидеть необходимые водопойи либо отказавшие мышцы, горящие в изнеможении. Он понимал только страх и надежду – слишком стремясь прожить еще мгновение.

Рока выбрал удачные время и уголье. За годы одиночества он выяснил, что может загнать любого четвероногого зверя в подходящей местности, имея достаточно времени. Весеннее солнце гостило дольше, а мягкая земля и низкая трава не

давали удирающему существу ни передышки, ни покоя. Ему не попадалось ни кустов, ни деревьев, ни подлесков, ни осыпей, за которыми можно спрятаться и отдохнуть, пока юный охотник ищет следы. Только желто-зеленая, как море, равнина с несколькими пологими холмами: бескрайний вид на мир, непригодный для любых тварей, кроме сильнейших и выносливейших.

Олень наконец остановился и ждал в чертополоховой прогалине: рогатая голова опущена, ноги трясутся, глаза усталые. Теперь он подпустил охотника близко к себе – силы животного иссякли до того, что он забыл об осторожности; белая шерсть на груди вздымалась от учащенного дыхания, а с высунутого языка текла слюна, как у собаки.

Никогда еще Рока не пробовал загнать самца в расцвете сил. Этот выглядел молодым и здоровым, не голодающим или вынужденным защищать свое потомство, не больным и не раненым. Рока противопоставил свою волю и выдержку сильному – и затмил его. *Я же говорил тебе, что справлюсь, мама.*

Он помедлил достаточно, чтоб насладиться гордостью, желая только, чтобы мать могла видеть его. *Кончай торжествовать и берись за дело,* раздался ее голос в его голове, и он улыбнулся, затем вытащил нож.

Относительное тепло Севера испортит большую часть мяса за несколько дней. Чтобы извлечь как можно больше пользы, Рока будет вынужден пичкать себя, питаясь как можно

чаще и расходуя энергию на исследование местности, дабы усилить голод, – но все равно слишком много пропадет зря.

– Спасибо тебе, – произнес он вслух, по своему обыкновению.

Отчасти он благодарил оленя за его жизнь, но в основном просто за то, что тот сдался, позволив себя поймать. Рока уже много дней питался лишь дикой малиной – и если не сумеет убить зверя теперь, истратив почти всю свою энергию, могут возникнуть трудности. Ну, то есть *большие* трудностей.

Выживание в статусе вне закона казалось Роке нескончаемой войной против холода, жажды, болезней и голодухи. То, что мог поймать, он убивал. То, что мог найти, он воровал. Он держался вдали от людей, ибо некоторые люди охотились на незаконников ради забавы, или наживы, или чего похуже. Он избегал дорог и не разжигал ярких костров; он строил и бросал укрытия, заметал следы и выучил тропы фермеров и другого местного люда, чтобы их избегать. Но самое главное, он научился охотиться.

Когда Рока приблизился, олень дернул головой, но его ноги подкосились.

– Успокойся, – мягко сказал Рока, делая медленные шаги с поднятыми вверх руками и ножом наготове.

Он видел страх в глазах существа. Страх, и еще – беспомощность. Оно проделало величайший забег в своей жизни; оно почтило память своих предков и противопоставило собственную силу убийце, но потерпело неудачу. И подобно ло-

шади из Алвереля, которую Рока объездил когда-то, а потом съел, чтобы выжить, оно не обладало никаким другим инстинктом. Никаким прибежищем или разумением своей неудачи. Оно не могло постичь, каким образом попало этой странной, медлительной двуногой твари, либо представить себе мир, где могло бы применить свои рога и копыта, чтобы сражаться, а не убегать; использовать собственные вес и быстроту, дабы сломить своего убийцу и, вероятно, даже в случае неудачи защитить своих сородичей в будущем. Оно знало только, что больше не в силах бежать дальше.

Рока схватил один из рогов и крутанул. Он вскинул нож и перерезал оленю горло, бросая его тело на землю и ударяя вновь, дабы убедиться, что разрез получится хорошим. Добыча слабо забилась. Улегшись на нее сверху, Рока ткнулся лицом в горячий, дрожащий олений бок и слушал, как затихает биение сердца. *А он даже не взмок – он не потеет, как я. Интересно, почему и какой в этом смысл.* Он обхватил животное натруженными руками и сдавил, вспоминая объятия матери и дрожа от ощущения тепла зверя на своей прохладной коже.

– Я не питаю к тебе ненависти, – сказал он, желая, чтобы олень мог понять и чтобы живым не приходилось убивать живых. Ему хотелось бы, чтобы человек мог выживать, не обучаясь убийству, но только в своей Роще он заплакал. Только в своей Роще, уставившись в костер, сложенный из воображаемых деревьев, он увидел мир, где жизнь и смерть

были равнозначными, где милосердие не было слабостью.

В истинном мире его тело просто ждало, когда олень истечет кровью. Рока закрыл глаза и погрузился в сон без сновидений, а когда снова поднял голову, то ощутил прохладный вечерний ветер. Бог солнца Волус почти исчез на горизонте; яркая щель зрачка его возлюбленной сияла белизной в безоблачном небе. Подняв левую ладонь, Рока обрызгал себя каплями крови, вытирая ее о штаны.

Он вернулся мыслями в настоящее и огляделся вокруг, и хотя он мог вспомнить всё, что когда-либо видел, у него не было никаких воспоминаний об этом месте. Его это не волновало. Дичь, которую он преследовал, нередко приводила его к странным, почти безжизненным холмам и долинам, или к рекам и озерам, изобилующим холодными, склизкими тварями. В таких местах он порой целые дни, а то и недели рыбачил с копьем или сооружал силки и укрытие, но всегда ему приходилось двигаться дальше.

Сейчас, как и всегда, угрозу представляли другие охотники или падальщики – возможно, волки, но куда вероятнее люди. Однако, не увидев здесь никаких следов ни тех ни других, он решил рискнуть и развести огонь. Это было нелегкое решение.

В прошлом он следовал за дымом от чужих костров, чтобы украсть припасов, и много раз видел, что случилось с другими незаконниками, позволившими себя обнаружить. Он видел мальчишек, своих ровесников, которых порубили на

куски и скормили псам-ищейкам, зарезали во сне, а их стоянки разрушили и разграбили.

И здесь нет деревьев, осознал он. И хотя в мешке у него лежали сухие березовые сучья и ветки от шалаша на случай нужды, ему придется собрать огромные кучи травы, одуванчиков, рогоза и любых веток, какие он сможет найти, этого все равно не хватит надолго. *Но со свежешойманым оленем оно того стоит*. Завтра, возможно, удастся разведать.

Он со стоном встал, вышел из чертополоховой прогалины и нагнулся, чтобы нарвать себе травы. Прежде он уже ел пищу сырой и пил воду прямоком из илистых рек, не вскипятив ее. Но и это способно убить.

Случались дни, когда он только и делал, что опорожнял кишки и желудок из-за подобной глупости. Каждый спазм, каждый приступ блевоты заставляли парнишку выползать на холод и тратить еще больше драгоценных сил. Затем ему приходилось мыться водой настолько студеной, что она причиняла боль коже и отнимала у Роки волю. И все-таки он должен был разыскивать и убивать для себя пропитание; защищать свое укрытие от резких ветров, держать наготове силки для кроликов или белок, хотя при одном только взгляде на мясо зеленел. Полумертвый от дурноты, он все-таки обязан был внимательно следить за горизонтом, чтобы кто-нибудь не разыскал и не убил его ночью.

Вот к чему теперь сводилась жизнь, и уже несколько сезонов. Люди были стайными животными, которые выживали,

присматривая за детьми друг друга и совместно выполняя множество повседневных дел. Но изгои лишены были такой роскоши. Улизнув из Алвереля, Рока бежал на Север – почти так далеко на Север, как только мог, – затем повернул на восток, к старой столице Орхус и Гальдрийскому Ордену. Он крадучись пробрался к самому дому закона, религиозному центру мира, и там обнаружил народ своей матери. Воспоминание об этом до сих пор плескалось льдом в его нутре.

На него бросили единственный взгляд, мельком увидев искаженные черты лица и пятнистую кожу, и прогнали его. Все эти странствия и ожидания, скрытность и собирательство еды в чужих землях – все впустую. Он наблюдал, ждал и расспрашивал местных, куда не разыскал Вишан, носящих имя его матери, и обнаружил их живущими подобно вождам в домах, превосходящих размерами всё, что он когда-либо видел.

Орхус был огромным, разросшимся, полным жизни и богатства, но также большого количества людей и многих опасностей. Рока подкрался к окну жилища своей родни и прошептал, кто он такой, но после сотни миль и сотни рисков какая-то старуха сказала «убирайся», не предложив еды, а только обещание смерти, если он явится снова.

Я вернусь и за вами, поклялся он, удирая несколько дней без передышки – боясь, что местные отправят воинов, дабы выследить его и оставить гнить в поле, как Бэйлу...

Он выбросил эти мысли из головы, вспомнив другого оле-

ня, которого разделявал прежде, – каждый промах и каждый выученный урок. Теперь, избегая кишок и пахучих желез, он порезал шматы мяса на тонкие ломтики и положил комки скудного жира в чугунок, дабы их растопить. Он развел костер с помощью камня и топорика, постоянно подкармливая огонь быстрогорящим трупом, затем своей драгоценной березой, пока обжаривал кусочки плоти прямо в пламени. Дым душил его и поднимался клубами к темному небу, но Роке было наплевать. Он ел в тишине и упражнялся метанием копий в своей Роще, пронзая мишени, которые держал Пацан-Конюший-из-Алвереля.

– Хороший бросок, – сказал он себе, когда одно копье пронзило мишень и мальчика и, окрасившись кровью, отскочило на густую лужайку его учебного поля.

Пацан-Конюший гордо просиял с отвисшей челюстью, и Рока улыбнулся в ответ, как всегда радуясь компании, думая, что теперь они, наверное, почти сравнялись возрастом.

Его тело в истинном мире запрокинуло чугунок и выпило растопленный жир, вытерев испачканный подбородок рукавом. Он представил себе лицо улыбающейся Жрицы Кунлы, отметил фиолетовые синяки у нее под глазами, и вообразил, как ее грязные, сальные волосы оставляют пятна на коже, которой касались. Заметил ее глаза, когда она перебралась на сиденье поближе, чтобы посмотреть, как он умрет в долине закона. Затем он вызвал в памяти лица родственников, прогнавших его. Он вспомнил детей, напавших на него в быт-

ность ребенком, и присяжных на суде, спокойно восседавших и бездействовавших, пока его предавал «закон».

Вы все виноваты, прошипел он в своей Роще, чувствуя дрожь и давление в своем разуме, казалось, никогда не исчезающие, стискивая зубами хрящи и плоть намного сильнее, чем требовалось для жевания, и согнув окровавленные пальцы на рукояти ножа.

* * *

Позднее, полусонный и погруженный в свои мысли во мраке, он едва не был застигнут врасплох. Он услышал хруст сухой травы, колеблемой порывами ветра; уловил мелькание какой-то тени в тлеющих угольках его пламени. Он схватил нож и вскочил на ноги, но слишком замешкался.

Во тьме двигалась какая-то фигура, низко пригнувшись к земле.

Глаза Роки пронзили тусклый свет угасающего костра и увидели мальчика-подростка в отрепьях – затем другого, примерно в шести футах рядом. Рока попятился и увидел еще одного справа от себя.

– Что вы хотите?

Голос дрогнул и звучал странно глубоким, а разум лихорадочно пытался найти ответ на засаду и защитить его предназначение.

Юный оборванец приподнялся, будто вовсе и не прятался:

– Мяса.

Голос его был глухим, отчаянным – каким-то пустым и безразличным. Волосы на руках и шее Роки встали дыбом. Истлевшая одежда мальчишки свисала, как саван мертвеца, с худющих конечностей, а обувь до того изнасилась, что его ступни могли с тем же успехом быть босыми. В правой руке он держал дубину. Его тусклые глаза воззрились на полуразделанную оленью тушу.

Все мои вещи, с ужасом сказал рассудок Роки. Он знал, что должен убежать – или рискнуть своей жизнью в драке. Если я убегу, то все опасности и жертвы и удача имеют котелок, топор и спальник ни черта не стоят, и всё насмарку.

Юный оборванец шагнул вперед, решение уже было им принято.

Откуда, черт возьми, они пришли? Я на открытой травянистой равнине.

Рока мог сразиться с ними и, возможно, победить. Он был силен и, по сравнению с мальчиками, относительно упитан. Но сломанная лодыжка или заполненный гноем порез, полученные в бою, означали бы, что даже в случае победы он все равно проиграет: конечность сгниет у него на глазах, пока он будет лишь беспомощно ждать смерти.

Время раздумья растянулось: мучительная вечность выбора плохого или худшего, сожжения внутри горы или разложения в поле. А Роке так надоело быть в бегах, так надоело быть одиноким и рисковать.

Я крупней и сильнее этих пацанов. Я каждый день практикую насилие в моей Роще, и мне так надоело быть в бегах.

Но если он проиграет...

Теперь грабители, которым особо нечего было терять, придвинулись ближе: как минимум трое, с грязными руками. Рока напрягся и стиснул нож, выпрямляясь и сверля их взглядом, пока говоривший мальчик не остановился и не встретился с ним глазами. *Люди не подобны животным, они не судят об опасности, как следовало бы. Им следует бояться меня, и все же они не испуганы. Я могу тебя убить, едва не закричал он, почему ты меня не боишься?*

Потому что люди – стайные животные, сказал голос его матери. Они умрут за стаю, и ты это знаешь. Прими это.

Рока стиснул зубы и рукоять ножа. Затем развернулся и побежал.

Он почти врезался в другого мальчишку позади себя и, опустив голову, дико полоснул в панике и удивлении. Он ощутил удар и услышал звук, подобный звону железа, смешанный с возгласами из круга тел, обступивших его стоянку. Он почувствовал, как чьи-то руки схватили его за длинные волосы и предплечья, но были отброшены его скоростью и весом, и он вырвался из тепла и света костра, улепетывая в ночь.

Без тени веселья он осознал, что мчится как олень – стремглав, без единой мысли о том, куда держит путь или что будет дальше. Он оставил всё, кроме ножа, облаченный

лишь в тонкую ткань, которую носил на охоте, чтоб не взопресть. Теплая шерсть и звериные шкуры остались лежать у костра, а ночь становилась холодной.

По его голове и лбу стекала влага, и когда он вытер ее и увидел кровь, голова заболела и словно распухла. Он оглянулся и увидел, что мальчишки больше не преследуют его в темноте, но все равно продолжил бежать вверх и вниз по пологим холмам бесконечной равнины, не имея представления, что делать, зная только, что без воды умрет спустя три дня. *А если я умру, я облажаюсь.* А если он облажается, его полная страданий жизнь будет бессмысленна. *И жизнь моей мамы, и падение, и любовь, и жертвенность будут бессмысленны.* Он не может облажаться. Ни за что.

Никогда.

Четкий образ Бэйлы и воспоминание о ней заставили Року споткнуться и сбиться с темпа – да еще эта боль, стучащая в висках. *Мой полушубок, локон моей матери – в полушубке.*

Разум сообщил ему, что он уже пробежал две тысячи тридцать больших шагов, и лишь теперь он вспомнил, как прятал в карман русую прядь материнских волос. Единственное, что от нее осталось, за исключением, возможно, костей в поле, и почти каждую ночь перед сном он сжимал эту прядь в своих пальцах или клал в свои меха. *Ты можешь в точности вспомнить, как она выглядит, как пахнет и осязается, она тебе не нужна. Это слабость.*

Рока не собирался спорить. Но все же его ноги в поношен-

ной кожаной обуви замедлились, потом остановились, и он провел пальцами по мягкому порезу на линии роста волос, думая, что рана вряд ли настолько серьезна, что боль кажется хуже, чем сама рана. *Но куда я направляюсь и зачем?*

Бег развеял его панику и разгорячил мускулы. *Эти мальчишки голодают. Как только они насытятся, они станут разморенными, вялыми. Возможно, они не выставят дозор или он будет неважнецким, возможно, у них найдется вода или им известно, где найти ее. Возможно, у них есть укрытие и другие припасы.*

Он может выследить и затравить их точно так же, как оленей. *И почему нет? В чем разница между людьми и животными, кроме их разумов? Они убили бы меня, если б могли. Они забрали все, что у меня есть, и оставили умирать. И что, я теперь должен быть милосердным?*

У всех созданий есть свои слабости, нужды и предсказуемости. Люди – животные стайные. Когда их несколько, это увеличивает их отвагу и делает беспечными и самоуверенными. Они не станут опасаться за свои жизни или свой лагерь из-за одного раненого бродяги, который уже удрал от них. В худшем случае они могут подумать, что Рока затаился где-то поблизости, дрожа от холода, надеясь просто забрать свои припасы и снова убежать. Но Роке надоело быть в бегах.

И кем бы ни был я, а кем – люди, я могу видеть в темноте, а они не могут. Еще одно отличие наряду с его памятью, которое превосходило отметины, шишки на коже или

уродство черепа и раз за разом сохраняло ему жизнь все то время, что он числился изгоем.

Если кто из богов Бэйлы и существует, подумал Рока, *так это наверняка Носс.*

Наверняка, если хоть что-то из этого правда, так это демоны и монстры горного бога, которые подстерегают в ночи и едят детей в кроватках – ибо *нечто* дало им и Роке глаза, пронзающие ночь. Наверняка имеется причина.

За проведенное в одиночестве время он уже видел бессолнечных охотников и правдивость более мрачных утверждений святой книги. Он видел, как филин целиком проглотил стенающих птенцов после того, как растерзал их родителей, а затем устроился спать на ветке, служившей до того их домом. Он видел, как волки съели олениху и ее почти рожденное дитя: слишком слабая и обремененная, чтобы убежать, самка в ужасе хныкала, пока олененок брыкался, не сумел встать на ноги и умер; а мать могла только смотреть, прежде чем разделить его судьбу. Ни тот ни другой кошмар не были случайностью. Было ясно, что охотники всё знали: их глаза сверкали в лунном свете, некий коварный инстинкт вел их к слабым и беспомощным.

В своих скитаниях Рока обошел половину страны пепла и видел, как такие твари преуспевают, не страшась ослепленных дневных существ наподобие мужчин и дочерей Гальдры. Для них не существовало правосудия. Никакой бог, никакие законы не вмешивались, дабы спасти жертв или нака-

зять убийц. *Да и с какой стати судить их? Или кого бы то ни было?* Разве такие твари не обладают врожденной потребностью в плоти? Как и любой изгой, разве они не умрут с голодухи, прекратив убивать? Разве не исчезнут из этого мира и не окажутся забыты, так что все злодеяния и труды их предков будут напрасными?

Рока знал: *Добыча не вправе отказывать хищнику.*

Правосудие и милосердие – всего лишь женская ложь. Гальдрийские Сестры называли свою силу законом, но вопреки всем красивым словесам, ненавидимым Рокой, закон был силен лишь настолько, насколько сильны те, кто навязывали его жестокостью, а это всегда были мужи с мечами – теми же мечами, какие использовал Имлер.

Лицемерие гноилось подобно незаживающей язве у Роки во рту. Он чуял в воздухе корысть и обман, будто некие зловонные миазмы, душившие каждый вдох, пока не почувствовал, что каждый из них – последний, смертельно разлагающий его легкие. Мысленным взором он увидел тонкостенный дом, построенный на песке, обреченный со временем развалиться и быть унесенным водой. *Но я не хочу, чтоб его смыло, подумал Рока, я хочу, чтобы он сгорел.*

Он развернулся и зашагал по собственным следам в траве. Черпая из неиссякаемого источника образов в своем разуме, он обрисовал каждый участок земли, по которому прошел, зная цвет почвы и камней, высоту и наклон каждого холма, и возможность обзора с него, и расстояние до следующего.

Рока будет наблюдать и ждать. Он сосчитает своих намеренных жертв и последует за ними, – и если они глупы, если они слабы, он убьет их одну за другой, как тот филин, и ляжет спать в их гнезде, потому что оно удобное. Он проглотит жизни своей добычи безо всякого стыда, ибо стыд так же фальшив, как и скала пророка.

«Ты можешь быть свободен, – сказала его мать, – ты можешь написать собственную историю».

Он до сих пор мог видеть ужасный, чудесный последний взгляд ее глаз, когда она говорила это, и бледные щеки, онемевшие на морозе, отчего ее слова звучали невнятно. *Безусловно, нет ничего более свободного, чем дикий зверь, мама. Безусловно, чтобы изменить мир, я должен сначала измениться сам.*

Он ускорил шаг, воображая, как показывает ей, что все понимает. *Я заставлю тебя гордиться, Бэйла, где бы ты ни пребывала. Отведи свои глаза от рая и наблюдай за мной сейчас. Моя история начнется этой ночью.*

9

Дала, у нас есть добыча! Хватит на всех!

Младшие двойняшки – им, по общему мнению, было лет одиннадцать – ворвались в дверь, ухмыляющиеся и перепачканные кровью. Они несли дрова и тяжелый с виду кожаный мешок с припасами.

– Мои герои! – Дала вытерла мокрые руки о фартук, подошла к мальчикам, приобняла обоих, всегда бережная в своей благосклонности, затем выглянула в окно дома.

Миша, самый старший, тащил на спине что-то напоминающее оленью тушу. Огонь жаровни освещал его суровое костистое лицо, подчеркивая впалость землистых щек и желтизну глаз. Она знала: он переносит невзгоды ради них всех и несет груз их жизней на своих плечах. Он никогда не жаловался. Никогда не бил других мальчиков и не орал, а с каждым вздохом учил их, как охотиться, как огородничать, как выживать. Он был вдесятеро лучшим мужчиной, чем когда-либо отец Далы.

– Помогите вашему брату. – Дала убрала лежащие в беспорядке ножи и деревянные чашки с единственного стола, понимая, что работать снаружи было бы разумнее, однако не удастся без света. Она еще выше закатала рукава, завязала волосы на затылке и вывесила выстиранную мокрую одежду за окно – предмет ненависти Миши.

«Оно пропускает холод, – заявил он однажды, – это непрактично». Но Дала настояла на своем, пообещав, что зимой они будут заделывать его доской и мехами, и в конце концов Миша прорезал отверстие. Разумеется, он бы ни за что не признался в этом теперь, но она знала: ему нравится теплое восточное солнце по утрам, когда они завтракают вместе. Он любит наблюдать за ее работой снаружи, на свежем воздухе, прежде чем войти в дом. Он даже передвинул

ближе стол.

Дала уставилась на слегка затупившееся лезвие ножа и задумалась, с чего начать разделку туши. Посмотрела на круглый заляпанный стол, которым они пользовались сотню раз, и вздохнула, уже ощущая усталость и квелость. *Ладно, я никогда не разделявала оленя, но что в этом такого сложно-го?*

Миша прошлепал по грязи и крови, сгорбил свое высокое тело, чтобы пройти в полусгнившую дверь, затем бросил кровавые останки добычи на стол.

– Мы будем стеречь дом, – сказал он, затем покрутил шей и хрустнул плечами, разминаясь, и почесался от блох. Дале хотелось подойти к нему. Размять его усталые мышцы и обхватить его руками. Но, как всегда, она сдержалась.

– Стеречь дом? От чего? – Она воззрилась на убитого оленя. Половина его туловища отсутствовала; задняя часть была срезана почти ровно, будто бы очень острым ножом; белый выступ позвоночника торчал наружу, искусно обойденный стороной. – Ты что... отнял это у кого-то? – Само собой, она знала ответ и пожалела, что спросила. Это лишь напомнит Мише о том, что он сделал. *О том, что ему придется сделать снова.*

В мире, где его семья могла бы жить за счет земли, Миша был бы тихим добряком, но северные вожди, как это часто случалось, развязали войну из-за зерна, и Аском голодал. Миша воровал и грабил, чтобы прокормить своих бра-

тьев и Далу. Он сражался, чтобы защитить их землю и дом. Если приходилось, он убивал. Но в ее глазах это делало его сильным, храбрым и достойным уважения. Но не делало его чудовищем.

Без Миши и его братьев она была бы давно мертва – съедена птицами и дикими псами в чужом травянистом поле за много миль от своего дома. Отец Далы связал ее по рукам и ногам и долго катил в повозке вместе с малютками-братьями, а затем оставил их, как брошенных собак. Она умоляла и рыдала, но отец молчал. Он не заплакал, не извинился, не прикоснулся к ним и не произнес никаких прощальных слов.

Время было неурожайное, поэтому, чтоб не видеть, как его семью настигает голодная смерть, он решил убить половину собственных детей (*меньших* детей, с горечью подумала она) и сделал это без капли милосердия.

Теперь она крепко сжала свой самый большой нож и попыталась сосредоточиться на деле, вместо этого чувствуя растущую тревогу за безопасность Миши. Ее малютки-братья погибли в том бескрайнем поле, но Миша спас ее. Он никогда ни о чем не просил, никогда не спрашивал, что она сделала или почему ее бросили там. Он разглядел уродливый нарост на ее щеке – знак того, что девочки коснулся Носс, – затем посмотрел ей в глаза. «Можешь жить с моей семьей, – сказал он, уже развязывая ее, – но ты не обязана».

Тогда она полюбила его – и любит до сих пор. Если ее проклятое богом тело когда-нибудь начнет кровоточить, она

тотчас Изберет его, Мишу, затащит в постель и покажет ему всю свою любовь. *Тринадцать окаянных, ужасных зим, а она всё не течет*, подумала Дала. Есть уже крохотные клочки волос, и маленькие груди, и округлости от жира, но никакой крови.

А закон был ясен: пока у нее не пойдет кровь, ей не дозволено Избирать Гальдрийских слуг. Мужчины часто игнорировали законы пророка во время голода, но Дале было известно: женщинам не следует. Женщинам *нельзя*. Именно женщины обязаны давать мужчинам надежду и веру и защищать их от проклятия Носса; давать им что-то, к чему стоит вернуться, когда все безумие закончится, – какую-то причину, чтобы отложить мечи.

Когда придет время, она возьмет и братьев Миши, чтобы защитить их всех от ревности и насилия в последующие годы. Она хотела только его, но со временем подарит им всем детей и тепло и наполнит их дом любовью. Она молилась, чтобы Миша знал, что все это ради него.

А пока она прогнала беспокойство и принялась свежевать. Каждая часть животного зачем-нибудь да пригодится, и Дала старалась, как могла, сохраняя куски туши в целости. Шкура и мех пойдут на одежду и одеяла, рога и копыта – на орудия. У нее имелось достаточно соли, чтобы завялить большую часть мяса, но полуголодные мальчишки наверняка съедят много в ближайшие два дня, и, возможно, ей не стоит заморачиваться.

Она трудилась долгие часы, на шее мелким бисером выступил пот. Было бы проще повесить тушу, а не ворочать ее руками, но такой роскоши у Далы не было. При мысли о том, как свежие картофелины и морковки смешаются с мясом, у нее потекли слюнки прямо за работой, а сердце воспарило при образе семейного пира с ее мальчиками.

– Кажись, безопасно, – сказал Миша, наконец опять возникнув на пороге и с виду еле держась на ногах.

– Сядь, сядь, – она подтолкнула бедром его кресло, стараясь не заляпать все кровью.

Он плюхнулся, и его веки опустились.

– Это был изгой, у него мы и взяли добычу. Обезображенный, как утверждает Шона. Я не увидел почти ничего, кроме его глаз, каких-то странных. Мы нашли его костер.

Вы его убили?

Она не спросила и при слове «обезображенный» покраснела, но знала, что Мише и не придет на ум *ее* уродство.

– Интересно, что он здесь делает. – Она не отводила глаз и лица от своей работы, затем подбросила в очаг пару поленьев из внутренней кучи дров.

– Шона стукнул его по башке. Сказал, что бил точно и сильно, и я слышал звук удара. Нас поразило, что парень даже не упал.

Дала молча отделила от кости и срезала слой жира. На самом деле ей не хотелось знать подробности. Если она примется размышлять о горемыках мира сего слишком долго,

то проревет всю ночь и станет бесполезной... но богиня однажды спасла *ее*. Даровала ей новую жизнь здесь, вместе с мальчиками, которых ей однажды удастся превратить в хороших мужчин, и где всегда есть место надежде.

Она оторвалась от работы и встретила взглядом с Мишей.

– Давай помолимся, чтобы он выжил и нашел свой путь в другом месте.

Миша уставился на нее, но смягчился, согласно кивнув.

К тому времени, как все они сели за стол, Дала не удивилась бы, увидев свет солнца в окне.

– Готово? – Младший сжимал свою ложку в грязной руке, его красные глаза были прикованы к котелку с тушеным мясом над огнем.

– Почти. – Дала улыбнулась.

Обычно с наступлением ночи они сворачивались клубком у очага, но мальчики были слишком возбуждены и голодны, чтобы спать.

Они колотили по своим стульям и пихали друг друга в плечи. Даже Миша ухмылялся или корчил рожи в тусклом свете, а старшие близнецы понарошку боролись и под возгласы ободрения младших зрителей излагали свое приключение, размахивая руками и хвастаясь, как взрослые мужи в общем зале.

– Лучше поспеши, Дала, а не то Шона огреет тебя своей

палкой.

Миша подмигнул, и все мальчики засмеялись; некоторые похлопали брата по спине или плечам, с гордостью в голосах и блеском в глазах.

Прости их, Богиня, подумала Дала. Им больше нечем гордиться, но они люди незлые. Однажды они будут чувствовать гордость за своих прекрасных детей и здоровые урожаи и оставят все мысли о жестокости позади. Она помещала и потыкала твердые картофелины в подсоленном вареве.

– Весьма неплохо, – сказала она, больше самой себе, и водрузила тяжелую миску на кожаный коврик в центре стола.

– Сперва мы возблагодарим. – Она смотрела неодобрительно на любого мальчика, посмеявшего выказать протест. Миша опустил голову и выпрямился, и остальные повторили за ним. Дала закрыла глаза. – Благодарим тебя, Матерь, за нашу семью. Благодарим тебя за эту теплую погоду, наш дом и огород, за странника в ночи и за его еду, которую мы собираемся съесть. Мы просим тебя его уберечь. – В какой-то другой день она могла бы продолжить, но сейчас знала: лучше всего говорить кратко. – Хвала имени ее.

– Хвала имени ее, – пробормотали мальчики, глядя на своего старшего для уверенности.

Их матрона не была усердна в своих Молениях перед тем, как умереть, и Дала, поселившись в этом доме, обнаружила мальчишек, вовсе переставших говорить с Нанот. При под-

держке Миши она быстро исправила это.

Дала зачерпывала порции, стараясь не расплескать. Мальчики брали тарелки дрожащими руками, определенно обжигая себе рты, когда нетерпеливо начали хлебать, постанывая от горячей влаги, стекающей в желудки.

– Вкусно? – спросила она, не в силах скрыть улыбку, под хор одобрительных мычаний.

Она любила смотреть, как мальчики наслаждаются ее стряпней, или нюхают свою одежду, когда она постирала ее с мылом, или вытягиваются в тепле и уюте, когда она разжигает огонь по утрам. Она – их сестра, их мать, и однажды станет их матроной. Они – ее ответственность, ее священное поручение. Их огород увеличится в размерах и даст урожай, голод закончится, и в один прекрасный день торговцы снова воспользуются Спиралью, чтобы продавать зерно в сельские уголья, и жизнь станет лучше. Однажды этот скудный дом наполнится любовью, детьми и радостью.

Дала окинула взглядом темные волосы Миши, его широкие плечи. Немного мяса на костях, и он будет красивым – и она испытала ноющую боль, протянувшуюся от горла к животу, когда подумала о том, как прикасается к нему, целует его, крепко обнимает, когда они будут спать у огня.

Он поднял глаза и встретился с ней взглядом, прекратив жевать ровно настолько, чтобы улыбнуться. Она чуть не ахнула, когда он коснулся ее руки под столом.

– Все будет хорошо, – сказал он. Казалось, он всегда знал,

что сказать и когда. Она снова помолилась Матери о крови, зная, что ей придется сделать еще одно спальное место и повесить занавеску, чтобы обеспечить им с Мишей уединение, и думая, что в будущем они могли бы сделать пристройку и новый очаг по мере увеличения семьи.

Затем она услышала звук, похожий на хлопок ладони по дереву, и будто из ниоткуда рухнуло нечто черное и толстое, разбившись на столе. Миша резко дернулся. Он свалился со стула, по-прежнему не выпуская руку Далы. Словно не в силах пошевелиться, она застыла, пока ее разум не осознал случившееся, и тогда чуть не дернула Мишину руку, чтоб удержать ее в своей. То, что упало на стол, оказалось поленом. Оно выглядело так, будто его заточили ножом с одной стороны, и острие, похожее на наконечник копья, стало алым.

Ее взгляд нашел Мишу. Его рука совершенно обмякла и оставалась в руке Далы лишь потому, что та сжимала ее до белизны в костяшках. Кровь сочилась из жуткой вмятины на голове Миши рядом с ухом, а шея изогнулась под странным углом. Его открытые глаза из-за скошенных набок зрачков казались почти белыми. В конечностях и плечах Далы разливался болезненный холод. Ее голова казалась слишком тяжелой, чтобы ее удержать.

Раскидав стулья, близнецы повскакивали, крича «оружие!» и «драпаем!» и прочее, что Дала слышала, но не воспринимала.

Шона достиг двери первым, распахнул ее и вышел наружу с топором в руке, затем остановился и попятился назад. Он дернулся, и спереди брызнула кровь, когда из его спины вырвалось нечто вроде копья. Оно словно откинулось вниз, каким-то образом прикрепленное к крыше. Дала смотрела, как оседает Шона, и ничего не чувствовала.

Другие мальчики попытались оттащить его и помочь встать, а его близнец меж тем выскочил в ночь. Дала услышала звуки борьбы и боевой клич, затем отвратительные, влажно булькающие звуки. Послышались сопение и плач, затем все стихло.

– Не выходите, – произнесла она, но ее голос, казалось, утратил способность звучать громче шепота, а холод в конечностях вызвал дрожь, и она не могла больше держать руку Миши.

Она выглянула в окно и увидела светящиеся в темноте глаза, желтые и раскосые, как у волка. Они придвинулись ближе, вплотную к окну, и Дала попыталась бежать, но упала: ноги лишились силы двигаться.

Огонь зашипел и затрещал. Дала почувствовала, как что-то мокрое забрызгало ее платье, и чуть не вскрикнула – затем увидела их колодезное ведро, которое влетело в комнату, гремя и подсакивая, и свет камина тотчас потух.

– Я не вижу! – воскликнул один из мальчиков, и ужас в его голосе заставил Далу вспомнить собственные крики, когда отец бросил ее умирать от холода и предательства.

Она слышала шаги в дверном проеме. Слышала, как мальчики шаркают и хнычут во тьме. А затем услышала потасовку и рваные, чавкающие звуки разрубаемого мяса. *Как олень*, подумала она и, казалось, только и могла, что повторять: *это звучит совсем как олень*.

– Мама, пожалуйста... – Младший подполз к ней, отодвигая стул и находя ее руки в тусклом свете очажных угольев. Он обнял ее за живот, положив голову ей на грудь и дрожа, совсем как она.

Волчьи глаза приблизились, и если они принадлежали человеку, в них отсутствовала жалость. Зрение Далы приспособилось, и теперь она различила очертания изуродованного лица, высокое тело с поджарыми, крепкими мышцами. В его руках сверкнул нож, и оставшийся один из ее семьи мальчик закричал, когда волк стал наносить ему удар за ударом.

Она не шевелилась, пока он умирал. Единственное, что она могла, – это прижаться к мальчику, ощущая, как дергается его тело, пока он хватался за нее и кричал под ножом убийцы.

– Прекрати, – попыталась она крикнуть, но вышло только шепотом, – прошу, прекрати.

Казалось, волк услышал – и понял. Он подошел ближе и уставился ей в глаза своими, широко раскрытыми.

– «Прекрати»? – Его голос был грубым, низким и надрывным. Он схватил Далу за волосы мокрой рукой. – Думаешь, слова прекращают насилие? Думаешь, слова способны *хоть*

на что-то? – У него был странный, почти северный говор, ученый, как у сына богатой матроны. Он отшатнулся, словно оглушенный, затем рухнул на стул Дала, уставившись в ночь, как будто мог видеть. – Ты можешь уйти, – сказал он, – или остаться. Это ничего не изменит.

Ни он, ни она не шевелились. Волк смотрел в пустоту, а Дала держала на руках труп названного брата. Все еще чувствуя оцепенение, она отвернулась и выблевала тушеную оленину – и этот звук, а может запах, прервали покой волка.

Он встал и прошелся по дому, возможно, собирая припасы, хотя разглядеть было трудно. Дале показалось, она видит, как он забирает свой мешок и вещи, что украла ее семья, а остальное вроде бы не трогает.

Наконец она ощутила сквозь оцепенение глубокий нутряной страх, подобный тому, какой испытала однажды, играя на крыше отцовского дома. Засим последовали горе и обида, и ей хотелось только умереть со своей семьей или прикончить их убийцу, но все, что она могла, – сидеть в тишине. Голос, шепчущий в ее сознании, удерживал ее на месте.

Он говорил ей, что она юна и невредима – что ей нужно лишь подождать, и убийца уйдет, а она будет жить. Он заставлял ее чувствовать себя трусихой, предательницей, тронутой Носсом уродиной, как ее обзывали в детстве.

– Мы не хотели тебе навредить, но мы умираем с голоду, – сказала она. – Мы молились за тебя.

Она едва не обмочилась, когда волк закричал. Звук был

глубоким и диким, и Дала подпрыгнула, сжимая руки в кулаки. Волк ринулся через всю комнату и с силой вонзил свой нож в камин рядом с ее головой. Грудь его вздымалась, а широко распахнутые нечеловечьи глаза оказались так близко, что Дала могла лишь смотреть, будто в открытое пламя. *Он – чудище из ночного кошмара, зверь старого мира.*

– Опять слова. Опять бесполезные, бессмысленные слова. Вы молились за себя самих, дочка лжи, чтобы загладить вашу вину. Меня вы бросили истекать кровью во тьме.

Дала отпрянула от него, думая, что это неправильно, что это несправедливо.

Ты всего лишь один, а нас было много, подумала она. Ты даже не смог бы съесть все, что поймал. Разве справедливо, что ты живешь, а мы умираем?

Ей хотелось накричать на него, обозвать всеми мерзкими словами, какие она знала, но прежде всякой серьезной мысли зародилась идея, и на ум пришло лишь одно:

– Я выбираю тебя. – Она хотела пролаять эти слова, но они все равно вышли слабыми и дрожащими, и она заставила свои руки расслабиться, когда попыталась податься вперед и выбить из голоса дрожь. – Сын Имлера, я выбираю тебя как служительница Бога. Ты не можешь отказать.

Мысль о том, чтобы взять это существо в сожители, внушала отвращение, но это было все, что Дала могла сделать. Возможно, это было спасением для них обоих. И более того, это был, возможно, ее долг. Время словно замедлилось, по-

том остановилось, и внезапно она ощутила себя праведной и сильной, как взрослая женщина. Она ощутила себя жрицей. *Даже с этой хренью на моей щеке я – дочь Гальдры. Ты подчинишься.*

Вопреки его наружности, подумала она, это существо перед ней не чудовище, а просто мужчина. Да, кровожадный, еретический мужчина – жестокий преступник ничем не лучше пса. Но он будет служить закону либо испытает Божий гнев, и она спасет его от горы.

Волк отстранился, часто моргая глазами, будто увидел что-то, чего не совсем понимал, и Дала ощутила ликование. Почувствовала гордый взгляд пророка, наблюдающей из рая.

Затем смех наполнил темный, разрушенный дом, когда волк затрясся. Его глаза закрылись, а голос прогремел, но сразу же стал резким и высокомерным:

– Чудовища не заключают заветов с людьми. – Его глаза открылись, и зрачки заскользили по ее телу с ног до головы, и чувство было такое, словно ее изучает голодный зверь. Затем он взвалил свой кожаный мешок на спину, привязав его к себе веревкой. Остановился и поглядел на оленью тушу, оставленную Далой на полу.

Его оленью тушу, рассудила она, вновь ощущая нечто вроде пустоты.

– В ногах есть пахучие железы, – сказал он, глядя на сделанные ею неумелые разрезы, словно испытывая боль. – Если задеть их, это испортит вкус мяса.

С этим он проскользнул мимо пронзенного, по-прежнему висящего тела ее мертвого брата, хлюпая шагами по окровавленному полу, и скрылся в ночи.

* * *

Дала проплакала до утра – или, во всяком случае, пока не уснула. Встала она, страдая от судорог и перепачканная кровью брата; теплый свет лился на ее кожу из того самого окна, которым воспользовался волк, чтобы убить ее семью.

Но они не были моей семьей. Просто очередными мальчишками, творившими ужасные вещи, чтобы выжить. Совсем как мой отец. Совсем как волк.

Она чувствовала себя идиоткой, посмеив думать, что наконец-то спаслась, и трусихой оттого, что не сделала большего. Когда вид и запах мертвецов стали истиной, а холодное, белое лицо Миши осветилось сквозь стенное отверстие, которое он прорезал для нее, она поняла: любви всегда будет недостаточно. Всегда будут мужчины, подобные ее отцу и волку, которые предают и не ведают меры; всегда будут мужчины, которые презирают законы, любовь и всю цивилизацию.

Чувствуя покалывание в ногах, Дала поднялась; перед глазами поплыло, и она вспомнила, что ничего не ела. Казалось неправильным думать о том, чтобы есть рядом с мертвыми.

Схватившись за стол, чтоб не упасть, она заставила себя

взглянуть на Мишу и не отворачиваться. У его головы собралась лужа темной крови. Кожа стала совсем бесцветной, за исключением фиолетового пятна на свернутой шее.

Живот Дала скрутило, но рвать было уже нечем. Комната закружилась, и девочка заковыляла по изгаженному полу. Она увидела разделочный нож и схватила его. *Было бы так легко, пришло ей на ум, просто умереть тут вместе с ними и больше не видеть и не думать.*

Остался ли хоть кто-то в целом мире, кто знает о ее существовании?

Только волк.

Эта мысль явилась горькой. Есть ли хоть кто-то, кому не плевать?

Я проклята, меня коснулся Носс, и мой собственный отец бросил меня умирать. А ее спасители будут отныне гнить в грязи. Мой Миша, мой сильный, добрый Миша.

И все-таки она еще жива. Она пережила болезнь, которая унесла ее мать и сестер. Она пережила голод, пагубу своего отца, незаконников. А теперь и волка. *Почему ты бережешь меня, Богиня? Что во мне такого особенного?*

Ее руки тряслись, сжимая рукоять ножа.

Да и моя ли это жизнь, чтоб ее отнимать?

Собственные поступки никогда ее не спасали, никогда не меняли ничего, что имело значение. Ничто из того, что она сделала, не принесло ей проклятия или спасения – жизнь ее наверняка не что иное, как состязание великих сил, богов

и бессмертных тварей, плетущих сеть судьбы подобно паукам...

Она плакала, чувствуя беспомощность, но силы в ногах вернулись, поэтому она подошла к Мише и опустилась на колени, глядя кончиками пальцев его холодную щеку.

– Мне жаль, – сказала она невесть почему, зная только, что устала ощущать себя бесполезной и зависимой от других – устала быть чем-то, чего она не выбирала, быть ответственной за то, к чему не стремилась, и за жизни людей, которых не могла защитить.

Они не будут меня ненавидеть, подумала Дала, *они поймут*.

Она села за окровавленный стол и проглотила холодное варево – и комната, и само действие такие знакомые, но теперь чуждые и неправильные. Дала не чувствовала вкуса и ощущала, как внутри у нее твердеет, отторгая ту часть ее, которой хотелось просто лечь и спать. Она думала, что если обвинит Носса или возблагодарит Нанот, это даст ей спокойствие, но не ощущала себя освободившейся.

Закончив есть, она встала и в гневе отшвырнула свой стул, слушая, как он с грохотом упал на пол позади нее и опрокинул табурет ее младшего брата. Потрескавшиеся края испачкались в крови, коснувшись пола. *Вчера из-за этого бардака я металась бы с мокрой тряпкой в руке*, подумала она. *Но не сегодня*.

Теперь мир казался другим – тусклым, блеклым. Разве

уюту есть место там, где обитают безумные убийцы и злые боги? Что меняют желания, правила или заботы мертвых? *«О матроне судят по ее уходу за домом»*, – говаривала мать Далы.

Но в одном волк был прав: слова неспособны почти ни на что.

Она принялась рыться в хламе загубленной усадьбы, отбрасывая грязную одежду и деревянные игрушки. Ей понадобятся теплые дорожные вещи, средства для разведения костра, готовки и хранения воды, и многое другое. Взгляд ее задержался на висящем трупe брата у двери, и Дала замедлила шаг, подумывая пройти мимо. *Нет*. Она сжала кулаки. *Я не буду снимать тебя или хоронить, довольно с меня покрывать зло мужчин или оправдывать их*. Отворив дверь, она сглотнула подступающую желчь, затем вышла, наполнила ведро колодезной водой и принесла дрова, чтобы разжечь камин повторно.

Собрав все, что она, по ее мнению, сможет унести, Дала коснулась своей щеки той же рукой, что гладила Мишину щеку. На ощупь отметина Носса была теплой и округлой – раздутая уродливая выпуклость, заметно выделяющаяся на гладкой коже лица. Девочка взяла зеркало из полированного металла, которое дал ей Миша, когда она пришла жить к нему домой.

«Оно принадлежало моей матери», – сказал он, и больше никогда не говорил о ней, упомянув лишь дерево, под кото-

рым ее похоронил. Теперь, поставив зеркало на стол, Дала протерла его наименее грязной тряпкой и вгляделась в свое искаженное отражение – длинные прямые русые волосы и большие зеленые глаза. Она знала: не считая этой уродливой шишки, она миловидна.

Ее мать всегда привлекала к себе взгляды, а Дала очень походила на нее. Даже со своей отметиной она может вступить в какой-нибудь город и найти себе пару. Спрос на женщин был всегда – не только в богатые времена, – особенно бездетных девушек на пороге матронства.

Ей нужно лишь отправиться на Запад, к тракту, и следовать по нему, пока она не найдет город или вождя и не попросит пристанища. Мужчины отведут ее в зал или помогут ей поехать, куда она ни пожелает. Неизбранные выстроятся в очередь, наперебой предлагая Дале свою помощь. Они будут принаряжаться и расхаживать перед ней, бахвалясь своими подвигами, талантами и притязаниями. Они будут обнюхивать ее юбки, как племенные кобели, и не смутятся ее уродством. *Только женщин заботят всерьез подобные вещи.*

Если в городе обнаружится жрица, придется вначале повидать ее, но это маловероятно, и всем известно, что женщины на Юге сами выбирают себе пару, особенно в малых городках и сельской местности, где у Ордена меньше влияния. Мать Дала выбрала ее отца, потому что у него были сильные руки, красивое лицо и блестящие глаза, а вовсе не из-за Сестер. *И возможно, проблема была в этом.*

Именно жадные, никчемные мужчины вроде него, мужчины вроде северных вождей, воевали за посевы, омрачали мир страданием. Все, что их останавливало – закон и его приверженцы. Но их было попросту недостаточно. *Так вот почему ты сберегла меня, Богиня? Потому что я видела, как темна жизнь без твоей мудрости?*

При мысли о том, чтобы стать матроной и найти такого мужчину, как отец, к ее горлу вновь подступила желчь. Наверняка, подумалось Дале, жизнь может быть чем-то бо́льшим. Наверняка ее уберегли для какой-нибудь великой цели. *Я могла бы стать жрицей, подумала она, вступить в Орден и помогать нести закон в мир, полный хаоса.*

Мысль о таком будущем хотя бы принесла ей утешение, но также и страх, потому что девочка не представляла, как ей этого добиться. Однако чем больше она вспоминала о существовании, полном бед и лишений, тем яснее видела единственное объяснение своей жизни. Сказать, что ее выживание было удачей, случайностью, совпадением – это казалось смехотворным. Глядя в прошлое, Дала могла видеть лишь одну причину, по которой выжила, хотя все остальные погибли, одну причину сберечь ничего не значащую девочку с Южной фермы, лишенную какой-либо значимой родни: ее выбрала для служения сама Нанот.

Возможно, вмешался Носс, подумала она и ощутила тепло уверенности, струящееся по ней, будто солнце. Возможно, он пометил ее в детстве, чтобы лишить будущего, разрушив

семью, которая все же любила ее, а когда ничего не удалось, подослал своего волка. *Но я выжила. Я выжила и преуспела, ибо мой бог сильнее.*

И ей стало ясно, почему она схватила нож – почему развела огонь, принесла чистой воды и нашла зеркало Миши. Встав на четвереньки, она порылась в единственном имеющемся комод, ища украденный мальчишками «араг» – омерзительно крепкое, почти мутное пойло, сделанное из аниса и бог весть чего еще. Бурдюк с ним почти опустел, но оставалось еще достаточно.

Она повернулась к вороху рваной и грязной одежды, которую собиралась починить, но так и не нашла на это времени, взяла самую маленькую иголку и льняную нить – жесткую и толстую, но другой не было, – вернулась за стол и перевела дух.

Никогда Сестры не примут в послушницы девочку, отмеченную Носсом, это было известно ей. *Но девочку, осиротевшую и «атакованную разбойниками» на дороге? Девочку со шрамом, чье богатство и жизнь разрушены беззаконием?*

В залах правосудия она, вероятно, сможет носить такой шрам как знак отваги.

Левой рукой она потянула за ненавистный кусок обесцвеченной плоти, а в правой сжала нож, даже не представляя, что произойдет и можно ли вообще убрать отметину. Она была не столь чувствительной, как ее кожа, но и не омертвелой. Дала понятия не имела, насколько будет больно, сколь-

ко прольется крови и сможет ли она ее остановить, и вообще – не отрастет ли шишка снова. Она знала только, что должна сделать выбор.

Жить в страхе и хаосе или посвятить себя порядку; довериться Богине закона или терпеть внимание Бога мертвых.

С открытыми глазами и твердыми руками она воткнула сталь себе в лицо.

И закричала.

10

Сухой сезон. 1577 год П. П.

*Гребем! Гребем! Гребем! Гребем, никчемные сучьи дети!
И держим ровней!*

Кейл выкрикивал и хлопал в ладоши, оставив свои два весла расположенными на носу катамарана. Десять мальчишек перед ним раскраснелись и вспотели в спокойном море, усиленно налегая на одиночные длинные весла, но Кейл чувствовал, как их лодка медленно и неуклонно смещается влево.

- *Сколько братьев правят этой лодкой?*
- *Десять, брат!* – крикнули девять в ответ.
- *Сколько по левому борту?*
- *Пять!*
- *Сколько по правому борту?*
- *Пять!*

– Тогда какого хрена мы дрейфуем влево! – Тишина. – Я скажу вам почему! Потому что Афа устал. Верно, Афа?

Самый свежий новобранец в команде Кейла, несомненно, зарделся бы в утреннем свете, не покрасней его лицо заранее.

– Да, капитан, – сказал он. Кое-кто из юных моряков поморщился.

– Да, *брат!* – выкрикнул Кейл, затем успокоился. – И я знаю, что ты устал. Мы все знаем. Потому что елозишь своим веслом по воде, как вялым членом.

Юнги все еще гребли мало-мальски в унисон, кряхтя и охая от усилий, и Кейл почувствовал себя почти так же, как тогда, когда затеял драку с Тхетмой на пляже.

– Хочешь знать, кого это волнует? – Он выждал, затем подался вперед и снова повысил голос до крика: – *Нас, черт возьми! Потому что твоим братьям надо, чтоб ты не отставал, иначе мы все отправимся домой несолоно хлебавши, с позором, из-за тебя, и твои мамочка, папочка и сестры не помогут тебе, Афа. Никто...*

Он умолк, глядя на море и сдерживая вздох облегчения.

– Почему мы дрейфуем назад? И замедляемся? – Он указал на гребцов по левому борту. – Хотите продуть ради него?

– Не стали бы... мечтать об этом... брат, – пропыхтел один из юнг между взмахами.

Кейл покачал головой.

– Как мило. Любая другая чертова команда вот-вот проплывет мимо нас, но мы остановимся и возьмем Афу под

ручки. Так, что ли?

– Вовсе нет... брат... мы просто... устали, – отозвался другой юнга.

Откинувшись на скамье, Кейл принял свой самый возмущенный вид и произнес:

– Что ж, когда нас выпрут из флота, я вернусь домой к шелковым простыням и наложницам, так что какое мне дело. Гребите обратно к берегу.

Юнги вставили свои весла между балансирами – боковыми поплавками, закрепленными с обеих сторон лодки, – и повернули обратно к пустому пляжу. Кейл какое-то время лежал молча, наблюдая за почти всегда спокойными волнами Северного побережья, очень стараясь не выглядеть довольным.

На полпути назад он заговорил снова, более мягким тоном:

– Мы поупражняемся снова через пять дней, судари. И, Афа, если к тому времени ты не начнешь соответствовать уровню этого экипажа, клянусь, я брошу тебя в море, к Роа. А морсержанту сообщу, что произошел несчастный случай – не то чтоб ему было не насрать, если б мы все утонули. – При этих словах некоторые из ребят фыркнули.

– Брат, – лицо салаги еще оставалось красным, но не испуганным, – почему бы нам не использовать барабан, чтобы держать ритм, как другие команды?

Кейл не оглянулся.

– Потому что они от этого глупеют. Становятся рабами звука. Здесь вы наблюдаете за братьями впереди, наблюдаете за водой, за берегом. Грести вровень – *ваши* ответственность. Барабан – это отговорка. Он и тот, кто его держит, – никчемный груз. Вместо этого я помогу грести.

Лодка вскоре скользнула в песок, и ребята принялись крепить ее к пляжному бую. Кейл выпрыгнул, решив им не помогать.

– Правый борт – хорошо потрудились сегодня. Левый... – Он театрально закатил глаза и отошел.

Но вернулся назад, чтобы посмотреть, и улыбнулся про себя, наблюдая, как «Здоровяк» Фаутаве обнимает одной рукой изнуренного Афу. Тот знал, что говорил, более-менее.

– ...Отличная работенка сегодня. Хорошо для первого раза. Не обращай внимания на принца, он просто расшумелся. И мы приглядим за тобой. Но теперь есть над чем поработать. Во-первых, ты должен объедаться до тех пор, пока ежесекундно не будешь готов лопнуть, – это сделает тебя сильнее. Отныне ты ешь, спишь и срешь ради своих братьев, Афа. Затем нужно больше практики – можешь заниматься с нами рано утром, а иногда есть время после обеда перед повторной строевой...

Кейл знал, ибо уже говорил то же самое или нечто в этом роде. Он вспомнил первый день, когда увидел их – свой изначальный экипаж. Десятеро самых неопытных, тощих, малообещающих салаг, стоявшие на пристани в ряд, обозлен-

ные и напуганные. В основном это были фермерские сынки вроде Тхетмы или ребята, пришедшие во флот, потому что им больше некуда было идти. Он встал перед ними и поведал им правду.

– Старшины думают, что все вы дерьмо, а морсержант ненавидит меня, потому что я принц. Вот почему мы вместе. – Он увидел изумление. – Они *ожидают*, что мы продаем каждое состязание. Станем худшей командой – командой, которая уйдет домой с позором. Вообще-то они этого *хотят*. – Он вышагивал, чувствуя гнев подопечных. – К счастью, морсержант и его прихвостни – идиоты.

Парочка нервных улыбок.

– Большинство других юнг? Из флотских семей. Никогда в жизни не знали трудностей. Никогда не были вынуждены пахать ради победы. Это парни, которым почти нечего добиваться, кроме признания. И нечего терять, кроме своей гордости. – Он улыбнулся. – Парни типа меня.

– Тогда почему тебе не пофиг? – спросил кто-то как по заказу.

– Потому что я хочу вымазать дерьмом харю морсержанта Квала, и офицерские морды тоже. Потому что я *ненавижу* парней типа меня и хочу вымазать дерьмом спесивые рожи кое-кого из *них*. И потому что я верю: с моей помощью вы не только пройдете испытания, а одержите полную чертову победу. И я хочу смотреть вам в лица, когда эти придурки будут у вас в кильватере. Я хочу знать, как выглядит насто-

ящая гордость, когда не подающие никаких надежд сыновья делают невозможное, собственными руками и собственным потом. Я хочу ощутить ваш триумф, и да, не скрою, хочу разделить его с вами. – Он выждал и посмотрел каждому из них в глаза, гордясь тем, что говорит правду.

– Это будет нелегко. Пока еще они лучше вас, и как их одолеть – вам решать. С моей стороны, я клянусь идти до конца. Мы начнем утром, до восхода солнца. А иначе продолжайте дрыхнуть, и будем тренироваться, лишь когда прикажут. – И он ушел, оставив их болтать и думать.

Той ночью Кейл практически не спал. Но когда спозаранку явился на пристань, все они уже ждали.

– Готовы к службе, капитан.

Первым подал голос Фаутаве: долговязый, глуповатый сын торговца, поступивший на флот, когда ежегодные долги его отца превысили его же годовую прибыль. С того первого дня малец набрал сорок фунтов мышц, так что раннее прозвище «Здоровяк» превратилось из шутки в символ.

Остальные встали по стойке смирно – в том числе Тхетма. Более развитой и самоуверенный, чем остальные, – но Квал знал, что он друг Кейла, и только за это хотел выпереть его. Но, должно быть, предположил, что Тхетмы будет недостаточно, чтоб спасти удручающую во всех прочих отношениях команду.

Кейл ухмыльнулся им и прошелся вдоль шеренги.

– «Капитан»? Забудьте эту чушь, мы все тут лишние сын-

ки – одно дерьмо в одной дыре. И это делает нас братьями, *Ка?*

– *Ка, сэр!* – Большинство мальчишек улыбнулись. Это приятно – иметь столько братьев, особенно принца. Даже мнимых братьев, даже невлиятельного принца.

Он рассказал им про испытания, подготовку, питание – и все это требовалось втиснуть в обычный флотский распорядок. Затем он рассказал им про обман.

Он знал: им понадобится обмануть офицерство, заставив поверить, что улучшений у команды нет, – или рисковать препятствиями. Эту идею приняли довольно хорошо. И весь следующий месяц они каждый день работали аки мулы, всякий раз приступая к еде словно к святому ритуалу, набивая до отвала животы. Они вместе сидели, вместе шутили и делились своими историями.

Определенный дух товарищества сложился в большинстве команд – или как минимум среди некоторых юнг в каждой команде. Но все мальчики в команде Кейла называли теперь друг друга «брат» и делали это искренне. Порой они и вздорили как братья – но всегда недолго; прощение легко срывалось с языков. У них были другие враги, с которыми нужно бороться, и все они это знали.

Вскоре они уже не боялись отстать друг от друга, или выглядеть глупо, или продуть. На самом деле не имело значения, кто из них лучший и быстрее. Каждый победитель делился знаниями, каждый проигравший спрашивал совета.

Значение имела лишь предстоящая финальная победа – победа, которую они разделят на всех, – и его юнги ежедневно догоняли других новобранцев: их уверенность, сила и привязанность друг к другу росли в равной мере с их мастерством.

Но затем, через несколько дней по прошествии первого месяца, Титоу – сын соледобытчика и один из сильнейших у Кейла – пренебрег договором. Он занял десятое место в общей гребной муштре, обогнав моряцких сыновей и рыбаков, чем поверг в ошеломленное молчание офицеров, а морсержант Квал совсем озверел.

– Да ты, видать, пьян! – завопил он, казалось, не улавливая иронию ситуации, ковыляя туда-суда перед ротой. Офицеров он обвинил в том, что они завели на учениях любимчиков. Победителей устыдил за медлительность, хотя они прилично уложились в норму. Не столь удачливых толкал или бил, рывкая «позорище» съезжившимся юнгам. Капитанам заявил, что следующего моряцкого или рыбацкого сына, который хоть в чем-то продует на море фермеру или шахтеру, возьмут и утопят. А потом он раздраженно удалился, не отдав команды разойтись, и они просто перепуганно стояли, пока опускалось солнце и остывал морской бриз. В конце концов вернувшись, Квал обозвал их идиотами, сказав, что *разумеется*, они могут идти к себе в казармы, *очевидно*, им была дана команда разойтись. Тем не менее, все они уходили медленно – даже офицеры.

Неделю спустя, в столовой, Квал с обычным крутым видом поднялся на трибуну впереди. Он сообщил, что в интересах беспристрастности нужно «переуравновесить» команды, затем дал список имен, который прочли офицеры, потому как для большинства юнг чтение было загадкой. Вскоре стало ясно, что изменение вносилось лишь одно: вместо Титоу назначался Калани – маленький, более слабый участник из другой команды. Мальчики были подавлены, особенно Титоу. Подобное было беспрецедентным, но Кейл совсем не удивился.

Он знал, что морсержант ненавидел его изначально – даже больше, чем всех остальных. Однако после исчезновения Кейла ко двору – выходного «по запросу короля» – эта ненависть стала явной. Кейла регулярно унижали в присутствии других или отправляли на пробежку без причины, пока все остальные наслаждались отдыхом. Его даже отвлекали от важных тренировок грязной работой вроде чистки корабельных корпусов.

Поначалу его это не очень волновало. Морсержант был жесток и к другим пацанам. И уж тем более Кейл не собирался провести всю жизнь на флоте. Но казалось, он не может позабыть свой танец с Лани – то, что она ему сказала; выражение ее лица. Из-за этого он не мог спать по ночам, иногда сердитый, иногда грустный, размышляя о своей жизни. О ней. И однажды, когда он увидел, как морсержант без всякой на то причины плюнул в суп одному из младших юнг,

что-то изменилось.

Кейл начал вставать за несколько часов до первой строевой, в потемках — обычно чтобы бегать, плавать или грести. Он упражнялся в оснастке судов, хотя весь такелаж ему приходилось убирать, пока кто-нибудь не проснулся, да и трудно было работать одному и при скудном освещении. Зная, что в случае поимки его могут выпороть, сын короля он или нет, Кейл все равно продолжал в том же духе и принес из дворца свечи и книги для чтения, полагая, что худшее, что может случиться, — это обзавестись парочкой мужественных шрамов. Он читал о военной тактике старых адмиралов эпохи до объединения Пью. Изучал особенности боевых и разведывательных кораблей. Штудировал учебные пособия, адресованные как сухопутным крысам, так и флотской элите. Он даже читал историю войн Пью, засиживаясь ночами в койке почти до самого восхода солнца.

Некоторые юнги в казарме увидели его за этим занятием и бросали нечто вроде «чтение — это для слабаков и трусов», зная, что он услышит. Разумеется, они никогда не говорили этого *ему*, просто друг другу в его присутствии. Но когда Кейл смотрел в их глаза, он видел хрупкие маски. Он видел зависть и злость, а больше всего страх. Они боялись мира, которого не понимали, боялись собственного невежества, злились на богачей и их сынков, имеющих то, чего не имели они. Почти никто из этих мальчишек не умел читать, кроме нескольких простых слов. Какой у них был выбор — сохра-

нить свою гордость, но смотреть свысока на тех, кто умнее?

Тогда он испытал стыд и беспомощность. Стыд за привилегированную жизнь, о которой эти сыновья простолюдинов не могли даже мечтать. Стыд оттого, что у него было полдюжины учителей и доступ к любой желаемой книге, а он всегда считал это обузой.

Он также знал, что не может изменить их способности. Он не мог ни обучить их, ни переубедить. Не по-мужски чувствовать себя слабым, или глупым, или неумелым, и никто из юнг не примет его попытку предложить им помощь. Это лишь послужит очередным напоминанием о разнице между ними, об их собственных изъянах и несправедливости жизни.

Кейл снова почувствовал одиночество и непреодолимое желание спрятаться от мира. Он спрятал книги и выскользнул, чтобы посидеть с ночными дозорными и почитать при свете факела, но чувствовал не меньше опасений за других и не меньше стыда. Вскоре каждый случай пренебрежения, каждый момент жестокости, каждая попытка морсержанта сломить юнгу, которого следовало воспитывать, воспринимались Кейлом как удар под дых. Он больше не мог мириться с этим. И не будет.

* * *

Однажды ночью Кейл отправился в офицерские казармы,

чтобы повидать Квала. Юноша в своих брюках и грязной рубашке выглядел как жалкий новобранец. Идти было недалеко, а в небе сияла луна – пару минут он шел по утрамбованному песку вдоль безопасного по большей части пляжа, уворачиваясь от коряг, крабов, кидающих камушки пацанов, игнорирующих отбой морпехов и юных влюбленных.

По сравнению с гадюшником юнг офицерские казармы выглядели прямо-таки роскошно. Втрое большего размера и вполонину меньше жильцов; фонари с китовым жиром освещают мягким светом коридоры; гладкие деревянные полы не хрустят, а клацают под ногами, кое-где даже устланные шкурами зверей... Жилых помещений Кейл не увидел, но прикинул, что на кроватях настоящие матрасы.

Ему пришлось расспросить парочку раздраженных старшин, но в итоге Кейл нашел своего морсержанта за столом с другими мужчинами. Похоже, играли на деньги.

– Морсержант Квал. Можно вас на минутку, сэр?

Все мужчины повернулись, но, не проявив интереса, вернулись к игре. Квал долго сидел, вытаращившись, затем отвел взгляд и произнес:

– Чего ты хочешь?

– Мне надо кое-что обсудить, сэр. Наедине, пожалуйста. Офицер не поднял глаз.

– Как видишь, я занят.

– Да, сэр. Я рад подождать. – Кейл нашел себе стул.

– Это офицерская столовка, новобранец. Здесь тебе ждать

нельзя.

Что ж, если именно так тому и быть...

– Этим вечером я принц Ратама, морсержант. Не «новобранец». Думаю, эти господа меня потерпят. – Он с некоторым удовольствием смотрел, как остальные за столом напугались.

Игра в кости прекратилась, несколько мужчин прочистили горло. Один из них посмотрел на Кейла с застывшей на лице вымученной улыбкой:

– Принц Ратама? Я морсержант Веа – очень приятно познакомиться. Мы все знали, что вы тут с нами, но этот жадина Квал где-то прятал вас. Добро пожаловать.

Кейл улыбнулся, кивнул:

– Благодарю, морсержант. И простите, что помешал вашей игре, но не могла бы она выдержать короткий перерыв? Я верну морсержанта Квала без промедления.

– Конечно. Никаких проблем. Пожалуйста. – Веа указал на стулья.

Трое других мужчин встали с фальшивыми улыбками, собирая свой выигрыш или переживая проигрыш, и направились в конец зала, очевидно к своим спальням. Кейл предвидел, что они не вернуться.

Квал сверлил его глазами, и взгляд этот говорил о многом – но не слишком приятном.

– Извиняюсь за все это, но я не...

– Просто начинай уже.

Кейл поерзал на сиденье.

– Ну ладно. То, как вы обращаетесь с новобранцами – мне это не нравится.

Квал молча приподнял брови.

– Это перебор. Я провожу с ними каждый день и могу видеть, что ваш метод не работает. Скорее наоборот, заставляет их стараться меньше и действовать хуже, чем они могли бы в ином случае.

На пару мгновений затянулось молчание.

– Ты что, стал знатоком? Несколько месяцев как новобранец, и уже знаешь мою работу лучше, чем я? Так?

Кейл не знал, что сказать. «Да?»

– Проводишь время с лучшими из лучших, не так ли? Или ты просто расстроен, что страдают самые *худшие* рекруты? Как *благородно*. Ну, знаешь что, избалованный мелкий сопляк... Здесь, в реальном мире, люди проигрывают. Люди голодают. А всевозможные никчемные идиоты недостаточно хороши для того, чтобы быть матросами или морпехами. И я не хочу, чтоб они ими были, потому что в один прекрасный денек из-за них просто убьют остальных.

Кейл ощутил, как в нем поднимается знакомый жар.

– Они не *никчемны*. Им просто нужно больше руководства – *лучшего* руководства. Может, какое-нибудь гребаное *поощрение*.

Квал пренебрежительно фыркнул, но его шея покраснела.

– Ты, мелкий чванливый засранец. Думаешь, ты знаешь

лучше? Как будто я не занимался этим пятнадцать гребаных лет?

– Один и тот же паршивый год пятнадцать раз кряду, мор-сержант?

Они оба встали.

– Кем, черт подери, ты себя возомнил, *новичок*? Принцем флота, да? Как думаешь, что сказал мне человек твоего отца, когда ты сюда пришел? Думаешь, я не знаю, что ты останешься здесь, пока он не скажет иначе? Не знаю, что он хотел тебя убрать с глаз долой? Как думаешь, какой властью ты здесь наделен, юнга?

Мужчина рванулся вперед, одной рукой схватив Кейла за горло и стиснув другую в кулак, толкнул парня назад, прижимая к стене, и медленно заговорил:

– Я могу избить тебя до крови, и кому ты расскажешь? Я твой командир, а ты – непочтительный, недисциплинированный *новичок*. Твой собственный отец знает, каков ты. Да он бы *поблагодарил* меня за то, что я учу тебя кое-каким богом клятым манерам.

Вероятно, и так, если тебе это удастся.

Кейл видел в глазах офицера удовольствие и победу. Страх, который он испытывал от осознания правоты мужчины, не заставил юношу забыть, зачем он пришел, но что он мог сделать? Хватка на его горле немного ослабла – Квал уже получил, что хотел.

– Убирайся с глаз моих. И не приходи сюда больше. Про-

сто держи рот на замке, не трать попусту время, и я дам тебе уйти со флота в целости. А иначе... — Он пожал плечами, затем ударил толстым кулаком рядом с головой Кейла. — Я сделаю твою жизнь невыносимой. — Отпустив Кейла, он вернулся к столу, чтобы собрать свои вещи.

Кейл отмел порыв запрыгнуть офицеру на спину и повалить его на землю. Квал являл собою двести фунтов злого, пьяного морпеха. Битва будет краткой и неравной... На слегка дрожащих ногах Кейл вышел в ночь.

Но это было пять месяцев назад. Время года изменилось. Небеса — владения Ранги — взбаламутило муссоном, и вздымались огромные волны, но не достигали Шри-Кона, и как минимум неделю или две островитяне держали свои мысли о злобных богах при себе. А теперь солнце запекало все открытое ему до выбеленной, иссушенной кондиции, и рекруты прятались в тени не меньше, чем тренировались.

В ту ночь после стычки с офицером Кейл вернулся к себе и сидел на казарменной койке, лихорадочно соображая, затем взял перо с бумагой и составил письмо, которое попросил Тхетму отнести во дворец, когда тот сможет.

— Лично в руки Амиту из Нарана, брат. Если не сможешь его найти, просто вернись.

Тхетма ушел, не задавая вопросов. Он преодолел кордоны и сотню пристальных взглядов слуг с вопросами о том, зачем почерневший от солнца новобранец бродит по дворцу

и требует иноземного наставника, но все-таки нашел Амита. Затем он вернулся и подмигнул с заносчивой ухмылкой, и Кейл сдержал желание обнять его.

Старик нанес визит несколько дней спустя и после того, как Кейл объяснил свою проблему, сразу же согласился помочь.

– В моей стране есть старая поговорка, – сказал он с усмешкой, – что не существует правил на войне. Я всегда считал ее нелепой. Правил явно не существует *вообще*.

К тому времени, как морсержант Квал сформировал команды и передал Кейлу его «партию» бедолаг-новобранцев, они с Амитом обсудили свои планы на месяцы до итоговых состязаний и завершения учебы. В основном именно Амит разработал необходимые рекомендации по питанию, заявив, что они крайне важны для атлетов и воинов у него дома. Но превратить мальчишек в команду предстояло именно Кейлу.

Первые несколько недель прошли в относительном спокойствии, пока офицеры Квала не начали замечать перемены в новобранцах Кейла. Тогда последовали ограничения – меньшие порции во время трапез, выдаваемые казенными поварами. Так что Амит помог Кейлу проносить еду в казармы. Они заплатили одному фермеру – другу семьи Тхетмы – и возили припасы ночью на тележке, пряча их под койками или в небольших ямках. Когда офицеры стали находить тайники, Амит подкупил некоторых работников кухни.

Затем появились «добавочные обязанности». Юнгам Кейла поручали множество чрезвычайно тягомотных заданий, призванных отнимать свободное время – обустройство кладовых или рытье канав, чистку оборудования примитивными средствами. Конечно, все это не очень способствовало тренировкам, поэтому Амит нанял местных мальчишек, чтобы они помогали делать работу. Кейл тайком приводил их, одетых флотскими новобранцами, а его юнги шли упражняться. Никто из офицеров ни разу не задерживался поглядеть.

Наконец, когда мелкие помехи не возымели действия, последовали ротации. С этим проблем возникло больше. Кейл с самого начала приказал своей команде скрывать достигнутые улучшения – следовало проваливать все групповые и частные муштровки без исключения или хотя бы справляться не без труда, памятуя, что важен лишь финал. Но Титоу, как на грех, не отличался смышленостью, и его рвение одержало над ним верх. Физические изменения в мальчиках бросались в глаза как ни крути, но десятое место в состязании, раньше приносившем тебе девяностое, стало куда более очевидным, как удар молотком по гвоздю.

Само собой, остальные юнги замечали «особый подход» отряда Кейла. Но только когда начались перетасовки, пошли разговоры. Некоторые из капитанов даже спросили Кейла, какого черта происходит, и юноша испытал побуждение рассказать им. Но взамен ответил, что не знает – он им не до-

верял и, скорей всего, не мог, — сознавая, что его команда слишком многое рискует потерять.

В ответ на перестановки Кейл составил список всех неуспевающих мальчишек своей «партии». Он побеседовал с ними по очереди (что не составило труда, ведь большинство из них слыли кем-то вроде изгоев для собственных команд), попросив каждого из них посещать тренировки с его юнгами, более-менее влиться в коллектив, объяснив, что случившееся с Калани вполне может случиться и с *ними*, так что лучше бы им готовиться уже сейчас. Он сказал, что рад поработать с ними, даже если их никогда не перетасуют, — и большинство согласилось. Но приучить к новичкам его первых ребят было труднее.

Они так привыкли друг к другу и к ощущению собственной исключительности и особенности, что не приняли перемену. Но Кейл объяснил, что на самом деле все они тоже братья, и если его юнги не будут упражняться с ними, то все, что они делали, может оказаться напрасным. По его словам, проблемой был именно Квал, и все вместе они заставят его съесть дерьма. К тому же для переведенных мальчишек это способ остаться с командой. Они неохотно согласились.

Так оно и шло. Неделю за неделей, месяц за месяцем новобранцы Кейла формально выполняли самый минимум, негласно работая усерднее, чем кто-либо еще. Они наращивали мышцы, терли мешки недосыпа под красными глазами, ковыряли свои мозолистые ладони и держались особняком.

Они постоянно не отвечали нормам во всех возможных видах муштры. Начиная с гребли и заканчивая плаванием, лабиринтной и оснасткой, они были, по всем официальным показателям, худшей группой новобранцев, какую когда-либо видел флот.

Ответственность за это офицеры возложили целиком на Кейла – очевидно, то был худший из возможных конфузов для принца. Всякий раз после муштры они орала на него за каждое проявление бездарности его команды; оскорбления, мат и угрозы становились все изобретательнее с каждой неделей. Его грозились лишить должности, вышвырнуть из флота, полностью распустить его команду. Но он знал, что Квал этого не сделает. Поэтому просто стоял и выслушивал это при всех. «Да, сэр, простите, сэр, мы добьемся большего, сэр». А затем, рано утром или поздно ночью, они тайно обсуждали лучшие результаты в отряде.

Но под вопросом оказались только лидерские способности Кейла, не его личные заслуги. Сам он не имел нужды в обмане – уж его-то в другую команду не сплавят.

Он набивал желудок так же часто, как и его отряд, упражнялся столько же или больше и обзавелся мышечной массой не хуже, чем у Фаутаве. Каждое мгновение дня, отведенное ему временем и собственным телом, он практиковал муштру – не только чтобы приобрести знания и тем самым научить других, но и чтобы заслужить их уважение.

Во всех индивидуальных смотрах Кейл выкладывался на

все сто. Ко второму месяцу он оказался среди лучших, занимая двадцать пятое место почти в чем угодно. Он был далеко не самым сильным юнгой и всегда проигрывал многим другим в соревнованиях на скорость. Не было у него и шансов против двух дюжин рыбацких сыновей всякий раз, когда речь шла о такелаже, навигации либо маневрах, сколько бы он ни практиковался. Но к третьему месяцу он выиграл заплыв на длинную дистанцию.

Он вообще-то не планировал победу – и уж точно ее не ждал. Но пока он продирался через море, ныряя под волны и ощущая, как горят конечности и грудь, его соперники один за другим отсеивались. Он выполз на четвереньках на раскаленный белый песок и увидел шеренгу тех, кто сдались, обессиленно лежащих возле своих команд. И хотя это было всего лишь средство достичь цели, своего рода зрелище, чтобы обеспечить уважение собственных юнг, пока он притворяется, что знает все ответы в мире, Кейл вынужден был признать, что почувствовал себя... ну... круто.

Они поздравили его своей обычной смесью похвал и грубостей. Юнги вытащили его из моря обессиленным и дрожащим, допытываясь, как он это сделал; его почти безвольные руки лежали на плечах Тхетмы и Фаутаве. Как и тогда, в их первый день на пляже, он сказал им правду, и это чувство было как бальзам на его сердце. – Я плыл за вас, братья. Мы плыли вместе.

Они тут же отшутились, но затихли, и он почувствовал,

как их руки хлопают его по спине, когда они уносили его, как приз. Это был хороший день.

Но были и плохие дни, так как перетасовки продолжались. Одна в месяц, затем одна в неделю. Всего пятеро юнг – половина команды. Квал явно больше не знал, кто лучший или худший, просто выбирал кого-то наугад, заменяя неудачником из другой команды. Только вот и *это* становилось все труднее.

Работа Кейла с более слабыми юнгами начала приносить свои плоды, и большинство замен было бы точнее описать как «заурядные». Затем, после перевода, к потехе либо замешательству друзей или врагов, показатели новобранца в отряде Кейла *снижались* до уровня остальных ребят. Офицеры казались сбитыми с толку.

Настроение Квала каждый день портилось все больше. Он срывался на офицеров, на капитанов, равно на слабых и на сильных – когда вообще снисходил до разговоров. Он полностью избегал «партию» Кейла, исключая лишь те моменты, когда надзирал за муштрой и давал самые беглые указания. Всей повседневной рутиной, от утренних проверок до времени приема пищи и отбоев, занимались его офицеры. Он даже не взглянул на Кейла с той ночи в офицерской столовой.

Его отсутствие стало таким же привычным и желанным, как и большинство других сторон жизни на флоте, и поэтому стало некоторым сюрпризом, когда за две недели до ито-

говых соревнований морсержант вызвал Кейла среди ночи. Такого они с Амитом не предвидели.

* * *

Один из офицеров разбудил Кейла и вывел во мрак. Ночь, как и большинство предыдущих, выдалась жаркой и душной, и двери казармы были открыты для слабого ветерка.

— Твой морсержант хочет поговорить с тобой, новичок, — прошептал посланец, и они пересекли пляж в тишине; теплый ночной воздух сухого сезона дул в сторону океана, на небе висел тонкий месяц.

У молодого офицера даже не было факела, и принц из всех сил старался не споткнуться и не ушибить пальцы ног, пока его ум лихорадочно работал. Они шли вдоль все того же давно знакомого Кейлу белого побережья, но теперь оно внезапно показалось угрожающим.

Что задумал Квал? Пригрозить мне или команде каким-нибудь сфабрикованным обвинением? Выпороть нас или вышвырнуть с флота?

Допустит ли король, чтоб его сына порол кто-то, кроме него? Может ли сержанту сойти с рук избиение Кейла до бесчувствия?

Нет, его сочли бы слабаком, он может это сделать только сам.

Король не может позволить собственным людям запросто

издеваться над его сыновьями, даже если втайне не отрицает это. Если морсержант собирается навредить ему, это случится внезапно, будет выглядеть как несчастный случай и произойдет наедине, так что присутствие посланца успокаивало Кейла.

Если только этот офицер не чрезвычайно предан Квалу или не целиком в его власти. Или Квал может устроить так, что меня с посланцем атакуют на пляже «злоумышленники» среди ночи...

Он обшаривал глазами пляж, но не мог ни хрена разглядеть. Возможно, покинуть казарму вообще было ошибкой. Ну и что бы сделал этот парень, протащил тебя через сотню мальчишек, пока ты с ним дрался? Чертов дурак. Теперь тебя зарежут ножом на берегу за то, что вел глупую игру против жестокого, пьяного ублюдка.

Он едва не развернулся, чтобы удрать. Но затем увидел впереди свет, ноги двинулись сами собой, и спустя еще одну длинную минуту он стоял неубиенный у офицерского здания, а меж тем его «проводник» открыл дверь, пропуская Кейла внутрь. Он прошел по узкому коридору в какую-то комнату для совещаний, где обнаружил большой стол и дюжину стульев. Морсержант Квал, одетый в мундир, одиноко сидел на дальней стороне с кипой документов.

– Спасибо, лейтенант, на этом всё.

– Сэр. – Мужчина четко кивнул и ушел, и Кейл с морсержантом остались одни.

Квал указал на стул.

– Добрый вечер, принц Ратама. Извиняюсь за обстоятельства, но я хотел поговорить до утра.

Ах, он «извиняется»? Какого черта?

– Все... в порядке.

Мужик улыбнулся.

– Во-первых, должен тебе поаплодировать. Ты был прав насчет некоторых из более слабых рекрутов – они добились заметных улучшений, во всяком случае, при верном руководстве.

Кейл моргнул, не находя слов, а улыбка мужчины сделалась глумливой.

– К сожалению, этот руководитель – не ты. – Он подтолкнул несколько листков через стол. – Это служебные оценки твоей команды за последние несколько месяцев. Они откровенно неприемлемые. Не припомню, чтобы когда-то видел более низкую общую оценку или столь же долгий период времени почти без улучшений. Мы пробовали перетасовку некоторых рекрутов, чтобы посмотреть, сможем ли что-то изменить, но это явно не удалось. Похоже, что и толковые рекруты достигают меньшего под твоим началом. Офицеры говорят мне, ты не прилагал вообще никаких усилий.

Кейлу не требовалось смотреть на оценки.

– Итак, с завтрашнего дня мы отстраняем тебя от командования. Мы дадим возможность исправить твои косяки другому новобранцу, который станет капитаном вместо тебя,

а ты займешь его место как простой матрос в другой команде. Надеюсь, когда бремя руководства спадет с твоих плеч, ты покажешь себя достаточно хорошо, чтобы закончить учебу.

Лицо Кейла вспыхнуло. С губ едва не слетели непристойные ответы.

– Я послал весточку твоему отцу.

При виде застывшего Кейла сержант расплылся от удовольствия.

– И хотя он разочарован, если не изумлен, что его сын вообще не имеет способностей к руководству, он согласен с моим мнением на основе этих итогов. Однако тебе должно быть *очень* приятно услышать, что за исключением тебя самого я воссоединяю твою *первоначальную* команду для финальных испытаний, как и намеревался все это время.

Выражение лица Квала преобразилось, внезапно став таким же, как несколько месяцев назад в офицерской столовке, когда он держал Кейла за горло. Он подался вперед, и юноша учуял, как от него разит ромом.

– Само собой, просто для ясности. Они *все равно* проиграют, потому что их новый капитан, черт возьми, позаботится об этом, даже если ему придется сломать их богом клятые весла. Но не беспокойся о нем, он останется на следующий год, возможно моим личным помощником. Остальные твои новобранцы, к сожалению, будут уволены из флота. Но не ты. Тебя спасут, передав *толковой* команде в последний

момент – исключительно потому, что ты сын короля, что будет очевидно. *Каждому*. – Он откинулся назад, снова заулыбавшись. – Командам сообщат о перетасовках завтра. Я просто хотел, чтобы ты узнал первым. Из... *уважения* к твоей прежней должности капитана и, само собой, к твоему титулу принца. Благодарю тебя, *рекрут*, на этом всё.

Логика наконец вернулась, но не принесла пользы. Очевидно, что первая рокировка была сделана не затем, чтобы помочь команде Кейла, но Квал сумеет это объяснить. Никто не поверит, что эти оценки были получены намеренно. Офицеры, безусловно, поддержат Квала. И что изменится от слов горстки шестнадцатилетних юнг? От слов опального сына?

– Ты можешь *идти*.

Кейл встал и почувствовал, как меркнет в глазах. Он побрел прочь из казармы, держась руками за стены для опоры.

Во имя всех богов и духов, нет. Мои юнги, мои бедные юнги.

Все их старания, вся борьба – все впустую. И что еще хуже – он заставил их поверить, поверить, что если они просто будут достаточно усердно трудиться и держаться вместе, то смогут победить и управлять своими жизнями. *Что может быть большим грехом*, подумал он, *чем дать ложную надежду – и отнять ее?*

Объявление прозвучало за завтраком, но Кейл заранее со-

общил своим юнгам на тренировке утром. Они, к его удивлению, весьма обрадовались.

«Старая команда снова вместе! Как мы и задумывали, братья!»

«Мы еще всё выиграем, капитан! Не бери в голову!»

Даже пятнадцать новичков, тренировавшихся с ними, сочли это справедливым.

— Не суть важно, кто новый капитан, эти парни зададут нам всем жару.

Кейлу хотелось рассказать им о саботаже, о том, что Квал собирается уничтожить их, что бы они ни говорили и ни делали, и причина даже не в них. Но он не мог. Он просто не мог этого сказать. Они были преисполнены такой уверенности, что он не мог заставить себя отнять надежду, не сейчас, когда у них осталось так мало времени.

Другие капитаны открыто жаловались. Больше ненужных перемен, больше работы для них, больше вмешательства — и так чертовски близко к финалу. Затем, когда офицер объявил, что Кейл теряет командование и вступает в отряд капитана Лауаки, а на смену ему приходит рекрут Ютани, в палатке стало тихо. Несколько юнг ухмыльнулись, большинство посмотрели на Кейла, ожидая его реакции, или на Ютани, кто-то уставился в пол. Кейл последовал совету Тхетмы и зачерпнул ложку каши.

Капитан Хаку, моряцкий сын в пятом поколении и, очень вероятно, капитан лучшей команды в целом, заговорил. Он

был человек немногословный.

– Почему, сэр?

Офицер прищурился.

– Потому что так приказал морсержант, Хаку. И потому, что у рекрута Кейла самая отстающая команда в группе.

Вновь тишина.

– Извините, сэр. Но каждый в этой палатке знает, что это полная хрень, сэр. Они одни из лучших. Они просто скрывают свои успехи.

– Мы совершенно точно этого *не* знаем, рекрут. И если кто-то из вас думает, что с вами обращаются незаслуженно, вы вольны обсудить это с морсержантом. Если нет, следуйте приказам и держите ваши гребанные рты на замке. Это понятно?

Мужчина выждал, чтобы увидеть, не расхрабрится ли кто-то еще. Нет, никто.

– В таком случае вы будете рады услышать, что сегодня вечером, как награда за ваши старания в эти последние несколько месяцев, состоится официальный кутеж.

Каждый моряцкий сын улыбнулся, кроме самого Хаку.

– Вы отправитесь в город. Вы забудете на один вечер, что ваши тела целиком принадлежат Флоту. Вы будете пить, есть и трахать все, что получите законным путем. И вы будете оплачивать это монетами Флота, которые вам раздадут капитаны.

Несколько юнг заплодировали.

– Но вы не *нарушите* ни один из королевских законов, и вы не *опозорите* свою униформу. Судари, если завтра в моих руках будут рапорты об избиениях, изнасилованиях или порче имущества, я буду винить некоторых в этой палатке. Если будет хоть *намек* на то, что причиной стал кто-то из вас, вы уйдете из Флота ни с чем, кроме собственного хрена в руках, или будете гнить в местной каталажке. *Ка?*

– *Ка, сэр.*

– Прелестно. В таком случае до конца дня вы свободны. Увидимся завтра утром. Ну, когда *проснитесь*. – Он улыбнулся и вышел через грязный палаточный полог под несколько улюлюканий и радостных возгласов. Кейл попытался не выглядеть несчастным.

Е

му пришла идея убить Ютани или хотя бы покалечить настолько, чтобы тот не смог состязаться спустя две недели. Сержант мог попытаться отстранить всю команду, предположил Кейл, или дать ей нового капитана, который выполнит всю грязную работу, – но, по крайней мере, сам он *сделал* бы хоть что-то.

Вторым вариантом, пожалуй, было убеждение или запугивание. Но так или иначе, Ютани мог солгать. Если Кейл предъявит ему знание о планах саботажа, то, *возможно*, сумеет убедить парня этого не делать. Он мог бы предложить золото, которое наверняка сумел бы украсть из дворца, – а

может быть, с помощью Тейна, должность при дворе или в армии. Но у Кейла не будет никаких гарантий. Юнга мог пойти на обман, и впоследствии его уже не остановишь.

День отдыха Кейл провел, размышляя и нисколько не приближаясь к решению, избегая своих друзей и сидя в одиночестве на пляже, где наблюдал за белыми барашками волн, зарываясь пальцами в песок.

Ну, хоть его мальчишки были в отличном настроении. Когда с приближением вечера Кейл вернулся в казарму, они всю принаряжались. Одни стояли у дешевых кусочков зеркал, рисуя синими или зелеными чернилами линии на своей коже, другие старались расположить дешевые амулеты-кольца точно посередине ложбинки на шее. Само собой, они шутили и поддразнивали друг друга, и Кейл никогда не слышал столько наименований женского влагалища, которые звучали смешно в устах целок.

А еще они поспорили о том, с какой из команд пойдут Кейл и Ютани. Офицеры отдали деньги отряда Ютани – хватит на вкусную трапезу и полдюжины недорогих напитков для каждого юнга, или приличную жрицу любви. Но отряд сообщил ему – «без обид», – что, если он не отдаст их Кейлу и не удержит язык за зубами, его ждет суровая ночь.

Ютани точно хотел избежать такого поворота, но и не желал неприятностей из-за того, что отдаст флотские деньги другому. Последовал напряженный момент, когда Фаутаве встал в полный рост и ждал, вытянув руку: злость, очевидно,

скопившаяся за много месяцев офицерских издевательств, была готова вскипеть и найти любую цель. Все притихли, наблюдая. Спас их новый капитан Кейла.

– Не проблема. Будем держаться вместе. – Капитан Лауаки вечно ухмылялся – слишком некрупный, чтобы годиться кому-то в противники, слишком сметливый и приветливый, чтобы им пренебрегать.

Он хлопнул здоровяка-юнгу по плечу, словно угроза расправы и не висела в воздухе, и в тот же миг она исчезла.

Двадцать с лишком «расходных сыновей», одетые в униформу и более чистые, нежели за пять последних месяцев, маршировали неровным строем к сердцу Шри-Кона, покидая неволю своего детства. Они были сильнее, увереннее и способнее, чем когда-либо в своей жизни, получив полное право развлекаться. А Кейл только и мог, что думать: *Когда мне напасть на него? И насколько сильно покалечить?*

Красная полоса размазалась по небу, как будто витязь Рупи вновь обогрил его кровью зверя-солнца, и Кейл поежился, хотя ветерок не был холодным. Клубок тупой боли у Кейла в животе, обычно приберегаемой для отца, превратился в кислый омут, разбухнувший, стоило вообразить лежащее в переулке тело Ютани, и готовый выплеснуться при мысли о том, как его мальчишек выпрут из-за него с флота. *Надо было мне просто оставить все как есть, подумал он, просто не тратить попусту время, как хотел Квал, и предоставить им самим делать выбор.*

– Помочим-ка свои хрены.

Кейл моргнул, и Тхетма ухмыльнулся ему как идиот.

– Что, брат, хочешь обоссаться? – Здоровяк Фаутаве встряхнул его с таким же широким оскалом.

Вместе они прошли во главе стаи от белого песка к рядам больших плоских камней, похожим на черные черепашии панцири. Каждый из рядов имел посередине желоб – достаточно широкий для разведывательных и мелких торговых судов, которые пересекали по Куби на протяжении миль, направляясь на Юг вокруг верфей и причалов. Кейл, глядя на камни, задумался, кто разместил их здесь: природа или его предки.

У ворот, отделяющих военный округ от собственно города, собралась небольшая толпа людей, приветствующих юнг будто старых друзей.

– Добро пожаловать, солдаты! Ищите выпивку и девочек? Мой трактир прямо вниз по улице! Чистый! Хорошие цены! И вторая порция бесплатно!

Кейл разобрал только это, поскольку мужчина, источник звука, напоминал борова с визгливым голосом. Дюжина других торгашей кричали, махали руками и расхваливали свои заведения. По-видимому, ежегодный «разгул» новобранцев флота был ожидаемым событием.

Кейл сразу понял, что большинство офицеров бывали тут постоянно и, без сомнения, сторговались с местными владельцами. Он попытался прогнать эту мысль, думая о есте-

ственности и неизбежности такого сговора, но все-таки это его раздражало.

– Идемте подальше. Я хочу место, где нас не ждут.

– Есть, есть, капитан Кейл! – поддержал одни из его новобранцев.

– Он *брат Кейл!* – сказал другой, вызвав несколько смехов.

Человек-боров, казалось, собрался возроптать, но вместо этого он гротескно улыбнулся и помахал следующей группе. В море полно рыбы – или, в данном случае, зеленых юнг при денежках.

Однако, несмотря на юность и неопытность, мальчики были крупными, многочисленными и сложенными, поэтому быстренько промаршировали сквозь толчею с уже естественной для них легкостью, взявшись за руки или плечи и пригибая головы, чтобы не разлучиться в этой ораве. Кейл крепко прижал к себе немаленький мешочек с монетами и поглядел на Лауаки, как бы говоря: «делай так же», но, казалось, другой капитан был на шаг впереди.

Войдя в город, юнги принялись плотоядно высматривать женщин. Кейл даже не знал названия этого района, не говоря уже о том, куда идет, – окружение принцев было несколько узким. Точно он знал только, что разобраться с Ютани каким бы то ни было способом будет легче, когда отряд хорошенько налакается.

Чем дальше они шли, тем меньше торгашей слонялись и

зазывали на каждом углу. Двери уже не освещались факелами и фонарями сверху, женщины возле них перестали призывно махать, а местные здания хранили естественный, чумазый лоск обычной жизни.

Кейл шагнул ближе к Тхетме:

– Эй. Не сочти за обиду. – Его друг прищурился, но ничего не сказал. – Я хочу самую дешевую питейную дыру, какая только есть. Мне плевать, насколько грязную.

Тхетма сверкнул глазами, как бы говоря «с какой такой стати мне это знать?», но да, он *знал*.

– Идем сюда, *маленький принц*.

Юнги обеих команд последовали за ними, но им пришлось передвигать ноги вопреки собственному чутью. К тому времени, как они добрались до того, что казалось заброшенной лачугой без окон, и Тхетма сказал: «Мы на месте», парни начали жаловаться.

– Хотите дешевую выпивку и приличных шлюх? – перекричал их Кейл, – или шикарную выпивку и сгнившие члены?

Остальные притихли и выстроились за Тхетмой, которому пришлось сильно подергать за дверь, прежде чем та распахнулась, выпустив сильный запах несвежего пива, застарелой мочи и рвоты.

– Пованивает, как в казарме, – верно заметил какой-то मु-дак.

– Пейте чего покрепче, ребятки, – прозвучал наивный го-

лос разума.

Кейл мало что разглядел внутри. Несколько ветхих столов и табуретов, дюжина людей там и сям, бесполох в тусклом свете. При виде парадных мундиров настроение их мгновенно стало тревожным, особенно у кабатчика.

– Нам не нужны неприятности, – сказал Кейл, наглядно демонстрируя свою честность блестящей монетой, бросив ее на стойку. – Мы хотим просто выпить, а после уйдем.

Коренастый мужик хмыкнул, и монета исчезла. Он принялся наполнять кружки, пропустив мимо ушей расспросы юнг о наличии ассортимента, и каждый получил одинаковое пиво из одного и того же бочонка.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.